

НИКОЛАЙ НИКИТИН

**И В ГОРЕ,
И В РАДОСТИ**

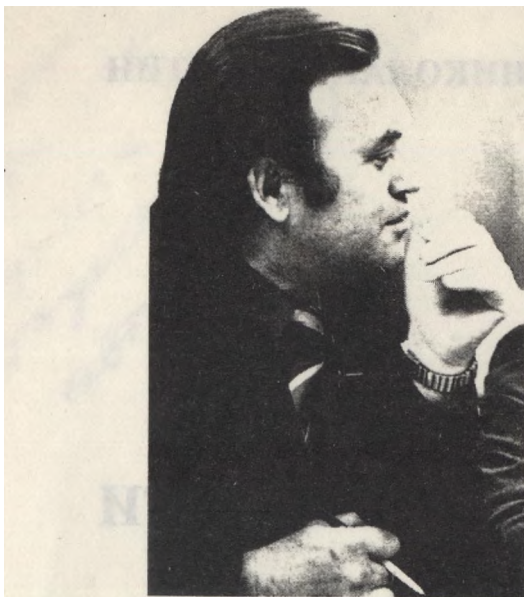
НИКОЛАЙ НИКИТИН

**И В ГОРЕ,
И В РАДОСТИ**

Издательский дом "Шановлюв"

Белгород

1998

Приехал в Белгород человек. Устроился на работу. Был на различных руководящих должностях, дополняя список имеющихся шестнадцати специальностей. Но была у него мечта написать о том, что видел, пережил. Так появились повести, рассказы. А до этого, после окончания МГУ им. М.В. Ломоносова (факультет журналистики), его рассказы и очерки, не раз занимавшие призовые места на конкурсах, публиковались в Подмосковных газетах и газете МВО "Красный воин".

Нынче автор готовит книгу стихов, роман и рассказы. Знакомьтесь: Никитин Николай Егорович, родился в 1938 году в поселке Карагандинской области. Многие на Белгородчине его знают как профсоюзного деятеля, массажиста, биотерапевта, президента областной федерации У-шу.

И В ГОРЕ, И В РАДОСТИ

/Повесть/

1.

— Наталка! — дважды прокричала женщина в цветастом платке, запыленная с дороги. Она только что спрыгнула с брочки и с кнутом в руке ходила по двору, заглядывая в сарай, омшаник, курятник — нигде не было девочки. "Куда же она запропастилась? Может, к соседям ушла", — подумала, наконец, и метнулась в соседний двор.

Там, оседлав прутик, скакал "чапаевец" Митька и рубил направо и налево врагов — разросшиеся лопухи.

— Митьк, ты не знаешь, где Наталка, не у вас она? — начиная беспокоиться, спросила пацана.

— А они с дедушкой в район уехали. Их машина увезла. Наталка всё про тебя, бабка Даша, вспоминала, когда её уносили. Заболела она.

— Ох, горе моё! — ахнула Дарья и тут же села в пыль. — Вот, как чуяло моё сердце, — запричитала женщина, — что-то неладное с племянницей случилось.

Ещё с утра у Дарьи не ладилось с работой, прямо всё из рук валилось. И одно к другому: бригадир просил сделать возков пять — отвозили зерно от комбайна. Оно бы и можно, погода разведрилась — самая уборка. И хотя до тока не близко, но если постараться, то дотемна бы управилась. Так нет — хомут у пегой развалился, не знай как и починила, связав обрывками верёвок и ремней. Потом постромка оборвалась. Всё не слава богу. Беда прямо какая-то навалилась. В груди даже стало тягостно. До обеда кое-как отработала, и тут вот...

Митька смотрел, как вздрагивали плечи у бабы Даши, и не понимал, почему она плачет, ведь её никогда не видели такой. На людях Дарья всегда была весёлой. Разве мог малец понять, каким горем явилось его сообщение о племяннице для этой уже не молодой и одинокой женщины. Да и кто вообще знал о душевных

смятениях Дарьи, если только не двоюродная сестра Полина, мать Наталки. Но та умерла три года назад, оставив дочь на попечение свёкра и сестры.

У обеих сестёр горемычная судьба. Так уж сложилось: одним, как вон Макеевым, колхозному кладовщику, белые пирожочки, а большинству селян приходилось перебиваться на отрубях, замешанных на капустных листьях, а то и на лебеде. Ржаная лепёшка от полынной горечи не лезла в рот. Всё поперевидели деревенские бабоньки, проводив молодых мужей на фронт и не успев налюбоваться.

Дашу, можно сказать, вырвал из сектантской семьи Иван, друг сестрино мужа. Увёз за тридевять земель, чтобы не нашли. Поселились в деревне, сыграли свадьбу в купленной развалюшке, а потом потихоньку начали отстраиваться. Пережила Дарья такие стрессы, что и не рассказать — может, поэтому у них не было детей. А тут началась война. Ушли — улетели соколики невесть куда да там и полегли. У Полинки хотя дочка Наталка осталась, пяти лет отроду. Ещё свекор. Как-никак, а в доме не одна — и светлее, и помощь. Да по характеру Поинка куда бойчее.

Бывало, ночью Дарья все глаза повыплачет — душа-то поистосковалась, иссохла по родимому муженьку — хотя и знала: всё, теперь уже не вернётся, коль пришла похоронка. Утром же идёт на работу опять прямая, строгая. И так держится, пока к обеду не соберутся на поле бабы с отяжелевшими руками и пудовыми ногами в кирзовых сапогах. Вот тут-то и начинается веселье. Полина не даст никому повесить носа: подойдёт, окинет всех взглядом, улыбнётся краешком губ и, поправив кокетливо платок, скажет:

— А что, бабоньки, приуныли?!

— Ой, женишочки боятся в поле выйти к нам, ручки белые испачкать, — в такт ответит Дарья.

И пойдёт хохот по всему полю. А у самой-то Полины, как и у сестры, мужа на фронте сгубили. Чуть ли не день в день повестки-похоронки пришли. Понимали вдовушки, что подружек горемычных надо самих поддерживать. Каждая ведь ждала весточку от мужа, тем и жили. Немногие вернулись с войны, а бабы всё ждали своих. Почтальона каждый день с надеждой и боязнью встречали повечеру у околицы, когда он, уставший и порой обес-

покоенный не меньше их, возвращался из района. Ему тоже доставалось: поди сообщи-ка о смерти мужа или отца, брата. Видеть, как бедные сестрёнки падают на дороге или хватаются за сердце — нет, такое не каждый вынес бы.

Случалось, и неожиданно радостный треугольник, уже спустя год или два, посещал деревню — то находился после войны в далёком госпитале искалеченный солдат. Тогда всей деревней провожали жену или мать за найденным. Такие треугольные письма рождали надежду на возвращение пропавших без вести или не откликнувшихся на запросы родных. Любая женщина скажет тебе, что дороже того треугольника ничего не было. Получив живую весточку от мужа, не замечала молодуха ни холода, ни усталости, ни недоеданий.

У Дарьи простужены ноги, но она никому не жалуется. У Полины сидела какая-то хворь в позвоночнике. Порой от неё деться было некуда — заломит, закрутит, аж туман встанет в глазах. Потом, глядишь, отпустит, расслабит всю, что и двинуться не моги. Врачей в деревне не было, и поди узнай, что там за болезнь, которая то и дело покоя не даёт или сшибает с ног. Но находила вот силы Полина подбадривать подружек! Ещё как-то завела речь:

— А что, бабоньки, как мы живём, грех жаловаться, от пуль не сгибаемся на грядах. Конечно, недоедаем, с ног валимся от усталости. Так кто сейчас также не живёт? Нашим мужьям вон несладко в окопах. Вернутся они, спросят: "Как вы тут, сердешные, ждали нас?". Кто скажет, что не ждали? Ждали. Да ещё как! А помочь им не догадываемся. Может, варежки, носки связать бы или ещё что-нибудь выслать?

После того разговора каждый месяц деревня отправляла на фронт посылку — две. И после похоронок посылки продолжали поступать от крестьянок для других солдатушек, как для своих. Для общего блага.

Полюбила Даша свою двоюродную сестру больше чем мать. Та откровенно с предвзятой враждебностью относилась к соседям, христианам, посещавшим церковь. В своей общине молокан мать была помощницей старца-просвитера, и молились они на дому у матери. Дочь нутром не воспринимала их и за это дорого расплачивалась. Ей не давали по несколько дней горячей пищи,

держали только на воде и корочке хлеба, измазывали красивое лицо сажей. Изуверство доходило до того, что старушки набрасывались на нее и избивали в присутствии матери, которая при этом приговаривала:

— Будь послушной, покорись! Мы тебе добра желаем.

От их добра потом болели ребра и подолгу не сходили синяки. Кого больше тогда возненавидела молодая непокорница Даша — мать или кому поклонялась община — по молодости разобраться было трудно. Она не оправдывала фанатизм и жестокость матери, но и не верила в Сеятеля Добра. Будучи замужем в довольно зрелые годы, а потом потеряв мужа, Дарья не поклонялась образам и не держала их у себя, хотя в душе порой и теплилась надежда на божью помощь. А когда слегла Полина, испугалась и грохнулась на колени перед иконой Христа-Спасителя в доме у сестры. Как в бреду, в отчаянии молила Его помочь бедняжке, дать ей возможность подняться вновь, не оставить дочь сиротой. Увы, в ответ лишь лился холодный взгляд, осуждающий, а в чем — она и сама не знала.

Лишились они дорогого человека. Дарья старалась заменить Наталке мать. Сперва бегала к ним из своей хаты, а когда дед Ефим предложил перейти к ним насовсем, то не отказалась. И девчушка к ней тянулась, зная, что не чужая, да и сердцем добрая тетя Даша. Так вот, в горе и в радости прожили они втроём ещё четыре послевоенных года. Наташе исполнилось семнадцать лет. Росла она красавицей, вся в мать, что статью желанной, что пышностью русых волос. Мужская половина уже заглядывала в её зеленоватую глубину глаз с длинными пушистыми ресницами. Готовые утонуть в этой морской пучине, они, однако, не приставали к ней с ухаживаниями — в деревне, всё ещё по старому укладу, строго с этим. Да и возраст Наталки останавливал ретивых.

— Мала ещё девка, чего там, — говаривали старики, — да хороша растёт.

Женщины отмечали стройность ног. Ровесницы завидовали её аккуратному, чуть вздёрнутому носику. А как-то заезжий художник, увидев Наталку, воскликнул:

— Херувимная невинность! И грудь созревшая для ласок!

Художнику повезло, что его не слышали деревенские ребята, сверстники Наташи, а то бы гореть его бокам. Таковы уж тут

были порядки: с девушками рукам воли не давали, но за них всегда могли постоять. Сама же Наталка не очень-то обращала внимание на лестные замечания — к комплиентам не приучены — земляков или реплики подружек. Не любила красоваться и перед зеркалом, как это делали другие девочки-подростки. Конечно, она видела и чувствовала под рукой упругую грудь, поражалась длине своих ног и красивому профилю стана. Но не гордилась, а стеснялась этой красоты, прятала её в скромные одежды, как цветок прячет свою нежность, закрывая под вечер лепестки бутона. Но приходит время, и бутон вновь раскрывается, поражая окружающих своим великолепием.

Наталкино время ещё не пришло. Она грезилась о прекрасных нарядах, дворцовых балах из прочитанных книг. Её воображение рисовало необычайные картины мира, когда же реальность сводилась к тому, что в доме не всегда было в достатке еды, не приходилось гоняться и за хорошей обувью. Девчонки, что побогаче, щеголяли в чёрных или даже в белых катанках, сваленных по заказу в другой деревне, а Наталка всю зиму бегала в подшитых валенках. Мать хотя и предлагала подсобить денег на чесанки, но дочь отказалась: "Мне, мам, и в этих хорошо". Понимала, что по их жизни не до форсу, или просто стеснялась красоты? Никто не задумывался об этом. Полина разрывалась в бесконечных хлопотах по домашнему хозяйству и работой на полях. Свёкор почти не помогал по дому, то и дело находясь в извозе. Постоянные тяготы надломили женщину. Всё чаще стал беспокоить позвоночник. Соседка делала ей припарки да ставила банки. Знахарство её не помогало. Своей больницы не было, а до районной не ближний свет.

— Работу, дом что ли бросить да лежать на белых простынях! — отговаривалась Полина. — Пройдёт моя хворь, а в поле рук не хватает.

Болезнь оказалась куда опасней, чем утверждала знахарка. В один из дней, после тяжёлого труда, у Полины опять разболелся позвоночник. Острые боли пронзали до головы. В глазах всё плыло и кружилось. Пока нашли колхозную машину и довезли до района, произошла, как сказали врачи, закупорка позвоночной артерии, которая вызвала нарушения головного мозга. Тряская тридцатикилометровая дорога довершила своё дело, вызвав кро-

воизлияние в продолговатый мозг. Больная скончалась на операционном столе.

Несчастья посыпались на бедную семью, как из рога изобилия. Вскоре Ефим, проезжая на санях по тонкому льду, провалился под лёд. После зимней купели у него стали отказывать ноги. Теперь уже было не до извоза. Хорошо ещё колхоз, учитывая несчастный случай, стал помогать инвалиду, а то бы куковали они с Наталкой или, вернее, сидели бы на шее Дарьи. Похоронив невестку, Ефим не находил места дома от тоски и всю теперь любовь переложил на внучку Наталочку. Вдвоём с Дарьей они старались уберечь её от напастей, да, видать, рок навис над семьёй — девочка стала всё чаще жаловаться на боли в пояснице.

— Откуда у тебя-то старческая болезнь? — недоумевал дед. — Это у нас, стариков, ломит поясница. Оно и понятно: перетрудишься — вот и хандрит там, — рассуждал деловито Ефим, коптя сигаркой. Раньше он и горя не знал при Полинке, запряжет лошадку и потрусит потихоньку в город или куда там ещё по заказу председателя колхоза. Все заботы по дому оставались на невестке. А теперь понимал, как он нужен внучке. А она в одно утро враз ойкнула, умываясь у рукомойника, и, перекошенная, еле добралась до кровати.

— Деда, деда, что со мной? Больно, деда, помоги! — запричитала девчушка.

Заметался Ефим, не зная что и предпринять. Ох, как он беспокоился: а вдруг, как у невестки, что-то наследственное... Дарья уже была на работе, и дед, ковыляя, сам разыскал машину и повёз внучку в районную больницу. Врачи его успокоили. То был прострел, по-"ихнему" люмбаго, запомнил Ефим, рассказывая дома Дарье о внучке.

2.

Поместили Наташу в палату с высоким потолком, белым, как стены, как простыни; и всё здесь было светлым — от тумбочек, никелированных кроватей до тщательно вымытых окон. Пять коек были уже заняты. На пустующей женщина в белом халате поправила подушку, откинула одеяло и повернулась к больной:

— Занимай. Тут до тебя с радикулитом лежала, выздоровела.

Сказала и вышла. Её бесстрастные глаза, костлявые пальцы, чрезмерная худоба, да ещё больничные запахи и мысли о том, что вот тут, рядом с незнакомыми женщинами придётся лежать много дней — всё это так повергло воспаленный ум девушки, что она, едва сдерживая стон, повалилась на кровать.

Боль в пояснице усилилась. Тупая, она пронзила весь позвоночник, отнимала ноги. Кружило голову, как в половодье, когда долго смотришь на водоворот, теснящиеся льдины, которые забирают тебя и уносят с собой. Наташа не выдержала, всхлипнула, разбудив соседку по койке. Та, недовольная, что прервали послеобеденный отдых, приподнялась на локте, сонно буркнула:

— Что плачешь-то? — и, немного погодя, покачав головой, добавила, — а, новенькая...

Вернулась женщина в халате, та, худая, взглянула на больную серыми глазами и неожиданно участливо спросила:

— Болит? — и, вздохнув, успокоила, — ничего, вылечим; процедуры начнём с завтрашнего дня, а сегодня отлёживайся, да и врачей уже нет, они ещё и по вызовам работают.

Она повернула свисающий угол одеяла и, уходя, предупредила всех:

— Скоро полдник, не задерживайтесь. Там уже с передачками пришли, вставайте.

На койках зашевелились, загомонили, зевая, перекидывались репликами:

— Людка, вставай, пора баржу встречать! — это к соседке, лет двадцати пяти, — чернявой и очень миловидной.

— Мой сегодня не придёт, у него суточное дежурство, и не мешай мне спать, — ответила чернявая.

— Во, посмотрите на неё: в обед выспится, а вечером её колом не загонишь в постель!

— А рыжева-то кто будет обнимать вечером, не ты ли пойдёшь? — певуче встряла третья, с бровями, как у лермонтовского Демона.

— Ты собирайся вон побыстрее, а не точи зубы! — беззлобно ответила та демонихе.

— А голой что собираться — подпоясалась и пошла!

Хохот потряс палату.

"Шутят, смеются, вроде как и не больные", — подумала На-

таша.

Вскоре все ушли в столовую. Няня принесла новенькой бульона с хлебом.

— Поешь, милая, а то на обед не поспела. Потом компоту принесу.

Мелкие блёстки всколыхнулись по краям чашки. От бульона больше пахло картошкой, а не куриным наваром. К такой еде не тянуло. Наташа вспомнила, как мама готовила густой борщ на косточке. К нему подавала краюшку свежее выпеченного хлеба. Она даже почувствовала аромат поджаристой корочки. Интересно, после матери Наталка пробовала сама выпекать в русской печи хлеба, но они то не поднимались, то сверху поджаривались, а внутри не пропекались. Тётя Даша за выпечку никогда не бралась, пользовалась всё привозным магазинным, формованным под кирпич.

К бульону Наташа так и не притронулась, когда няня уже принесла компот с булочкой. В бокале утонула одна чернослива, и компот, явно разбавленный, отдавал водой. Но с булочкой он утолил голод.

Позвоночник немного утих, дал возможность повернуться на бок. Возвратились женщины из столовой. Некоторые из них несли с собой полные сумки домашней провизии — разгрузили "баржи". Демоническая искала защиту у товаров:

— Я правду подметила, а меня же начали осуждать, — продолжала она разговор, начатый в коридоре, — никакой ведь культурно-массовой работы в больнице не ведётся: стенгазета трёхмесячной давности, библиотечку привозят раз в десять дней, лекций здесь не бывает.

— Врачи говорят: больным нужен покой, а чрезмерные волнения противопоказаны, — ответила ей чернявая Людка.

— Тебе-то эти чрезмерные не мешают! — заметила демоничка.

— Да ну тебя! — отмахнулась молодая.

И опять хохот на всю палату. Тут кто-то постучал в дверь.

— Войдите! — откликнулось сразу три-четыре голоса, хотя некоторые были и не в халатах.

— Привет выздоравливающим! — показалась рыжая голова, — у вас, я вижу, всё хоккей, тогда прошу сегодня на фильм по

заявкам членов профсоюза. Сбор в зале рекреации, — голова, подморгнув неопределённо кому, скрылась.

— Это ещё где, в реанимации, что ли? — не поняла старшая из женщин.

— Ой, да этот баламут Юрка скажет! В вестибюле же телевизор стоит. А какой фильм и во сколько, не сказал.

— Я же вам говорила: свежих газет даже нет, а то бы программу посмотрели, — вставилась молодая.

Заговорили о Юрке. Потом перебрали других ребят. И всё со смехом, с прибаутками. Узнав о времени начала кино, весёлая палата дружно перекочевала в вестибюль. Оставшись одна, Наташа загрустила, вспомнила о деде: лежит, наверное, на печи, хотя и лето. Да уж, какое лето, когда уборка урожая идёт к концу; дожди начали одолевать; и скоро совсем расквасит дороги. Тётя Даша вряд ли приедет навестить — колхозные дела, да и за дедом надо присмотреть. Хозяйство у них осталось небольшое: восемь кур да три козы. Корову как-то сразу после Полины продали. Наталка вспомнила, какие у Цыганки были большие и влажные глаза, когда её уводили со двора. Видать, всё животное понимала.

Защемило сердце. Пересиливая боль в пояснице, она подошла к окну. Солнце ещё не садилось. Яркое и тёплое, оно заглядывало в окно, играло на стенах, осветливая их ещё больше, мягко разливалось по полу. Недалеко от здания больницы, прямо за изгородью, начинался лес, хотя и редкий, но по деревьям видно — старый. Сейчас пора грибов. "А от нашей деревни лес далеко, за грибами особо не походишь, разве когда деда свозит, — и тут же грустная мысль перебила хорошее чувство, — теперь деда уже не свозит, сам хворый; и мне, наверное, придётся долго лежать. А как же со школой? Ведь последний, десятый класс остался. А потом подружки собираются ехать учиться в город. А я? На кого я оставлю деда, если уеду? На тётю Дашу? Она, конечно, добрая и заботливая, не бросит его. И что я буду делать в городе? В деревне мне мило, всё знакомо. Пойду дояркой в колхоз. Мама тоже дояркой была, пока не ушла на полевые работы", — думала и думала Наталья о своих близких, о своей жизни, а к выводу окончательному так и не приходила. Хотелось, конечно, молодой девушке испытать городской жизни, а с другой стороны, боялась она её, как чего-то неясного, тёмного, где могут обмануть, оби-

деть: "Ведь там все чужие друг другу", — как говорила тётя Даша.

Лечение шло интенсивно, а от того и успешно. Молодой организм быстро справлялся с недугом. Во многом помогала и обстановка, полная дружелюбия, взаимного проникновения и сочувствия к чужой боли. Об этом здесь не говорят вслух, а просто стараются помочь друг другу в чём-то, когда это надо. Мужская половина — само внимание к женской, угощают обильными дарами природы. Осень, и на столах постоянно спелые помидоры, манящие сочной красотой, в достатке и зелени: огурцы, лук, петрушка, щавель, укроп. Это всё приносное, с "барж". А больничный рацион однообразен, на питание не раскошелятся. Деньги идут на строительство социализма. Больные же социализм не строят. Грустно. Хорошо, что ещё люди делятся между собой — война многому научила. К Наташе никто не приходит и не приезжает — далековато от деревни, и рейсового транспорта нет. Но её в палате все любят и без неё за стол не садятся, как бы она не сопротивлялась.

Доктор прописал уже прогулки, и больничная жизнь у девушки просветлела. А тут на днях её обрадовали сразу два письма — от подруг и тётя Даши. Наташа никогда не получала писем, и эти, первые, были ей дороже бриллиантов. С трепетом в душе она развернула тётино письмо, с мыслью: "Как там дедушка?". "... У нас всё хорошо, — успокаивала тётя, — только все по тебе соскучились. Коля спрашивал, нет ли весточки от тебя. В воскресенье я к тебе приеду навестить. Курочки и козочки здоровы, веселы".

И о многом другом, в основном о делах в колхозе, сообщила Дарья. Наташе всё было интересно: и то, что теперь колхоз переименован в совхоз, где за работу будут платить деньгами, как в городе; и мнение деда о названии совхоза имени Тельмана. "Дед Ефим, — как писала Дарья, — ворчит: что, наших, расейских героев нету что ли, немцем назвали совхоз; а совхоз — он что? — люди же. Вот, выходит, нас всех и причесали под немецкую гребёнку". "Уж я ему, старому, — жалуется тётя, — говорю: "Помолчал бы ты, так говорить небезопасно, молоть абы что". А ты, Наталочка, не давай другим читать письмо, порви и выбрось его в мусорку".

Вместе с хорошим сообщением, что дома всё благополучно, замечание деда создавало тягостное настроение. Наташа понима-

ла деда, ведь он потерял на войне сына, а она отца. "Но не Тельманы же в этом виноваты!", — шла она против родича.

Письмо же подружек подбодрило её. Сочиняли его Люся и Галя. Потом, как они пишут, пришёл Колька Шкрябин и разбавил пресноту. Ох, уж этот Колька! Хохмач. В школе ей проходу не даёт: то, как маленькую, за косу дёрнет, то ущипнёт или загорлопанит: "Сильва, ты меня не любишь, Сильва, ты меня погубишь!". Олух, девятый окончил, а не взрослеет!", — улыбаясь, вспоминала Наташа одноклассника. Письмо было длинным и интересным. Наташа прочитала его несколько раз. Девчонки писали, что обязательно выберутся к ней, и пусть она не грустит. А у Наташи от этого письма радости не было предела, что даже доктор Геннадий Фёдорович заметил:

— Если у тебя, дорогуша, всегда будут такие сияющие глаза, то к школе выпишу из больницы.

3.

К концу третьей недели Наташа знала уже весь медперсонал и больных их отделения. К вечеру у телевизора собирались почти все ходячие, одни, считай, женщины. Мужчин мало, среди них трое ребят: Миша Рязанцев, незаметный такой, почти всегда с книжкой; Витя Мальцев, у которого чернота не сходила с тонких и капризных губ от черники; и Юра Рыжов, прозванный рыжиком не столько из-за цвета волос, сколько из-за фамилии. Он больше русский, чем рыжий. У женщин он не сходит с уст. Больше о нём судачит Людка, видимо, поэтому ей и приписывают любовь к Рыжову. На самом же деле, как поняла Наташа, никакие они не влюблённые, — так и подсказывало обострённое чувство девушки. И вообще, за последнее время у Натальи стало проявляться шестое чувство, она начала воспринимать мир по-иному, словно в другом цвете. Сказывалось скорее всего и перемена места, и общение со взрослыми женщинами, и пробуждающийся в ней самой аналитический ум.

Соседок она не стеснялась, наоборот, присматривалась к ним, старалась понять их, и видела значительную разницу против деревенских. А с ребятами вела себя скованно, особенно с Юрой. Почему? — пробовала разобраться. Наверное, оттого, что и в

школе дружила с девочками, а ребята в их деревне держались особнячком. К тому же, если говорить о Рыжове, то ему пошёл двадцать второй год, как-никак, а на четыре года старше. Такие в деревне все женатые, оседлые мужики, не то, что городские. Юрий вон хотя и отслужил в армии, а не торопится жениться. Городские — они такие, сперва покопаются в невестах — выбор-то большой, а уж потом начнут по серьёзному ухаживать. В райцентр Юрий приехал в гости к старшей сестре, да тут разболелась не на шутку травмированная после прыжков нога. Видать, не долечил в санбате.

В райцентре, хотя не ходят трамваи, а жизнь приближается к городской — фабрики, заводы, кинотеатры, редакция газеты. Оттого и люди там выглядят по-иному. Дед Ефим как-то выразился: "В райцентре не пашут и не сеют, только погоняют!". Конечно, там всё вышестоящие руководящие органы. Они и спускают разрядки по колхозам, собирают сведения по урожаям и информируют выше, в область.

А деревня что? Деревня, она и есть деревня. Грязь по колёно, навоз, с темна и дотемна на полях да на ферме. По вечерам — домашнее хозяйство. Молодёжь ещё сходит на привозное кино. А взрослым не до того, хотя бы отойти за ночь, а назавтра опять за вилы да за лопату. После войны хотя жизнь и начинала потихоньку налаживаться, а деревня не вылезала из кирзовых сапог да телогреек — тут уж не потягаешься с городскими. Отсюда и культура не та, рассуждения всё больше о хлебе насущном, а не о театрах или прочитанных книгах.

У некоторых деревенских не хватает терпенья, и тогда семьями или в одиночку, правдами и неправдами, добиваются справок — паспортов не выдавали, как будто бы мы, кровно деревенские, иностранно-подданные, — уезжают в райцентр, а кто посмелее, и в город. Пустеет деревня. Если и пополняется молодёжью, остающейся после школы в родных пенатах, то и их однообразная и выматывающая жизнь засасывает, как вековечное болото. Учитывая этот немаловажный фактор, партия и правительство, решая аграрные вопросы в стране, пошло на перестройку. Так стали создаваться новые формы хозяйствования — совхозы. Это приос-тановило утечку свежих сил из деревни.

Наташа, восприимчивая по характеру, общаясь в новой сре-

де, невольно меняла свои взгляды на свою жизнь. И тем не менее, у неё не угасало чувство родного и близкого к своей деревне. В ней прожили её мать, отец, дед, родилась сама и почти закончила десятилетку; были и тяжёлые годы, и годы просветления. Всё это с рождением человека вкрапывается в кровь, и всё это, явно или не явно, всю жизнь на чаше весов, не давая стрелке падать в сторону разочарования и бесконечных жалоб на судьбину, что некому понять бабью долю, что жизнь с её светлой мечтой не удалась, что, в конце концов, чёрная сила отняла у них самое дорогое — мужей, отцов, братьев. Да, старшие пережили, думала Наташа, то, что, не дай бог, видеть молодым. Детям пятидесятых годов предстоит строить новую жизнь. Ломка старой уже началась: организуются совнархозы, объединяются колхозы, и в них вливаются машинотракторные станции, создаются совхозы. В деревне, где живёт Наташа, намечено построить школу-десятилетку. Детям в будущем не придётся бегать после седьмого класса в школу за четыре-пять километров в другую деревню.

Наташа, фантазируя, уже слышала строительные шумы, перестуки, весёлые голоса. Ей самой захотелось принять участие в стройке школы, пусть не для себя, другие будут получать среднее образование в своей деревне. Но для работы на стройке надо иметь сильные руки, крепкую поясницу. "А что у меня? — отходила она от дум. — Вылечиться бы до начала занятий". И когда девушка делилась своими раздумьями с соседками, те утверждали: "Вылечат, не сомневайся. Врачи опытные. И вообще, сомнения вредны. Сама настраивайся на хороший лад. К тому же, обстановка здесь не больничная, а санаторная: рядом лес, прогулки, сбор лесных ягод, грибов".

Природа в месте расположения больничного комплекса, и правда, благодатная. Больные группками частенько удаляются в гущу леса, который дарит людям основное своё богатство — чистый воздух, живительную энергию. Заводилой в таких походах, как правило, бывает Юрий Рыжов. Рыжик ещё с вечера договаривается не проспять зорьку — иначе грибы разбегутся! — или после обеда сходить прогуляться под сенью деревьев, послушать щебет птиц, трепетные трели соловья, особенно яркие под вечер, когда они прощаются со своими подругами до утренней зорьки.

К Рыжову тянутся все: женщины, молодёжь, мужчины. Он

со всеми ровен, весел, одинаково общителен. И поэтому женщины его боготворят за весёлый нрав, мужчинам интересно послушать городского, а ребятам, что помоложе, хочется побольше узнать про десантные войска, прыжки с парашютом. Юрий в армии служил старшим пилотом, имеет полсотни прыжков, успел побывать не в одном городе — вот с ним и интересно беседовать.

Наташе очень хочется поговорить с ним наедине, узнать его поближе, но как это сделать? Не подзывать же его к себе. Он, правда, сам иногда подходит к её койке — мимоходом. Вскользь бросает какую-нибудь фразу, словно главврач на обходе, и удаляется к другим, ступая размеренно и не обращая внимания на подковырки женщин. Высокий, гибкий, улыбчивый, он поражал голубизной своих глаз, простой шуткой мог развеять тяжёлые мысли больного. Но иногда его речь становится острее ножа, если это касается больничных "жуков". Так называют нытиков, "сочувствующих" тяжело больным. Вот подходит такой жук к лежачему и заводит речь о разных болезнях, при этом всё сводит к тяжёлым последствиям или летательному исходу. На лице же жука всегда гримаса сочувствия. Рыжов осаждал таких, заставляя убираться подальше.

Наташа восторгалась такой прямоотой. А ещё она умилялась преображению Юрия, когда приезжала его сестра Вика, слегка полноватая, круглоликая женщина. Юра — удивительное её повторение, только худее — сказывалась спортивная закалка десантника. При виде сестры у него теплели глаза, улыбка не сходила с губ, и весь он светлел лицом, речь становилась мягче, певуче. "Вот бы ко мне он так относился!" — как-то подумала Наташа и тут же, ойкнув, зарделась, как маковка, заметалась, не зная, куда и как спрятать блеск морской волны своих глаз. У девушки впервые забилося сердце часто-часто, с такими ударами, что ей показалось Юра и все женщины палаты вот-вот прочтут её мысли.

И ещё Наташу волновал вопрос: "В каком фильме видела солдата, похожего на Юру?". Как-то, не выдержав, она спросила у него:

— Вы снимались в каком-нибудь кино?

Рыжов улыбнулся и хвастливо ответил:

— Киноактёр Рыжов к вашим услугам!

И когда восторженная девушка готова была пронзить его зачарованным взглядом, он вдруг потупил глаза и быстро сменил тему разговора. Кто бы мог знать, как он растерялся в этот момент! Он и сам поражался, какой внутренний бес заставил его соврать, показаться каким-то необычным человеком. Ему и раньше говорили, что он похож на одного киноактёра. Но, увы, Юрий в артисты не подавался, и его никто сниматься в кино не приглашал. Факт для него не очень значительный, однако, приятно было прихвастнуть. Потом уже, вечером, засыпая, он почувствовал вроде бы раскаяние; что-то встрепенулось у него там, в груди, наподобие укора, но оно быстро исчезло, сменившись картиной портрета милой и непосредственной Наталки. "Свежий цветочек! Будет ли он моим?" — мечтательно и безболезненно засыпал Юрий.

Утром он впервые обратил внимание, что его новая знакомая, по ком он вздыхал вечером, бросает в его сторону откровенные взгляды. В них — притяжение, очарование! И, словно загнипотизированный, Рыжов заскользил жадным взглядом по её точёной фигурке, на ходу отмечая развитее бугорки под халатиком, едва прикрывающим колени стройных ног, и мягкую плавность линий вполне оформившейся девушки. Он больше уже не мог не думать о ней. Его потянуло к ней, как истомлённого к глотку воды, захотелось взять её руки в свои и ласкать их, целовать.

Когда их взгляды встречались, Наташа стеснительно отворачивалась, а Юрий не мог. Как долго подобное продолжалось бы, если бы не случай, столкнувший их. В соседней палате умерла женщина от инфаркта. Все собрались в коридоре проводить в последний путь знакомую, мысленно попрощаться. Юрий оказался рядом с Наташей. Она, не оборачиваясь, почувствовала его дыхание на своей спине. Сердце гулко забилося.

— Вот и всё... Так обрывается жизнь, — тихо произнес Юра.

Наталья повернулась к нему боком, давая место рядом. Он продвинулся вперёд и продолжил свою мысль:

— Для чего человек живёт на земле? — Извечный вопрос. Идеи, стремления, планы, задачи — всё суета сует. Одно утверждается годами, а стирается, как ненужное, за минуту, секунду. Что или Кто уносит жизнь — Тёмные силы? Бог? Ничего мы не знаем о потустороннем мире, и есть ли он на самом деле?

Наташа промокнула глаза платочком, и Юрий только сейчас заметил, что она тихо плакала всё время, пока он рассуждал.

— Тебе плохо, Ната? — наклонившись к ней, спросил он.

— Пойдёмте отсюда, я уже не могу... — она дотронулась до его руки.

На улице дышалось легко. Они сели на лавочку. Помолчали. Наташа заговорила первой:

— Пять лет назад в этой же больнице умерла моя мама.

— Наташенька, прости и прими, хотя и позднее, моё сочувствие.

Юрий взял её руку. Она не противилась. Он стал нежно гладить её пальчики, ладошку.

— И ещё: я виноват перед тобой, что соврал, якобы снимался в кино. Просто на кого-то из актёров похож.

— Всё, Юра, это мелочи жизни. На подобное, думаю, не стоит обращать особое внимание. Вы правильно сказали: "суета сует". Живем мы в деревне, и мысли у нас без взлёта, как говорит дед Ефим: "О хлебе насущном надо думать!". Вот и думаем. Убого. Серо. А что делать, Юра?

— Ты, я слышал, перешла в десятый класс? Вот и заканчивай его, а потом поступишь в институт. Город преобразует мысли, взгляды на жизнь, рассеет пессимизм.

— Бегство от трудностей? А как на местах улучшать жизнь? Вот в чём проблема. Вам легко рассуждать — вы родились и прожили все годы в городе. У вас за плечами другая, богатая жизнь, не то, что у меня.

— Какая она богатая... Так, с небольшой разницей — больше повидал, конечно... а в целом мы не отличаемся друг от друга. Я имею в виду мы — современники. Едим один хлеб, смотрим одни и те же фильмы, читаем по кругу книги — всё это объединяет нас и сглаживает под одну гребёнку. Всё, что я изучал, проходила и ты. Одинаково знаем о прошлом из истории, хотя и не жили тогда, не участвовали в войнах.

— Юр, а это правда, что ты в армии был старшим пилотом и прыгал с парашютом? — Наталья и не заметила, как перешла на "ты" с Рыжовым.

Юрий рассмеялся:

— Ловко ты меня, ловко подкузьмила! Нет, тут всё в норме,

не как в кино. Я окончил воздухоплавательную школу и работал старшим пилотом. А кто служил в десантных войсках, тот обязан был прыгать с парашютом — вот и вся премудрость.

— Страшно прыгать? Куда-то в бездну, обрываешься в пустоту...

— Ужасно! — подыграл ей Юрий. — Особенно, когда думаешь, что разорвётся сердце и не повстречаешь такую красивую девушку, как ты.

— Всё б тебе насмехаться! — Наталья выдернула свою руку из его и шлёпнула по плечу.

Их позвали:

— Молодёжь, на ужин!

Уходить не хотелось. Им было так легко и просто. Хотелось остановить время. Но оно неумолимо. Но оно, увы, неуправляемо. Хотя этот день повторялся шутками и смехом много раз. Оба ожидали встреч, и едва заканчивались процедуры, как они уже были вместе, гуляли или садились на лавочку и болтали без умолку, словно боясь не высказать всё, что накопилось за ночь, за всю свою жизнь. Дни для обоих стали пролетать незаметно — их просто не хватало.

Юрий всё больше поражался начитанностью своей подруги, её природным умом и чистой суждений. Между ними еще стоял невидимый порог, не было сказано тех слов, которые лишают сна, в основе которых лежит огромное взаимное притяжение, бросающее людей в объятия. Природная стеснительность Наташи не позволяла ей раскрываться до конца, хотя она считала, что их взаимоотношения самые светлые и чистые, и тайн между ними не должно быть. Видя эту чистоту, Юрий не позволял себе переступить порог дозволенного. С другими избранницами у него не было в этом проблем. В Наташе же было что-то такое, что стопорило действия: то ли наивная преданность, то ли детская непосредственность.

Наташа никогда раньше не встречалась с кем-то из ребят. Ее никто из них не провожал до дома. В школу все ходили гурьбой, в кино — клуб рядом с домом. К ней же приходили свободно и девочки, и ребята. Ее мать Полина была приветливой, молодежь любила и привечала у себя — с ней веселей, не слышишь вечных причитаний и сетований на судьбу. Дочка не испытывала особых

чувств к ребятам, хотя некоторые девчонки ее возраста уже вздыхали тайно по ком-нибудь из деревенских парней. И вот внезапно, как занесенное бурей, щемящее чувство всколыхнуло ее сердце, зажгло пламенем, готовым спалить ее до конца. Она боялась потерять голову при встрече с полюбившимся ей человеком. Боролась с собой, замыкалась, и тогда Юрий, заметив затуманенные ее глаза спрашивал:

— Что-то беспокоит? Или я что-нибудь не так сказал?

— Нет, Юра, всё так, только... только зачем нам встречаться? Всё равно скоро расстанемся. Геннадий Фёдорович сказал, что дело пошло на поправку. Выпишут — и всё. Всё, всё... — заплакала она.

И тут Рыжов обнял её, впервые, нежно прижал к себе и осторожно, боясь вызвать в ней сопротивление, поцеловал в щёку.

— Наточка, милая, я не забуду тебя никогда, — прошептал ей на ухо.

Она повернула к нему голову, и их губы встретились. Юрий стал целовать её порывисто, со страстью опытного сластолюбца, при этом всё сильнее и сильнее сжимал её разгорячённое молодое тело. Он не мог оторваться от него, чувствуя под халатиком упругие налитые груди, крепкие бёдра, гибкую спину. Наташа чуть не теряла от этих объятий сознание, и он чувствовал это, но боялся овладеть ею, хотя в их уединенности ничто этому не мешало. Боялся впервые — самого себя, девушки, последствия. Неимоверными усилиями он останавливал себя и охлаждал. Потом, уже в палате, когда невозможно было заснуть от переутомления и воздержания, перебирал в памяти встречу и, в сомнении, пытался понять: что это, любовь или страстное желание обладать её телом? "А если любовь, — рассуждал он, — что тогда? Жениться? Уехать в деревню на вечное поселение, как в изгнание? Ну, уж нет! Взять её в город? А моя учёба и прочее? Тогда прощай молодость? Стоп, Юра, думай, надо ли тебе такое удовольствие!".

На следующий день он спросил Наташу:

— Ты живёшь с папой?

— Папа погиб в сорок третьем. Остались мы с дедушкой.

Ещё тётя Даша с нами живёт. Она мне как мать и за хворым дедушкой ухаживает. В письме обещала скоро приехать. Я тебя познакомлю с ней, она очень добрая.

— Как же ты представишь меня ей?

— Как есть, дружим, мол.

— Мда...— вздохнул Рыжов, — у тебя как-то всё просто получается: не успели толком подружиться, как ты уже хочешь познакомиться меня со своей роднёй. А что они подумают обо мне? О нас? Скажут, вот оторвалась девчонка от дома, как от рук, а тут уже этот хахаль подхватил её. Чего доброго, а то ещё эти деревенские припишут чего-нибудь и похлеще, потом пойди доказывай, что ты не слон.

— Юра, да что ты такое говоришь? — испугалась Наташа его речей. — Мне даже совестно становится от твоих слов и за себя, и за тебя. Хорошо, я не буду тебя знакомить с ней. Пусть будет по-твоему, но ты не прав.

В воскресенье Дарья действительно приехала. Было ещё утреннему свежевато, когда только что рассеялся туман и не просохла роса на пожухлой траве, усыпанной листвой. Но солнце уже играло крохотными стёклышками росинок и ярче высвечивало палитру неисчислимых красок от нежной охры до аспидного тона.

В этот день процедур не было, и Наташа после завтрака собиралась выйти на свежий воздух, зная, на лавочке её уже поджидает друг. Подошла медсестра, обрадовалась:

— Наташа, к тебе приехали.

— Это тётя Даша! — сразу догадалась та.

На крыльце, и правда, стояла Дарья в коричневом платье и коричневых туфлях. Сияющую, её такую Наташа и не видела — всё в сапогах да телогрейке — и зимой, и летом одним цветом. Разве что в сильные морозы надевала валенки.

Сердце девушки готово было вырваться из груди от радости. Она, благо ростом с тётю, кинулась ей на шею, обняла и расцеловала так, что у Дарьи повлажнели глаза.

— Ну, что ты, что ты, задушишь меня, хорошая моя! Силы-то, силы сколько набралось! Домой пора, школа на носу, и дед притомился ждать, — лепетала женщина от счастья, что племянница так соскучилась по ней и так любит её. — А я к тебе не одна... Ой, да что там, —махнула рукой, — а ну, девчата, выходи, хватит прятаться! — крикнула, обернувшись к машине, стоявшей во дворе.

Из-за "трехтонки" выскочили Галя, Люся, Вера и с ними Шкрябин Колька. Наташа даже растерялась поначалу. А подружки, не замечая её состояния, обнимали и висли на ней, чуть не валя с ног. Шкрябин же несмело стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу.

— Здравствуй, Коля! — протянула руку Наташа. — Надо же, как здорово, что и ты приехал навестить!

— Да я ... вместе со всеми, — ещё больше застеснялся Шкрябин.

Его охватило смущение еще раньше, когда он только увидел Наташу — как она похорошела, как сразу изменилась! Стала тоньше и женственней, черты лица вырисовывались ярче и притягательнее, а в глазах — этих искристых изюминках — запуталась поволока взрослой девушки. Наташа, которую он донимал в школе на переменах, теперь казалась недоступной красавицей, другой, незнакомой ему.

4.

Машина увезла гостей перед обедом. Девчата вдоволь нашебатались, поведав подружке все свои тайны, она же умолчала о дружбе с Юрием. Ни словом не обмолвилась о друге и с тетей. То ли предыдущий разговор с Юрием, то ли что-то другое не позволило ей раскрепоститься и поделиться с ними новостью. Скорее всего она вдруг почувствовала не прочной ниточку, связующую её душевное состояние с Юриным. Но, как бы то ни было, она верила ему и о разногласиях, временных, не столь важных, по её понятию, не думала. "О своих ли колебаниях рассказывать всем? — мелькнула как-то у неё мысль. — Раскрыть душу — равносильно опустошить её, ничего не оставить себе — ни тайного, ни явного. А чем же жить тогда? Ведь впереди целый год разлуки. Юра уедет в город учиться в университете — он на втором курсе факультета журналистики. Счастливый, всё у него складывается удачно в жизни. А что я? — думала Наташа, — Школьница. Ещё не окончила десятилетку. Что впереди — неизвестно. Если бы Юра помог мне в выборе пути. Да стану обузой. Ему самому надо учиться, в деревню не поедет жить".

Чем ближе наступал день расставания, тем настойчивее одо-

левали её тревожные мысли, а выхода им не было. И хотя Юра сказал, что не забудет её, это ещё не означало признания в любви или заверения в верности. Будет ли он ждать год? А потом? — Голова раскалывалась по ночам. А днём, при встрече с Рыжовым, она забывала о бессонной ночи и утопала в волнах счастья.

Юрия тоже сверлила мысль о скором расставанье. Он уже отлежал свои койко-дни, здоровье нормализовалось, и лечащий доктор так и заявил: "Готовься, молодец, к десантированию!". А что готовиться, как говорит Демониха: "Голому собираться — подпоясался и пошёл". "Вот как начать разговор с Натальей о расставанье? Мы даже не объяснились. Какой же я трус, а ещё десантник, — корил себя Рыжов, — всё, сегодня же скажу, что люблю её".

Встреча состоялась, как обычно, у лавочки, знакомой до последней выщербинки — так в жизни предметы становятся одушевлёнными и родными. Юрий обратил внимание, что Наташа шла сегодня к нему как-то неуверенно. Подошла, поздоровалась, опустила глаза.

— Что случилось, Наталёк? — Юрий взял её за руку.

— Ничего.

— Как "ничего", где же тогда твои глаза?

Наташа вздохнула.

— Наши женщины говорят, что тебя уже выписывают, а я только узнала.

— Кто же разболтал? Это врач сегодня на обходе сказал мне, чтобы я готовился к выписке. Я и хотел поговорить с тобой об этом. У меня всё хорошо, но лучше бы ещё поболеть, пока ты здесь. Я, наверное, покажусь тебе слабым, сентиментальным, но, сознаюсь, мне трудно уезжать от тебя. Я полюбил тебя, и ты застила мне белый свет!

— Юра, я тебя тоже люблю и не хочу расставаться.

— Я не уеду от сестры, пока ты будешь здесь, а летом на следующий год приеду к тебе в деревню.

— Я буду тебя ждать. Ты напишешь мне, будешь писать?

— Обязательно. Я буду часто тебе писать, и ты, ладно?

На другой день они попрощались. Юрия провожало чуть ли не всё отделение неврологии. Пожав всем руки, он задержался возле Наташи:

— Не горюй, скоро увидимся. Я тебя люблю, — прошептал он.

Наташа возвращалась в палату, как во сне, ничего не сообщая, на ватных ногах. Она легла на койку, скомкав подушку, и чуть не разревелась, если бы не медсестра, позвавшая её к врачу. Геннадий Фёдорович, отложив в сторону папку, предложил:

— Присядь, голубушка, поговорим.

Наташа успела прочитать на папке: "Медицинская карточка. Мухина Наталья Петровна, 1936 г. рождения". Доктор указал на стул.

— Вот ещё раз просмотрел твои анализы, курс лечения — теоретически у тебя всё хорошо, а как ты сама чувствуешь? Почему глазки заплаканные?

— Болей уже нет. А насчёт глаз — это к лечению не относится.

— Ну-ну, — единственное, что сказал доктор и попросил нагнуться, потом положил на кушетку, заставил приподняться, потом начал выстукивать по коленкам и стопам молоточком и, наконец, твёрдо заявил:

— Всё, барышня, здорова! Завтра выписываем, — и, увидев растерянность на лице пациентки, опередил, — насчёт транспорта побеспокоимся заранее, я сейчас же позвоню в ваш сельсовет и договорюсь о машине.

Он тут же начал названивать через коммутатор. Трубку на том конце провода взяли. Геннадий Фёдорович представился и быстро договорился, — то был сам председатель сельсовета — повернувшись к Наталье, объяснял:

— Завтра за тобой заедет машина. Она только завезёт на элеватор пшеницу. Так что, прощай, и к нам больше не попадай! Договорились?

Наташа вышла из кабинета доктора сама не зная, радоваться или огорчаться сообщению. Домой, конечно, хотелось, соскучилась по деду, тётю давно не видела. А вот что делать с сердцем, как его утомить, заставить себя не думать о любимом? Он же обещал приехать сюда. "Ну, хотя бы ещё раз его увидеть", — защемило сердце. А больничные часы с кукушкой отстукивали полночь, утро, — Наташа так и не сомкнула глаз.

Машина прибыла, как и обещали в деревне. С ней приехала

и тётя Даша.

Дорога прошла в разговорах. Незаметно, как и подъехали к дому. Дед Ефим встречал внучку в новой рубашке, побритый.

Радость возвращения быстро сменилась грустью — Юра не выходил из памяти. До занятий в школе оставалась неделя, и она пролетела в хлопотах, многое надо было успеть сделать. Тётя пыталась, было, помочь, приговаривая:

— Отдохни, Наташенька, тебе после болезни надо бы ещё полежать.

— Да я уже належалась, тётя, а домашняя работа не утомительная, мне под силу.

— Ну, смотри, не перетруждайся, — и, выдержав минутку, продолжила — ты уж прости меня, старую, да мне хочется поговорить с тобой. Давай присядем. — Дарья положила на колени свои тяжёлые от трудов руки и, слегка покачиваясь, снова заговорила: Ты мне, Наталочка, как дочка, и я хотела, чтобы мы с тобой всегда были откровенны. Кроме добра я тебе ничего не желаю.

— Тётя Даша, — перебила её племянница, — вы что-то загадочно начали, издалека, говорить со мной. Раньше выкладывали всё напрямую.

— Да я не знаю, как и начать. Ты после больницы стала прямо какой-то другой, и разговоры у тебя сменились, не детские, а всё по-взрослому судишь. Вроде как бы прозрела за время лечения. Или ещё что-нибудь случилось? Может быть, кто-то обидел там тебя? Ненароком я заметила, когда приезжала к тебе, возле нас неподалёку крутился какой-то парень, старше тебя. Он не просто смотрел в нашу сторону, а вроде бы порывался подойти к нам, да тебя окружили девчонки. Колюшка ещё смешил вас. — Тут Дарья, как бы в строку, заговорила о Шкрябине, — Хороший он парнишка, весёлый, добрый и от тебя так и не отходит. По душе ты ему.

— Ну, тётя, — вздохнула Наташа, — хороший он, хороший и весёлый, не спорю. Так что из этого? Может быть, он клоуном станет после школы.

— Ты не смейся над старой. Я тебе всерьёз говорю о нём. У нас, как объявили совхоз, он устроился учеником к плотнику-столяру. Так тот о нём очень даже положительно отзывался: смыслённый, работающий и с людьми обходительный, старших,

уважает.

— Вы прямо сватаете его мне!

— А что? Годики-то подбираются к тому, глядишь — и замуж скоро.

— Нет, тётя, замуж за него я не пойду, каким бы он хорошим не был. Для этого надо любить.

— Никак ты уже в кого-то влюбилась, случаем, не в того рыжеватого, о котором я говорила?

Наталья прямо посмотрела в глаза тёте:

— В того. И зовут его Юрием. Мы с ним дружили.

— Нагашка! — ахнула Дарья, — Как это "дружили", целовались, что ли?

— Целовались... и всё. Я его люблю, и он меня.

— А теперь что, он уехал на север, ты на юг, так что ли? Ох, Господи, не хочешь, так перекрестись, не до греха бы.

— Тётя Даша, я же сказала...

— Ну, ладно, ладно, верю. Почему же ты не познакомила меня с ним?

— Я боялась: вы обидите его. Я сама не знала, что делать.

— Он придет в гости к нам?

— Не мне же в город к нему ехать.

— Ах ты, горе то какое! — всплеснула руками Дарья.

— Да какое там горе, тётя, никакого горя нет. Вот пройдёт год, мне и исполнится восемнадцать. А год разлуки многое покажет.

— Я же, милая, о том, что он уехал в город, а в городе знаешь, как ведут себя ребята?! Там и девки хороши — курят, выпивают.

— Зачем вы так про всех, ведь вы в городе не жили, — пробовала защититься Наталья и оберечь Юру.

— Не жила, но знаю. Бывала и не раз в городе, ездила с матерью по общинным делам. Многое чего повидала. Эх, хотя бы твой Юра не был таким разболтанным.

— О нём никто в больнице плохого слова не сказал, все его любили.

— Так-то оно хорошо. Да вот в городе такие, наверное, нарасхват, привяжется какая-нибудь — и пропал жених, вот чего боюсь.

— Г од покажет, хотя я верю ему, — отрезала Наталья.

Этот разговор так разбередил душу девушки, что она, отбросив все дела после ухода тётки на работу, села за письмо. Надо было задать Юре много вопросов и, к тому же, объяснить свой неожиданный отъезд. Писем она ещё никому не писала и поэтому не думала, как трудно начать первые строчки. В них хотелось сказать чуть ли не всё и самое главное. Не получалось. Уже не один лист из тетради полетел в печку, когда, наконец, Наташа решила оставить так: "Юра! Ты, конечно, приезжал в больницу, когда меня там уже не было..." Такое простое начало ни к чему не обязывало. А хотелось — и она неоднократно пыталась излить душу — начать со слов: "Милый Юрочка, любимый мой! Я уже соскучилась по тебе!". Только после разговора с тёткой она не могла свободно раскрыться. Ещё при встречах ей так же трудно было называть ласковыми именами друга — природное стеснение глушило всякий росток раскрепощения. Вместо слов тогда слышалась морзянка — перестук двух сердец. Они бились в унисон, и этого им было достаточно.

Она просто назвала его Юрой. А как он ответит? Хотя знала и о том, как назовёт он её и что напишет — сердцем чувствовала.

Письмо Наташа успела отправить до тёткиного прихода. Теперь её мысли были сосредоточены на ответе. А завтра в школу. Всё уже собрано, выглажено, подшито. Но холодной змейкой заползало в душу: "Как учиться, если мысли только о нём и о нём?". Однако встреча с подружками, объятия, цветы, торжественная линейка, поздравления — всё это отвлекло Наташу от дум о Рыжове. А после занятий весёлой гурьбой возвращались домой. На пороге её ожидала новость. Тётя Даша с сияющим лицом, словно у неё был день рождения, помахивала толстым конвертом:

— А ну, пляши! Вон какое письмо!

— От кого, тётя? — будто бы не догадывалась Наташа.

— Ой, да от кого же ещё, как не от него, от Ю.П. Рыжова. Так что, давай не заговаривай мне зубы, пляши!

Наташа притопнула раза два ногой и ловко выхватила конверт. Побежала в свою комнату, прижимая к груди драгоценную ношу. "Наточка, золотце моё! — писал Рыжов, — В больницу я тебя не застал, очень расстроился и в то же время обрадовался, что ты выздоровела, жаль лишь, что не встретились. Сердце про-

сится к тебе!..". Какое это было письмо! Наталка даже и не подра- зумевала, как складно пишет Юра. В каждую строчку он вложил столько души и любви, что у Наташи закружилась голова.

Вошла Дарья, тихонько скрипнув дверь, села на табуретку, скрестив руки на груди, игриво спросила:

— Уже соскучился? Эх, смотри, какое письмище наката! О чём только люди могут по столько писать?!

— Нам обоим есть что сказать друг другу. Ни время, ни рас- стояние не различат нас. Ведь вы, тётя, тоже испытывали любовь — надо ли объяснять, что чувствуешь при этом.

— Да, я понимаю тебя. Не буду беспокоить, пойду. По дому надо кое-что сделать.

5.

Дарья больше не возобновляла разговор о Юрии. "Пусть, — думала она, — успокоится племянница. Большая уже, сама разбе- рётся, что почём. А если и что не так, подскажем. Главное, не обесчестил бы девчонку этот городской хлыст. А то, что он хлыст, Дарья не сомневалась. У них это быстро получается, а потом — характерами не сошлись или ещё что-нибудь придума- ют, лишь бы не жениться. Ух!", — кипело на душе у одинокой женщины, когда она начинала перебирать в памяти виденные и слышанные случаи за свою долгую жизнь.

А ещё Дарья опять и опять возвращалась к мысли о Николае Шкрябине. Запал ей в душу этот Наташкин сверстник — свой, сельский, не вертихвост какой-то. Их дом неподалёку. Хороший двор, скотину, как и полагается степенному колхознику, держат — не зря отец уважаемый конюх. Живут дружно. И мать Николая душевная, тихая женщина, а это на селе очень ценится, никогда ни с кем не ссорится, не бранится. "Вот в такую семью я Наталку и отдала бы. Эх, молодёжь, подавай им городских. А те только пудрят мозги деревенским девчонкам, а сами-то от деревни нос воротят, не знают, что молоко из навоза готовят — поди, накорми коровушку, повыгребай из-под неё да с государством рассчитай- ся...".

Племяннице она о своих думах ничего не говорила — не то было время, чтобы лезть к молодой со своими заскорузлыми

мыслями, нажитыми, как мозоли, в нелёгком труде. А Шкрябина как-то остановила:

— Что ж мимо проходишь, зашёл бы, рассказал, как живёте, я уж давно ваших не видала. Нам-то недосуг навещать друг друга, а у вас одни заботы, одни уроки, вместе с Наталкой и покумекали бы задачки.

Николай растерялся, не зная, что ответить тёте Дарье. Его никогда не приглашали вот так в гости, а к кому надо было ему самому, то он и без приглашения являлся на порог — в деревне так уж было заведено. А тут... "Зайти к Наталке без повода... Другое дело, списать бы задачку, так она знает, что я учусь не хуже её по математике, и у меня крепкая четверка", — колебался Шкрябин недолго, неведомая внутренняя сила заставила переступить порог.

Наташа делала уроки. Увидев одноклассника, не стала интересоваться целью прихода, а сразу взяла его в оборот:

— Слушай, Шкрябин, у меня сегодня ничего не клеится, не могу сосредоточиться. А ты уже все уроки сделал?

— Все, — и заулыбался, — вот тебе пришел помочь.

— Очень кстати. Как говорится, на ловца... Что там у нас по алгебре, трудная задача?

— Трудноватая, но осилим. Отложи-ка русский.

В считанные минуты задача была решена. Николай ещё помнил её решение и поэтому быстро справился. Ему хотелось ещё побыть с Наташей, но не знал, что придумать, когда зашла Дарья и выручила:

— Не устали заниматься? Давайте попьём чайку с пирожочками. Одной скучно, а чаю хочется.

Шкрябин за столом конфузился, заглядевшись на Наташу, пролил мимо блюдца чай, под столом нечаянно задел ногу Наташи, и та подумала, что он специально, поэтому удивлённо посмотрела на него, как на чудака, и подобрала ноги. Подала ему пирожок.

— Чего не пробуешь изделие тёти Даши? Она печёт очень вкусно.

— А ты не умеешь печь? — Шкрябин почувствовал, что тут он ляпнул, заставив покраснеть подружку.

— Не научилась, к сожалению. Да какие наши годы, Коля,

научимся! Вот замуж выйду и научусь, — она мельком посмотрела на тётю, потом на соседа. Первая не среагировала, хотя и удивилась раскованности племянницы. У Шкрябина же удлинилось лицо, но и он промолчал — просто не нашёлся вовремя что сказать. После этих слов чай ему показался круто заваренным, а чашка тяжёлой. Боясь дальнейшего развития щепетильной темы, он засобирался домой:

— Маменька заждалась уж, пойду.

— Она тебя, наверное, на часок пустила погулять, а ты, видишь ли, вот как. Нельзя старших обижать, обманывать, — подкальвала Наталья.

Махнув рукой и едва пробормотав "спасибо", Шкрябин шмыгнул за порог. На улице свободно вздохнув, почти вслух произнёс:

— Ну, язва! Язва так язва! Не думал, что она такая. В школе — недотрога, дома — кусается. В самом деле — язва.

— Что ж ты его так, будто бы он противен тебе? — укоризненно покачала головой Дарья. — Он же к тебе всей душой, а ты...

— Я же его не просила, чтобы "всей душой".

— Э, милая, а вот дерзить-то не надо. Я тебе хоть и тётя, а не позволю. У нас ни твоя мама, ни дедушка, никто не унижал людей. Или я дала тебе повод изгаляться, ответь мне?

— Я не хотела ни его, ни вас обидеть, простите, тётя. Да и Николай, мне кажется, не обиделся, а просто засмутился. Ну, хотелось мне немного поиграть на его нервах.

— Нервы, доченька, не балалайка, их беречь надо, взамен их ничего нет. С людьми терпимее надо быть, как говорится, не плюй в колодезь, пригодится воды напиться.

Дарья вышла из комнаты, а у Натальи остался на душе неприятный осадок: "К Кольке зачем-то прицепилась. Видно же: вздыхает он по мне, ищет повод для встречи. Нравлюсь я ему. И тётю Дашу расстроила. Она же тут не зря подсуетилась с пирожками", — догадывалась Наталья, что визит её одноклассника был не без ведома тётюшки. В школе на другой день виновница сама подошла к Шкрябину:

— Ты что, вчера обиделся на меня?

— Я смотрю, ты больше других себя любишь! — резко отве-

тил тот. — Если нашла себе... — он не договорил, — то не издевайся над другими. Думаешь, мы не заметили твоего, какого-то рыжего или бледнолицего, который крутился возле нас у больницы? Девчонки решили ничего тебе об этом не говорить. Извини, не сдержался. Звонок на урок уже.

В голову ничего не лезло. Наталья сидела вконец расстроенная от услышанного. "Значит, все сговорились против меня, а Колька высказался. Да, лучше горькая правда, чем ... Ах, подруженьки, ну, спасибо! — расстроенная Наталья посмотрела на сидящих впереди себя друг. — Интересно видеть бы их лица, а не затылки, что они думают про меня? — и она попыталась оставить себя на их место. Им неудобно расспрашивать меня, вот и обсуждают на все лады. Подходить или не подходить к ним после этого? — терзалась Наталья. — Они-то не знают о том, что мне Шкрябин рассказал. Пусть секретничают. В таком случае Николай честнее их оказался.

Уроки тянулись нудно и долго. Не стало легче и после них, когда вместе пошли домой. Шкрябин сторонился Наташи, и девчонки заметили:

— Ты что сегодня как-то боком передвигаешься?

— Вам лишь бы пострекотать, сороки, — слегка нахмурившись, ответил Николай.

— Хотя бы портфель предложил кому-нибудь поднести, — не среагировала на его реплику Галина.

— Может быть, и тебя поднести... на ручках? Иди ты! — не сдержался Шкрябин.

— Ну вот, опять обиделся. Я же по-хорошему к тебе.

— Отстань, Галка, без тебя тошно, — беззлобно отвернулся Николай.

— Ладно вам, девчонки, — вступилась Наташа, это я испортила ему настроение.

— Когда это ты успела? В школе вроде бы и не подходила к нему, — спросила Люся.

— Вчера ещё.

— Коль, ты что, такой злопамятный, да? За ночь не остыл, — снова вмешалась Галина.

И опять его оградила Наташа:

— Ну, что ты пристала к нему? И повернувшись к осталь-

ным, сказала с обидой. — Вы тоже хороши, а ещё подружки называются. Таите от меня секреты, так легко дожить и до сплетен. Не понимаю, что тут особенного, если я и дружила с тем парнем, которого вы видели. Я с ним и сейчас переписываюсь. Может быть, вам дать почитать его письмо?!

Девчата потупились, посмотрели на Шкрябина. Тот не выдержал:

— Да, я сказал ей — была причина.

— А у вас случайно уже не взаимная причина? — не уступала Галина.

— Может, может, успокойся! — за него ответила Наталья.

— Хватит вам цепляться. Осталось только поссориться, — осадила их более степенная Людмила.

— Подумаешь: дружила, влюбилась — всё это детство, — вступила в разговор до того молчавшая флегматичная Вера, — ведь между вами ничего не было, правда, Наташ? Я так уже в пятерых влюблялась. Ещё бы, в наши годы да не влюбляться! Преспокойненько всех разлюбила — и весь тут сказ. Разлюбишь, Натка, и ты.

— Никого ты не любила, Вера, просто нравятся тебе силачи и всё. Знаем, ты и целовалась-то всего-навсего с одним.

Все рассмеялись. Не выдержал и Николай. У Наташи стало легче на душе. Всё стало на свои места. По крайней мере, внешне наступало какое-то равновесие, хотя внутренне каждый оставался при своём. Девчатам, по природному любопытству, хотелось узнать подробности о встречах своей подружки-однолетки с городским ухажёром — тут и возраст брал своё. Шкрябин ревностно воспринимал дружбу и влюбленность Натальи. Сама же Наташа оставалась при мнении: "Посудачат, посудачат — и забудут". Однако проходили месяцы, а девчата не забывали. Да и как забыть, если их подруга то мрачнее туманного утра, то своим сиянием готова затмить солнце. Её спрашивали кто удивлённо, а кто и с подковыркой:

— У тебя день рождения?

— Сто рублей нашла?

— Что это ты сияешь, как новогодняя ёлка?

И каких только не было реплик, вопросов! Да что там говорить — красивые девчонки в школе всегда в центре внимания,

вот и одолевали Наташу. А у неё менялось настроение в зависимости от того, получала ли она письма часто от Юрия, или долго не было желанной весточки. Кто-то радовался за неё, а кто и не проявлял никаких эмоций. Лишь только Шкрябин, не подавая виду, переживал, будто потерял целое состояние. "Неужели она так сильно полюбила? — Думал он. — Окончит школу и уедет к нему..." — От этой мысли становилось мутно на душе.

Отлегло на сердце у него лишь на новогодний вечер в школе. Собрались старшеклассники, с восьмого по десятый, устроили настоящий бал-маскарад. Всем было весело, танцевали в масках, в которых легко узнавались литературные герои, любимые персонажи из классических произведений. Но трудно порой было угадать, кто под маской. И когда то тут, то там слышался задорный смех, это означало маску раскрыли или определили по голосу своего товарища.

На Николае была маска пересмешника. Наташа легко его узнала по походке (ходил он чуточку вразвалку) и по росту — юноша вытянулся под метр восемьдесят. Он не танцевал, даже когда его приглашала какая-нибудь дама. Но вот, заметила Наташа, в зал вошла "Татьяна Ларина"; прелестница светского общества была среднего роста, в отлично скроенном костюме пушкинской героини с густой вуалью на лице. Она скромно встала почти рядом с Наташей. Николай встрепенулся, ожил и твердой походкой направился в сторону Наташи. В это время духовой оркестр только что заиграл вальс. У Натальи екнуло сердце от страха, что этот увалень подойдет к ней и пригласит на танец. Он никогда не танцевал на школьных вечерах, и трудно было представить его вальсирующим. Она даже была уверена, что и этот новогодний вечер он простоит, подпирая стены. А тут вдруг осмелел и — "сейчас пригласит, а через минуту отдавит мне ноги!", — мелькнула у нее мысль.

Но, что это? — Почти около нее Шкрябин резко свернул в сторону только что пришедшей разряженной девицы. Наталья уж было потянулась к нему, когда он подходил, подчиняясь внутренней неотвратимой силе, но резко осеклась и, если бы пришлось ей говорить, то не смогла бы произнести ни одного слова, как сковало ей рот, язык, губы. Она так и осталась с полуоткрытым ртом, когда юный пересмешник — здесь он оказался на высоте! —

четким шагом подошел к незнакомке и с необычной грацией поклонился ей, приглашая на танец. Эта изысканность, не уступавшая лондонским денди, поразила Наташу больше, чем если бы он встал перед ней на колени. А всего-то было: легкий поклон головы — но что это был за поклон, надо было видеть! Корпус прямой, грациозный наклон, элегантное движение правого локтя для дамы, и четко рассчитанная дистанция между ними. И та, сделав не менее очаровательный книксен, величаво положила свою руку на его локоть, и они направились в центр зала.

И вот музыка повела их в танце. Сперва чуть несмело, как бы пробуя шаг, разминая ноги, тело, пытаясь прочувствовать телодвижение партнерши, ее ритм, присущий, видимо, только ей, Шкрябин сделал пару вращений. Потом, уловив особым чувством импульс, исходящий от партнерши, волевым движением предложил ей широкий и пластичный ритм в такт четвертям музыки. Теперь уже она подстроилась под его амплитуду, и они слились в единой волне звуков и движений. Не находилось слов, какая это была пара! Наталья не могла оторвать от них взгляда. По утончённой фигурке было видно, что девочка моложе их, десятиклассников. И хотя на голову ниже Николая, она смотрелась на уровне зрелого подростка.

Они словно были созданы друг для друга в чарующей пластике волшебного танца. Их искусство действовало на окружающих гипнотически. Зал невольно расступался, и пара быстро завоевала центральную часть, потом перешла на большой круг.

Все старались дать свободу необычной прима-паре — кто сходил с круга, чтобы со стороны наблюдать этот истинно лебединый танец, а кого-то и просили в голос сойти, подождать. И те тут же выполняли просьбу, нисколько не обижаясь. И хотя не многие понимали язык танца, но все наслаждались зрелищем лёгкости полёта, когда партнёры, кажется, не касаются пола и парят в какой-то чувственной среде, доступной только им двоим.

Откинувшись назад, "Ларина" плыла по залу, придерживая одной рукой лорнет поверх маски, а другой, двумя пальчиками, платье, удачно перекроенное из маминого под свою фигурку. Партнёр без внешних усилий поддерживал её за тонкую талию правой рукой, а левую положил на свою. С гордо поднятой головой он уверенно вальсировал и, казалось, кроме своей вedomой,

не видел никого вокруг, в то же время ловко лавируя между другими парами.

Наташа чувствовала, как оба танцора вкладывают свои души в танец, и от того ей ещё больше передавалось волнение за что-то своё, вызывая смутные тревожные думы. Несмотря на внутренний разлад, она не могла не восхищаться этой динамической красотой. И ей захотелось быть вместо той девчонки, чтобы Николай держал ее в своих объятьях, и они вдвоём уносились бы в возвышенных мечтах в необъятную даль, где нет ничего, кроме них. "Ах, Колька, какой же ты! И неужели, действительно, это ты! Кто бы мог подумать? Когда же ты и у кого научился так танцевать? — удивлялась Наташа.

Музыка сменялась. За вальсом следовали танго, фокстрот, краковяк. И опять, на танго, Шкрябин со своей партнёршей показывали класс, завораживая всех экспрессией и техникой исполнения. Николай не менял партнёршу, и Наташа, до того опасавшаяся, чтобы он не пригласил её на танец, — сперва боялась его неуклюжести, а потом своей неумелости — теперь успокоилась и стала анализировать: "Почему он не приглашает меня? Знает мои возможности, танцую как все деревенские, это одно. Другое: может быть, по его меркам я не достойна его самого? Нет, он никогда не был заносчивым. Просто я недопонимала его или вообще он не привлекал моего внимания, — не считая клоунских выходов. Значит, в тот вечер у нас он основательно обиделся. А вдруг это не обида, а ревность? Он любит меня? Любит! — от такого открытия Наталья даже пошатнулась, — Ах, ты, Коля, значит, ты не просто хохмач, а цельная натура — не зря же тётя Даша говорила, что он трудолюбивый и смыслённый. К тому же он и учится лучше меня, особенно преуспевает по точным наукам. Вот так, представляешь человека одним, а выходит, не знаешь его совсем. Рядом Колька — и всё", — об этом и о многом другом передумала Наташа пока вечер подходил к концу.

Её приглашали на танец — она отказывалась. А с кем-то — для неё не важно было с кем — и танцевала, но, как во сне, ничего не чувствовала и лишь думала о Шкрябине, его партнёрше и их танцах. Перебирала в памяти, как Колька дёргал её за косу, потом она отрезала её, и он, по привычке, потянул её за волосы, но тут же отдёргнул руку и больше не прикасался к голове. Осталась у

него ещё одна привычка — щипаться за бока. Такая манера изъяснения своих чувств была у мужчин к женщинам на полевом стане. Там мужики вдали от своих жён без зазрения совести щупали чужих баб, по-крестьянски лапали девок, приезжавших из города на уборку урожая. Шкрябин вместе со своими друзьями ещё с шестого класса всё лето до самой школы работал то на сеноуборке, то на току. Ставили его на соломокопнитель, конные грабли — где только не приходилось трудиться ребятам под руководством старших. От них они и перенимали привычки, с них брали пример.

Картины деревенской жизни лёгкой чередой проплывали в сознании у Наташи, не вызывая при этом ни огорчения, ни отрешения. Все эти щипки, обнимки и прочее — знаки внимания со стороны мужчин — в деревне не считались чем-то унижительным, отталкивающим для женщин. Может быть, оно и верно сказано, что баба живёт щипками. Наталья уже осознавала такие вещи. Вот только не могла она понять, как в одном и том же человеке могут совмещаться резко противоположные качества: несерьёзность и уважение со стороны взрослых, а ещё — увальень и грациозный кавалер в танцах. Порой ей так и хотелось сказать ему прямо: "Коля, ты танцевал прекрасно! И я хочу так, научи меня". Но девичья гордость не позволяла ей стронуться с места. В конце концов, она даже психанула: "Ну и пусть крутит с этой девчонкой! У меня есть Юра".

При упоминании о Рыжове Наташе стало не лучше, а вроде бы и хуже. Такое она почувствовала за собой впервые, а почему — не стала задумываться и, лишь придя домой, уже в постели, вновь вернулась к этой мысли и начала её раскручивать. Два, нет, три месяца Юрий писал часто. Его письма были свежи по содержанию и яркие, полные впечатлений о прочитанных книгах. А читать ему приходилось по программе очень много. Красочно описывал Рыжов и природу, когда выезжал с друзьями на лыжные прогулки за город. Наташа обратила внимание, что среди мужских имён, называемых Юрием, нередко проскальзывают и женские. Особенно часто упоминаются Элеонора, Вика, Сима. Она даже представила их: Вика — толстушка, немного рыжая, курносая, но с прекрасной улыбкой глаз; Элеонора — брови на взлёт, удивительно серые неотразимые глаза, очень статная; Сима

— пампушечка, мягенькая оладья, весёлая, игривая, с завитком белокурых волос. "Кого же он больше всего обожает? — думала Наташа. — Наверное, эту... "оладик", нет, скорее всего Элеонору. Она же стройностью, ростом походит на меня. Ведь в больнице были всякие, а он выбрал меня".

Наталья представляла, как весёлая компания студентов катаются с горок, непременно, "паровозикам". Юрий обнимает стоящую Элеонору, а его — Оладик, и они несутся вниз с хохотом и визгом, падают в снег. В куче мала Юрий шупает девиц, а те наваливаются на него, щекочут. От таких раздумий Наталье хотелось плакать от обиды, но она успокаивала себя тем, что Юра не такой, что он любит только её и будет ждать, когда она окончит школу.

Год шёл: то быстро, то медленно убежали назад месяца в зависимости от того, как Наталья получала письма от своего любимого. Ей хотелось порой вернуть то время, когда они встречались с Юрой. Оно было намного лучше теперешнего, когда остались одни воспоминания и то блекнувшие. В другой раз она удивлялась, почему он до сих пор не прислал ей ни одной своей фотографии, ведь у его друзей явно есть у кого-то фотоаппарат, или сходил бы в фотоателье. И тут же оправдывала его: "Некогда. Постоянно сидит за книгами, столько надо прочитать! И вообще, учиться в университете — не разгуляешься. — И в то же время закрадывалось сомнение, — А как же лыжные загородные прогулки? А встречи, вечеринки у кого-то на дому?".

Сердце начинало сжиматься в неясных предчувствиях. Наташа даже стала бояться, что вдруг тётя Даша, прочитав, случайно оставленное на столе письмо, узнает, что Юра ведёт не столь уж скромный образ жизни. И тогда она начала прятать письма, а некоторые, с такими откровенными выражениями, от которых у неё краснели и щёки и уши, просто сжигала в печке. Да, порой Наташа не понимала Юрия. По письмам он казался ей каким-то другим, не таким, какого она полюбила. По крайней мере, он так не выражался при встречах, как в письмах. И тогда ей становилось страшно. Она не чувствовала истинной причины, тревожащей её сердце: то ли оттого, что может потерять любимого человека, то ли от того, что полюбила другого Юру, не теперешнего, вызывающего в ней неясные волнения, а иногда и раздражение —

полюбила-то весёлого славного десантника — бывшего Юру.

6.

Ещё тогда, после новогоднего бала, Наташа все-таки подошла к Шкрябину. В зале оставались только местные, а из других деревень уже расходились небольшими группками. Наташа, как бы между прочим, обратилась:

— Коля, а наши тоже уходят?

— Да. А тебе разве они не сказали? — удивился он.

Она пожала плечами:

— Я их не видела, — сказала неправду. Видела. Люся с Галей пошли в свой класс переодеваться и махнули ей рукой. Бежать за ними — в её планы не входило.

— Коль, а ты с кем танцевал? — не выдержала Наташа, выплеснув из себя гложущую мысль.

Шкрябин не успел ответить — подошла его сестра Лена.

— А, Наташка, привет! — вскользь бросила она и повернулась к брату.

— Ну, что стоишь? Пойдём, уже все собрались.

— Потерпи, подойдут и пойдём, — спокойно ответил Николай.

Лена стояла, покачивая ногой. Нетерпение сказывалось и на её красивом лице в мелких нервных чёрточках:

— Копаются... поторопи их!

— Они там переодеваются, вот ты и сходи, — отмахнулся Николай.

— Я не из вашего класса, что я к ним?

— Тогда постой здесь, с Наташей вон поговори. Ей со мной не интересно.

— Ошибаешься, сегодня кое-кто с кем-то заинтересовал всех, — улыбнулась Наташа.

— Это ведь кое-кто, а не я, — отпаривал Шкрябин.

Девушка не стала упорствовать. К тому же праздничный вечер не располагал к спорам. Она помолчала, чтобы не быть навязчивой. Молчал и Николай. Минуты становились тягостными. Наталья было заговорила на другую тему, но её Шкрябины не поддержали. Тогда она, вроде бы незаметно, отстранилась от них

и, стоя у подоконника, искоса наблюдала за Леной. Сперва не задумываясь, а потом всё живее стала сравнивать Лену с партнёршей Николая. И — о, чудо! Всё совпадало: и рост — партнёр наклонялся к ней, чтоб сказать что-то — и точеная фигурка, и слегка импульсивные движения, и даже наклон головы.

"Так, понятно, кто такая Ларина Татьянушка!", — почти вслух сделала своё открытие Наташа. И когда собрались все деревенские и гурьбой вывалили на улицу, она придержала за рукав Лену:

— Что-то мне не хочется встречать в их гам. Никак о вечере не наговорятся. А по мне так прошёл вечер — и всё. Правда, в душе остался след.

— Какой? — не задумываясь, спросила Лена.

— Поразило исполнение вальса и танго тобой с братом, — прямо ответила Наташа.

— Ты нас угадала?

— Госпожа Ларина, Танечка! — лукаво подмигнула Наташа.

— Вы сияли во всей красе!

— Правда? Или издеваешься, ну, откровенно, понравилось? — теребила её Лена.

— Честно, да? А брату не скажешь?

— Землю ем!

Обе засмеялись мальчишеской шутке.

— Ладно, пусть это будет нашим секретом для брата, — Наташа взяла под руку Лену, — и ты, и он мне так понравились, что я не нахожу нужных слов. Я просто влюбилась в вас!

Сказав это, Наташа засмушалась: "Не слишком ли я разошлась? Ещё подумает всерьёз, что я влюбилась — в неё то ладно, а вот в Николая!" — и тут же поправилась:

— Оба персонажа были хороши, но главное — танцы, их бальное исполнение. Где ж вы так научились? Николай никогда ведь на школьных вечерах не танцевал, а ты?

— В школе как-то не интересно, сама знаешь, какие здесь танцы. Мы с Коляном дома занимаемся, разучиваем, что нам показывала старшая сестра. Она приезжает к нам во время отпусков. Да ты её знаешь.

— Зою что ли? Конечно знаю. Она в городе ведь?

— Да, работает на фабрике и ходит на занятия по хореогра-

фии.

— И давно вы?

— Уже три года. Ну, да, Колька тогда в седьмой класс перешёл, а я в пятый. Но у меня тогда всё равно лучше получалось, так сестра говорила, — похвасталась Лена.

— Ты же девочка, а у девочек пластичнее получается, чем у ребят.

— С Коляном легко. Он хотя иногда и злится, когда не получается что-то, но быстро отходит. Брат уступчивый, и мы быстро опять сдруживаемся. Почти каждый день занимаемся, нам нравится.

— А родители как на ваши занятия смотрят?

— Они нам не мешают. Отец говорит, что это баловство, с годами пройдёт. Я же думаю, у Николая не пройдёт. После школы он хочет поехать в город, к сестре, и там серьёзно учиться бальным танцам. Летом, когда он на полевом стане, наши занятия прерываются, и брат страдает без танцев.

"Вот и второе лицо Шкрябина!", — подумала Наташа.

— О чем вы там секретничаете? — подошёл к ним Николай, — Лен, тебя только заведи, ты такого наговоришь...

— Ничего не наговорию, — прервала его сестра, — мы вот о птичках рассуждаем: зима, им холодно, есть нечего.

— Кормушки надо делать, — машинально ответил брат и, спохватившись, добавил, — не о птичках, конечно, была речь, а о чем?

— О вечере, — прямо сказала Наташа.

— И что о нём? — допытывался Николай.

— Что-что, — встряла Лена, — скучно было некоторым, а кому-то всё нипочём.

— Тебе почём или скучала? — съязвил он сестре.

— Не нуди! Иди-ка лучше к своим товарищам, они вон над рываются от смеха над чем-то — и без тебя.

— А я с вами хочу. Мне тут интереснее.

— У нас женские разговоры, не для твоих ушей.

— Ой-ой, кто тут женщина, не ты ли, козявка? Или ещё кто?

— и Николай мельком взглянул на Наташу.

— Знаешь, Колян, ты у меня получишь!

Лена схватила его за рукав виды видевшего полушубка и

дёрнула на себя, подставив ножку.

Колька шлёпнулся в снег.

— Наталка, куча мала! Дави его! — бросилась Лена на брата.

Весёлое это дело — куча мала: Наташка с маху упала поверх Ленки, потом скатилась с неё, и Шкрябин, вывернувшись, оказался наверху, сразу на обеих. Обнял их лапищами — не вырваться! Хохот повернул к ним остальных ребят, и те набросились на обшую кучу, взрывая снег и ночную тишину.

А тишина стояла вокруг оглушительная. Лишь потрескивал мороз, ропща на нарушителей спокойствия природы. Молодёжь не считалась с ней — им всё нипочём, им отмерялась счастливая жизнь под изумрудными звёздами и ярким покрывалом голубой луны; им было прекрасно валяться на мягкой снежной постели; и мирный космос с его видимыми и невидимыми планетами оберегал их юность. А они, возбуждённые кипением крови, барахтаются, не обращая внимания на окружающую красоту, в невообразимой куче — куча мала!

Домой вернулась Наташа, как на крыльях, что даже тётя Даша, открывая дверь, заметила:

— Ты что так полыхаешь, не весна ли наступила?

— Весна, весна, тётя Даша! А вас с Новым годом! — смеялась племянница, обнимая тётю, — Мне так легко сегодня!

— Натанцевалась?

— Нет, почти не танцевала. Просто вечер был хороший.

— Вот и хорошо. Поешь, там всё на плите. Проголодалась? А я пойду в комнату, прилягу, заждалась тебя. Да, чуть не забыла, на подоконнике тебя ждет-дожидается открытка, почтальон поздно принес.

Наташа взяла открытку — от Юрия. Поздравлял с 1953 годом. Открытка не произвела нового всплеска эмоций у девушки — сказался заряд, полученный на вечере и по пути домой. Он был сильнее прежнего чувства к Юрию. И еще: открытка — не письмо. Ничего о себе не написал. Не хотел? С кем будет встречать Новый год? О, сколько вопросов возникло в голове! Да ну их, эти вопросы! — Наташа резко отбросила открытку. — Если без конца думать о чем-то, о чем и сама не знаешь, то так недолго и свихнуться". Она с усилием заставила себя переключиться на более приятные впечатления: "Хотя и не поговорила толком с Колей,

зато за один вечер узнала о нем больше, чем за десять лет совместной учебы. Да, я слепая. Еще с тетей Дашей спорила. Утер он мне нос, утер! А теперь? Теперь надо попросить Лену, чтобы она научила меня бальным танцам".

Утром Дарья подняла с пола открытку и, повертев в недоумении в руках, прислонила ее к стопке книг на столе.

"Почему-то не спрятала?", — подумала Дарья.

Наташа спала до обеда. Поднявшись, увидела открытку на столе. Вспомнила, что ночью бросила ее. Улыбка — видела хороший сон — слетела с губ. "Времени не хватило на письмо!". А письма и впрямь, приходили из города все реже и реже. Наташа металась в догадках, пока тетя Даша не надумала:

— А ты не пиши ему — вот и проверишь: любит или нет. Если любит, то начнет беспокоиться, почему молчишь, а нет, так и вовсе перестанет писать.

"Ох, тетя Даша! Задала нелегкую задачу: потерпи-ка без весточки. А вдруг, и правда, бросит писать? Сама же буду виновата, — мучилась Наташа, — и все-таки надо попробовать. В случае чего — переживу".

Переживать особо не пришлось. Начались зимние каникулы, и Наташа все дни проводила в занятиях танцами. Лена приходила к ней, как только управлялась по дому, и они отрабатывали каждое движение до тех пор, пока оно не приобретало совершенные формы балета. Дарья дома не было, а дед Ефим сам с удовольствием смотрел, как девчата танцуют и, когда у них что-то получалось красиво, он невольно побряхтывал с печи, выражая тем самым удовлетворение.

Лена оказалась хорошим учителем: многое и сама знала, и могла доступно рассказать и показать. Её ученица быстро схватывала не столько сложные па, сколько непривычные для неё телодвижения, требующие и концентрации внимания, и гибкости, и чувства музыкального такта. Когда же у Наташи что-то не получалось или выходило настолько комично, что просто невозможно было удержаться от смеха, тогда Лена начинала её передразнивать, шутовски повторяя её движения и хохоча от всей души. Глядя на свою учительку, Наташа тоже вместе с ней начинала дурачиться — косолапо, по-медвежьи, топать и крутиться по комнате. Дед Ефим смеялся не меньше молодых, разбавляя сча-

сливыми минутами своё безрадостное существование.

Однажды Лена огорошила свою подругу:

— Наташ, а ты учишься танцевать из-за нашего Кольки? Ну, чтобы ему понравиться?

— Откуда ты это взяла? — резко смутилась Наташа, покраснев до ушей.

— А, покраснела! Значит, так и есть! — запрыгала Лена. — Между прочим, он только и говорит о тебе, как ты учишься, учительница отмечает твои сочинения, какие хорошие заметки ты пишешь в стенную газету.

— Ой-ой-ой! Скажешь тоже, учусь, как все, Николай даже лучше меня. А писать я люблю. Наверное, после школы подамся в журналистику, мне так, кстати, и советуют.

— Городской советует? — не очень-то задумываясь над тем, что может обидеть, спросила Лена.

В этом вопросе Наташа почувствовала ревностное отношение за брата: "Вот, сперва тётя Даша, потом Николай, теперь уже и его сестра начали ревновать меня к Юрию".

— А что, восьмиклассники всё обо всех знают? — съехидничала Наташа.

Лена посмотрела на неё и, поняв её состояние, ответила:

— Не обижайся, у нас с Николаем нет секретов. Потом, чтобы сгладить свою оплошность, участливо спросила:

— Правда, Наташа, хочешь поступить в университет? Как это здорово! Не боишься?

— Волков бояться... А советует учительница русского языка.

— А я люблю возиться с цветами, стать бы знаменитым цветоводом и вырастить свои, новые сорта роз, пионов, флоксов. Говорят, есть черная роза, хотелось бы посмотреть на такую. Колян же больше искусство любит: то балными танцами занимается, то стихами.

— Стихами? Он и стихи пишет! — Наталья даже присела, ошарашенная новостью.

— Ну вот, опять я проболталась. Он же никому об этом не говорит. Только я читаю его стихи, — и лукаво улыбнулась, — хотя не говорит, кому посвящает отдельные стихотворения, но я чувствую — тебе! Хочешь, я тебе тайком их покажу?

— Нет, это будет не честно. Вот если бы он сам от всей ду-

ши прочитал их мне...

— Наташа, но ты же любишь другого. Коля не прочитает тебе свои стихи.

— Давай не будем делать на этот счет выводы. Я сама в жизни ещё толком ни в чём не разобралась. Поживём — увидим.

Каждая подумала о своём, Лена: Наташа, мол, добьётся своего, и Николай прочтёт ей свои стихи; Наташа же не сомневалась в том, что Шкрябин не раскроется перед нею. Она переметнулась в мыслях на Юрия, на своё отношение к нему, улавливая в своих чувствах что-то грустное и... не ясное.

7.

В конце января во вновь организованный совхоз приехал корреспондент районной газеты. По пути в контору он заглянул в школу. Попал на перемену. Старшеклассники о чём-то спорили у стенгазеты. Когда к ним подошёл корреспондент, они замолчали.

— О чём спор, если не секрет? — поздоровавшись, спросил он у ребят.

Те ответили не сразу, и когда мужчина представился им, они оживлённо засыпали его вопросами, которые сводились к одному: "Верен ли способ воспитания отстающих в учёбе назиданиями и унижениями через средства массовой информации?"

— Мы привыкли указывать Пальцем на двоечника, а он незло перестает учить уроки, заявляя: "Ну и пусть ругают!", — сказал шустрый паренёк.

— Надо, видимо, разобраться в причине отставания, что это — лень или неспособность к науке; у одних, например, хорошо идёт русский, а математика не даётся, — вступилась девушка с косой ниже пояса.

— Увлечь надо предметом, — сказала другая, потупившись.

— А может быть, преподаватель недоходчиво объясняет урок? — подлил масла в огонь корреспондент. Все знали теперь, что его зовут Илья Парамонович.

Группка, окружающая приезжего корреспондента, загудела протестующе — его вариант не проходил. Сошлись на том, что эту проблему следует обсудить дополнительно в более широкой и официальной аудитории.

— А что у нас с другими материалами? — поинтересовался, уже как свой, Илья Парамонович.

Он бегло просмотрел заметки в стенгазете. Одна из них, за подписью "Наташа Мухина, 10 "А" класс", бросилась в глаза. Пробежал по ней и, найдя зерно, прочитал внимательнее.

— Кто эта Мухина, познакомьте меня с ней, — попросил он ребят, — да, и, желательно, с редактором стенгазеты.

Редактором оказался тот самый шустрый паренёк. Нашли и Мухину. Она смело подошла к корреспонденту, назвалась:

— Наташа.

— Славненько, славненько, Наташа, пишете вы хорошо, и сами хороши — значит, бог дал. Мне бы с вами поговорить минут так с десяток, вы не против? Да и редактор нужен.

— Через пять минут звонок будет на урок.

— Тогда пойдёмте в учительскую, отпросимся.

Там, выслушав приезжего гостя, любезно разрешили ученикам задержаться на урок. Редактор по просьбе Ильи Парамоновича побежал за другими стенными газетами, а Наташа начала рассказывать, как она собирала материал для номера в совхозе, к кому обращалась, с кем говорила. Старому корреспонденту понравилось, как школьница самостоятельно добывала важные сведения в правлении совхоза. Он похвалил:

— Знаешь, Наташа, а ведь у тебя настоящий материал для нашей районной газеты. Мы, пожалуй, сделаем из него хорошую корреспонденцию, а не заметку. Надо только ещё подсобрать данных, добавим кусочек и, как говорят шахтёры, выдадим нагора. Ты не против? — журналист быстро перешёл на "ты".

— Я не знаю, получится ли?

— Основное уже получилось, осталось же добавить самую малость. У тебя уроки когда кончаются?

— Через час.

— Славненько, приходи в правление, там и допишем.

Об остальных заметках в газетах корреспондент не стал распространяться, кроме, как похвалил слог, пластику языка. Редактору же стенной газеты посоветовал впредь составлять план выпуска заметок, собирать их заранее и расширять круг корреспондентов. На прощанье сказал:

— И не стесняйтесь брать материалы у учителей, привлекай-

те их в газету для авторских проблемных статей.

После урока, который она просидела как на иголках, Наташа прибежала в контору совхоза. Илья Парамонович её уже ждал. Свои дела он завершил быстро. Коллектив прежний, колхозный, он всех знал и его знали, поэтому проблем со сбором фактов для передовицы — цель его приезда — не было, тем более, что в молодом совхозе дела пошли намного лучше, чем в колхозе. Сказывались и форма труда, и его оплата, главное — к людям повернулись лицом.

— Полчасочка уделю тебе внимания и уеду, сегодня надо успеть написать статью — вот такая у нас работа, бывает как у пожарных, — встретил корреспондент девушку. — А ты не хочешь стать журналистом? Работа интересная, хотя и шевбутная, требует постоянного включения, — и он постучал себе по лбу, — нет ничего интереснее, чем работа с людьми, знакомства с ними, о каждом человеке можно писать роман, — и, улыбнувшись, спросил, — а ты ни о ком не пишешь, или?..

Наталья сразу подумала о Шкрябине Николае: "Вот о нём есть что написать! Работал на полевом стане, на ферме подручным плотника, освоил профессию, увлечён поэзией, бальными танцами". — И тут же засомневалась: "хватит ли всего этого для того, чтобы расписать как героя среди молодёжи?". Своими сомнениями она поделилась с Ильёй Парамоновичем:

— Мне кажется, что всё это не столь значительное?

— Не скажи, милая, всё это как раз и составляет характер советского человека. У него как с учёбой, комсомолом?

— Ниже четвёрок нет, а в комсомол нас приняли три года назад.

— Вот тебе и тема! Давай договоримся с тобой так: одну корреспонденцию в районке пропустим о молодёжном почине: "Всем классом — на ферму!" — это по твоей заметке; второй же материал пойдет о комсомольце Шкрябине. Внеси себе в план. Потом продумаем вместе темы на будущее. Станешь нашим внештатным корреспондентом, селькором. Начнешь оттачивать перо до университета. А при поступлении на факультет журналистики учтут твоё сотрудничество с нами. Мы дадим тебе творческую характеристику и направление от районной газеты и райкома комсомола, а может быть и райкома партии. Думай, дочка, всё в

твоих руках.

Директор, присутствовавший при разговоре, поддержал корреспондента:

— Слушай, слушай, старших, Мухина! Парамоныч тебе дело говорит. Пиши — не ленись! А с материалом всегда поможем, писать тут есть о чем. О хорошем напишешь — людей поддержишь, их настрой, а если и с критикой выступишь — всё равно помощь: за всем не углядишь. На критику мы среагируем, — директор повернулся к корреспонденту. — А вы, наверное, и материально заинтересовываете нештатников?

— Конечно, Данилыч, гонорары выплачиваем за каждую заметку. Вот за одну она уже получит рублей пятнадцать.

— Это за какую же?

— Да летом девчата по окончании десятого класса почти все пришли работать на ферму. Единицы уехали в город поступать в училища, в техникумы. А кто не прошёл по конкурсу, тоже вернулся в колхоз. Вот об этом она и написала. Актуальная тема. Сейчас партия вместе с комсомолом бросили клич: "Молодёжь — на село, молодёжь — селу!".

— Замечательно! — Воскликнул директор. — Глядишь, и из этого выпуска к нам кто-нибудь придёт. Нужная, очень нужная статья! — и он протянул Наташе руку, — спасибо тебе! И сразу скажу: у меня родилось предложение, думаю, правление меня поддержит, так вот. Наталья, поступишь в университет — мы тебе будем выплачивать стипендию. Наше направление — это гарантия на поступление.

— Спасибо вам большое, Петр Данилович!

— Ты подожди меня благодарить, ещё не поступила, учись давай лучше, а то проверю, не поленюсь, схожу в школу. Да ещё: у нас, ты уже знаешь, оплата труда как в денежном выражении, так и добавочно в натуральном. В конце квартала ещё выдадим премии за перевыполнение плана и социалистических обязательств. Так что, твои обязательства перед коллективом совхоза — это подъём общественного резонанса как на трудовые подвиги, так и на устранение недостатков. За это тоже полагается премия, конечно, в случае выполнения программы. Зайди ко мне вечерочком, как я освобожусь от работы, и мы с тобой эту программу составим — о чём писать и как.

— Насчёт "как писать" ты тут, Данилыч, хватил лишнего. Она человек молодой и пусть вырабатывает свой стиль, своими красками малюет полотно, — обернёт корреспондент.

— Да я это так, к слову. С идеологической стороны подскажет секретарь партийной организации, по фактам организации труда — я, есть ещё у нас и секретарь комсомольской организации, деловой парень. Наташа, ты его знаешь, наверное?

— Да, Лёня Скворцов. Я беседовала с ним, когда собирала данные о девочках, ставших доярками.

После доверительной беседы Наталья согласилась стать внештатным корреспондентом районной газеты. Её заметку о почине молодёжи Илья Парамонович забрал с собой. Наталья летела домой, не чувствуя под собой ног, торопясь поделиться своей радостью с близкими. Они же реагировали по-разному:

— Вот и хорошо, — сказал дед Ефим, — будет свой местный писатель, коли что — пропесочит наших хватов.

— Школу закончишь и уедешь в город учиться и нас с дедом забудешь, — огорчила её тётя Даша.

Кого имел в виду дед, Наталья не стала выяснять. Ей сейчас было не до того. А тётю она ответила:

— Ничего я ещё не решила, и вообще, страшно уезжать из родных мест.

— Молодёжь не хочет оставаться в деревнях, в городе ей интересней. А здесь что оставаться — коровам на ферме титьки дёргать? Ты, конечно, замахнулась высоко — поступить в университет. По нам ли это — крестьянам.

— Ломоносов тоже был не из городских, родился в деревне Денисовка, ушёл из дома и учился в академии в Москве, Петербурге.

— То ж мужик, — не сдавалась Дарья.

Ефим успокоил обеих:

— Пусть, пусть учится на кого хочет. Теперь дорогу не загородишь.

Спустя неделю из района почтальон привёз газету для Натальи и гонорар — первая корреспонденция и первый заработок! Материал был помещён на первой полосе под заголовком: "Где родился, там и пригодился". В нем всё повторялось из стенной газеты с добавлением, внесённым Ильёй Парамоновичем. И под-

пись была: "Н. Мухина, штатный корр." Наталья откровенно радовалась успеху. Её все поздравляли. Дед Ефим, потрясая газетой, пророчил:

Далеко, внучка, пойдёшь, в большие люди выбьешься, не то, что мы! Написано — ишь как складно, слово к слову! Для этого надо иметь голову. Вся в Полину, свою мать, умной была головушка.

На радостях Наталья послала вырезку из газеты Юрию и сообщила ему, что её приняли штатным корреспондентом. Она надеялась, что он порадуетя вместе с ней и поэтому с нетерпением ждала ответа. Желанная весть пришла через полмесяца. Распечатав конверт, она не сразу поняла, увидев свою заметку: "Почему письмо вернулось?". Но тут же был и исписанный листок ученической тетради. Наташа взяла вырезку — та была вся испещрена поправками — птичками, галочками, какими-то другими знаками; здесь и вычеркнутые слова, строчки, вписаны другие. Ничего не понимая, Наташа стала читать листок. Юрий до тошно объяснял, как по-иному надо было построить материал, где акцентировать, а где и "выжать водичку".

Вообще это было разгромное письмо. К тому же Юрий писал, что это не только его мнение, а коллективное — он перечислял товарищей-однокурсников, с которыми проводилась правка и анализ её корреспонденции. Ребята просто попрактиковались на её материале, и Юра ничего особенного в этом не находил. А по сути написанного сказал, что тема хороша на один случай — когда всем классом или не всем классом идут на ферму, мол, ферма не резиновая, надо внедрять доильную и прочую технику, тогда не понадобятся десятки доильщиков. Другая проблема — необходимо учитывать индивидуальные особенности человека, его развитие, желания, стремление а не просто стадным методом управлять людьми, их разумом.

До всего этого Наталья не доходила. Она воспринимала жизнь так, как ей её преподносили и верила в руководящую и направляющую роль партии, комсомола. Она, в конце концов, была воспитана в этом духе, и любые противоположные выступления Юрия не могла принять ни разумом, ни сердцем. Поэтому ответ Рыжова воспринялся ударом. Наташа плакала, отшвырнув проклятый листок, исписанный мелким бисером. Плакала от оби-

ды, что её не поняли, посмеялись над ней. Плакала оттого, что смутно представляла дальнейшее своё участие в журналистском деле, словно бы ей предопределено не быть в рядах вещателей, а хотелось — в душе уже проявлялся росток желания — вступить в этот необъятный мир творческих поисков, раскрытия тайн бытия, взаимоотношений, о которых она ещё так мало знала.

За последние месяцы Наташа всё сильнее стала ощущать какое-то новое измерение жизни. Если раньше она ограничивалась учёбой в школе, делами по дому да своим юным чувством к молодому человеку, то теперь, хотя и в неясных чертах, ощущался иной мир — мир прогрессивных сил и движений, увлекающий в своём водовороте всё человечество, ведущий к преобразованиям во всех сферах общественной деятельности. Без познания этого мира жизнь для Натальи уже казалась урезанной, неполной. Увлечённая по натуре, она и не смогла бы в дальнейшем жить спокойно и беззаботно, не ввязываясь в борьбу за осуществление своей зарождающейся мечты. Думая о своём прозрении, она как-то пришла к выводу, что толчком к раскрытию глаз послужили встречи с интересными людьми, чей кругозор не ограничивался узкими бытовыми интересами. Картины этих встреч вновь проплывали перед ней. Вот больничный роман — Рыжов Юрий, много повидавший, хотя и молодой, но прочувствовавший грани жизни и смерти во время десантной службы. Она потянулась к нему душой, как к свежему ветерку после тягостной непроветриваемой палаты. А вот и Илья Парамонович — человек обширных знаний и богатый жизненным опытом, вовлёк её в стремнину человеческих взаимоотношений в трудовых процессах. Это он, как бы между прочим, дал понять ей, что вокруг неё живут, учатся и трудятся интересные люди, к которым она привыкла и не видит в них ничего "героического". Одним из таких оказался её одноклассник Николай Шкрябин.

В школе потешались над его фамилией: Шкрябин — шкрябать — царапать — вот и прозвали: "Цап-царап". "А у меня, — думала Наташа, — тоже фамилия не ахти — Мухина, так и кличут. "Муха". Всё это детство, забавное детство, прошедшее и в горе, и в радости. Вот скоро выпускные экзамены и надо будет вступать во взрослую жизнь". "Да, это самый, незаметный на взгляд бесшабашных школьников, человек, живёт, пожалуй, пол-

ноценнее своих сверстников", — и такие мысли одолевали её.

8.

В комнату вошла Дарья и, увидев в слезах племянницу, забеспокоилась:

— Что случилось, доченька?

Наташа ничего не ответила, лишь машинально посмотрела на отброшенное письмо. Дарья подняла письмо и, получив безмолвное согласие, прочитала его. Не всё поняв, что за "правка", она принялась утешать "дочку", как стала за последнее время называть племянницу:

— У этих городских, я тебе говорила, свои причуды. Им не угодишь. А главное, я прямо скажу, не очень-то хорошо так отзываться о деревенских. Мы хотя и "навозники", а хлеб-то он наш ест. В его выращивании он не вложил ни одной своей потинки, а всё туда же. Ишь, гляди-ка, он назвал бы заметку: "Сельский синдром". Что это такое "синдром"?

— Ну, это как болезнь, — ответила Наташа.

— Вот, вот, и я говорю, он на свою голову не жалуется случайно?

— Ни на что он не жалуется, только хвастается — сам уже пишет в городскую газету, вроде как бы подрабатывает в ней. Практика у них на фабрике, о фабричных делах и пишет. Получает гонорары за статьи.

— Ой, я чуть не забыла, а тебе тоже из районной газеты деньги пришли. Я хотела расписаться за тебя, да почтальон говорит, мол, пусть сама на почту подбежит: как-никак первый заработок, пусть сама и распишется. Так что, сходи.

— Схожу, конечно, только дело не в деньгах, тётя, а в грамотности. Юрий учится в университете на журналиста.

•— Грамотный очень, если уже сейчас не щадит никого — вон чего понаправил тебе, всё позачеркнул. Выходит, в районной газете все дураки сидят, глупее его, хотя и с сединами? Ох, не ошибись в человеке, дочка, не ошибись!

После этого разговора прошло много времени. Боль и обида, причиненные письмом Юры, прошли. Первая проба пера, если и неудачная, то она не заставила опустить руки Натальи перед

трудностями. По заданию редакции, а где и по просьбе директора совхоза она продолжала писать о делах на ферме. Редакция завела рубрику: "Молодёжь — селу!", под которой проходили материалы Н. Мухиной, и других селькоров из других колхозов. Большой удачей была для неё публикация на конкретных фактах размышления о возвращающихся из города в родную деревню молодых ребятах и девчатах, которые в недавнем времени подавались в город за длинным рублим. Теперь же в совхозе тоже можно заработать деньги — и не малые, только трудись, не ленись. Кроме того, совхоз в конце уборочной выдавал своим работникам продукты питания, зерно, уголь, а приезжим на обустройство — ссуду.

Редакция поблагодарила Наталью за хороший материал и попросила в том же духе написать о культурном досуге селян, сделав упор на слове "культурном". Наташа описала работу клуба, где действовали драматический, танцевальный, шахматно-шашечный кружки, был и свой хор. Комсомольцы с постановками выезжали в соседние деревни, на районные конкурсы; старался выбиться в люди и хор. Привозили даже призы, почётные грамоты занимая первые, вторые места. По отчётам всё было "хоккей", как говорил Юрий Рыжов. Но Наташа выискала факты, о которых заговорили во всех инстанциях. Корреспонденцию по указанию райкома партии рассматривали на комсомольском и партийном заседаниях. Своё решение принимало и правление совхоза.

Мухина поднимала ряд вопросов: о приобретении своей киноаппаратуры — кинопередвижка уже никого не устраивала, о массовости в культурных мероприятиях. По первому вопросу на правлении решено выделить средства для закупки киноаппарата. Движок нашёлся на ферме — подремонтируют. По второму вопросу всё оказалось сложнее. Сыр-бор завязался из-за участников кружков художественной самодеятельности. Как выявила Наташа, в каждом кружке было постоянных три-четыре человека, остальные — перебежчики. Наблюдалась интересная картина: на репетициях в драмкружке участвовало не менее десяти-двенадцати человек. Все эти люди были в составе хора. Они же — танцоры. Так и ходили по кругу одни и те же, а притока молодёжи не было, не говоря уже о населении среднего возраста. Эта

небольшая группка получала призы и премии, делили между собой, и это их устраивало. Перепадало и руководителям кружков. Увеличивать количество ртов на каравай никому не хотелось, вот и не было притока свежих сил. Припахивало идеологией мещанства, с которой надо было бороться. Поэтому материал Натальи Мухиной был высоко оценен в районе. Райком комсомола выделил премию — отрез на платье. В совхозе и в школе заговорили о новом серьёзном корреспонденте районной газеты Натальи Мухиной. По её критической корреспонденции принимались конкретные меры.

Чтобы ответ на выступление газеты не стал отпиской, Наталья после школы забегала к секретарю комсомольской организации совхоза, и вместе с ним проверяли агитационную работу. Заходила и к секретарю партийной организации. Не забывала она и о своих репетициях по бальным танцам. Как-то, торопясь домой, зашла за Леной, чтобы пригласить её к себе. В обитую войлоком наружную дверь не стала стучать. Вошла в тот момент, когда Николай сидел за столом и, нагнувшись над листом бумаги, что-то писал. Услышав скрип двери, повернулся:

— Проходи, коли зашла, — сказал и спрятал лист в блокнот.

— Над чем трудимся?

— Да так, мелочи жизни... — неопределённо ответил тот.

В девушку словно вселился бес, и она выхватила блокнот.

— А, стихи! О чём? Давно пишешь? Много уже накропал? Дашь почитать? — осаждала молчавшую крепость Наталья.

— Вчера начал, а сегодня заканчиваю,— отрезал он, хватая её за руки.

Отнимая блокнот, Шкрябин не рассчитал свои силы и порывисто прижал к себе девушку. Наташа ойкнула не то от боли, не то от стеснения. Но в этом близком соприкосновении на миг она почувствовала что-то знакомое, родное. Николай не был противен ей. Даже наоборот, случившееся приятной волной обдало всю её до ног. Она вспомнила Юру, он обнимал нежно, словно боясь раздавить хрустальную вазу. Иногда и сильно. "А волны такой никогда не было",— мелькнула мысль. И опять накатывалась грусть: "Юра, Юра, как это давно было! Да было ли вообще?!", — махнула она рукой. Осталась какая-то память, притупленная, не вызывающая ни единой искры, зажигающей душу или воспламе-

няющей сердце, просто — далёкий отблеск зарницы.

Юрий не напоминал о себе. Так прошёл февраль. Март окрылился поздравительной открыткой — вот и всё. Наталья уже и не переживала, устала думать, в конце концов. У неё теперь были дела поважнее. Корреспондентские. Заканчивалась третья четверть, открывалась возможность во время каникул активнее заняться сбором материала для очередной корреспонденции. Благоприятствовали тому и солнечные денёчки. Звенела долгожданная капель. Вот-вот раскроются луга, и потянется на пастбища скот.

В конторе совхоза Наталья не смогла попасть ни к директору, ни к животноводу, ни к секретарю партийной организации — все были на каком-то заседании. Напряженность чувствовалась во всех уголках, все чего-то ожидали, каких-то перемен, связанных со смертью Сталина. Неделю назад объявили траур. В деревне не было ни одного человека, не переживающего трагедию. Школьники по очереди стояли у знамени. Учителя, открыто плакали, не сдерживая эмоций, глядя на них — и ученики. Народ страшился жить без вождя, спасшего страну от порабощения. Многие воспринимали Сталина как отца, но нашёлся человек, который в своём семейном кругу не проявил и не поддержал всеобщее переживание. Им был Ефим Мухин.

— Убрал бог душегуба, — ворчал дед на печи.

Дарья испуганно дернулась:

— Ты что, сват, рехнулся? Вся страна в горе, а ты!..

— Попомни, голубка, придёт время, всё раскроется. Понаслышен я, да и повидать пришлось в извозе, как сажают в тюрьмы, забирают тех, кто был в плену, хотя и бежал оттуда, продолжал сражаться с врагом до конца войны. А сколько загребали только за то, что сказал в усмешку, да не в угоду высшим! Учёных, командиров посажал в лагерь, да порасстрелял гад.

— Что вы там такое говорите? — ужаснулась Наташа. — Это наговор!

— Успокойся, дочка, — повернулась к ней Дарья, — действительно, что только люди не наговорят. Время всех рассудит.

Мрачное настроение не покидало Наталью долгие дни, даже расхотелось писать корреспонденцию по собранным фактам. На душе было тяжело: "Как же будем жить дальше?" — этот вопрос

беспокоил не только её. Прежде всего, она искала ответа в самой себе. И находила что-то новое — зарождающееся высокое чувство к ... Николаю Шкрябину, этому бесшабашному на вид парню. Встреч с ним не искала — Николай всегда был рядом с ней: в школе, по пути домой и опять в школу, в кино.

Перед каникулами домой возвращались, как всегда, гурьбой, весело обсуждая школьные дела и предстоящие дни отдыха. Шкрябин, задержавшийся было в спортивном зале, догнал ребят. Поравнявшись с Наташей, он сперва молчал, так как она бурно отстаивала в споре с Галиной интересующую их проблему. Потом заговорил с ней. Поотстали.

— Чем будешь заниматься на каникулах? — спросила первая Наталья.

— В совхозе предложили крышу отремонтировать на скотной базе. У них рук не хватает. Пойду.

— А после школы куда?

— В сельскохозяйственный институт попытаюсь поступить.

— А как же с хореографией?

— Параллельно можно учиться. Для профессионала я уже устарел. Балетом надо заниматься с детских лет.

— Не жалко, ведь времени не будет хватать на танцы, институт ведь?

— Если любишь, время найдёшь, — просто ответил Николай.

— Если любишь... — повторила Наталья и многозначительно продолжила: а если не любишь, а только кажется, что любишь?

Николай посмотрел на неё и, по тому, как она отвела взгляд и сбавила шаг, уловил второй смысл сказанного — да, Наталья сейчас думала совсем не о танцах — немного подумав, ответил:

— Я бы серьёзно присмотрелся к существу вопроса. Если сомневаешься, то это уже не любовь.

— Что же по-твоему такое любовь?

Разве ответишь на такой вопрос однозначно? Люди об этом пишут книги, труды, а у каждого она своя.

— А у тебя? — допытывалась Наташа.

— Ты! — почти выкрикнул с болью Николай и быстро зашагал в сторону ребят, не оглядываясь.

И вновь, как тот раз в доме у Шкрябиных, её обдало горячей волной. Сладостно замирало сердце. "Боже мой, Колька! Что ты сказал, сам-то ты подумал над этим? Милый Колька, ты никогда так не шутил, ты теперь уже не подходишь ко мне на переменах, чтобы подёргать за волосы или ущипнуть — обратить на себя внимание этой дурацкой мужицкой привычкой. Правда, любит. А я?" — горело и билось в груди сердце, как птица в клетке, в поисках ответа.

Волна не отпускала, ударяла в голову, кружила её. Наталья не находила ответа на свой же вопрос: "Полюбила ли я Николая?". Сравнивала его с Юрием. Оба — айсберги, только наоборот: если Юрий девять десятых частей был на поверхности, то Николаевы девять частей скрыты под водой — личной скромности, свойственной деревенскому юноше; Юрий, воспитанный в городских условиях, любит блеск, пышность, легкость во всём и, не видя ни в чём проблем, не задумывается над глубиной действий, чувств — по крайней мере так его поняла Наталья из тех недолгих встреч в больнице и из писем. Как, например, можно было объяснить его отношение к друзьям: то он с восторгом описывает лыжные прогулки с ними и "музыкальные" встречи на дому у кого-нибудь, когда нет дома родителей, а то капризно перестаёт общаться с Викой и Элеонорой, Володей, как ненужными. Они, видите ли, не устраивают его как бесперспективные. Так он сам расценивает своих друзей и перестаёт с ними общаться, попросту сбрасывая со своего пути. Так же, не задумываясь над этикой и чувствами Наташи, он разгромил её первую статью. А со временем и перестал писать. "Значит, и я ему не нужна, надоела со своими проблемами. Что во мне, деревенской? Одно и то же", — рассуждала не беспочвенно Наталья.

Она не писала ему о своих успехах в журналистском деле не из-за боязни критики, а из-за отбитого желания делиться ими. Не писала и о премиях за лучшие публикации. Она могла бы многое ему рассказать, что с ней считаются, как со взрослой и настоящим корреспондентом. В конце концов, осенью ей дадут направление на поступление в университет на факультет журналистики как стипендиатке от совхоза. Не писала по подсказке тёти Дарьи, и та оказалась права. Иногда же задумывалась над тем, что, может быть, Юрий и возобновил бы поток своих излияний к ней. О чём

бы он писал? О том, кто ещё попал в его опалу или о новых увлечениях, зима-то кончилась, а летом — пляжи, загорания, шашлыки? Об этом он как-то говорил в больнице, но она тогда не придавала этим словам значения. Её встречи проходили, как во сне.

Теперь все мысли тормозились на Шкрябине. Николай представлялся ей совершенно в новом свете, натурой, противоположной Юриной. В нем много крестьянского и в рассуждениях, и в отношении к труду — неторопливого, капитального; за всё он брался по принципу: "Взялся за гуж — не говори, что не дюж". Без суеты, довольно сносно за лето освоил плотницкое дело и считал его не ремеслом, а частью искусства. И если брался за что-то, то, используя опыт наставника, внедрял и свою задумку. Всё получалось на славу, на загляденье. Поэтому ему, наравне с другими плотниками деревни, руководство совхоза доверяло выполнение сложных ремонтно-строительных работ.

И вторая, характерная черта к его портрету: Николай не закомплексован на бытовых проблемах, его тянет к искусству, и он пишет стихи, занимается хореографией, постоянно совершенствуется — разве такое наблюдалось за другими ребятами, его сверстниками! Наталья не сомневалась: в институт он поступит. Вот тебе и комик-арлекин! Кто бы мог подумать, какие скрытые пружины в нём! Настоящий айсберг, не перевернутый!

"Мне далеко до него,— порой отчаивалась Наташа,— надо больше работать над собой и прежде всего — прочь гнать лень", — про себя решила она. С этого дня она составила для себя программу действия. В неё входило: поступление в университет, изучение, дополнительно, психологии, более глубокое знакомство с производством, структурой управления, освоение балльных танцев. Задаваясь целью, Наталья понимала, что выполнение такой программы потребует от неё полной самоотдачи, но была уверена — выдержит. Выдержит хотя бы ради того, чтобы быть на уровне с Николаем. "А зачем? — спрашивала себя, — удовлетворить свою гордость? Или, если он действительно любит меня, постараться ещё больше влюбить его в себя? Какая глупость! Разве в жизни бывает: больше, меньше влюбить? Любовь — всепоглощающее чувство, но оно как отзвук родственной души. Тогда в чем родство душ у меня с Юрием? Журналистика? Достаточно ли этого? Увы! Хотя журналистка — это не только писательское

дело, это — вся жизнь”.

“А с Николаем? — вместе росли, учились, ходили за грибами, собирали ягоды, купались в речке. У него такая же тяга к искусству, к слову, выразительности и изобретательности. Деревенские условия жизни привили ему любовь к труду. Разве это всё не моё? Да, оно! Ох, и перетягивает чаша весов!”, — думала Наташа. А в другое время возникали сомнения: “Весы — это область не сердца, а разума. Стоп! Любовь — сочетание одного с другим. Что же было у меня? Лишь эмоциональное восприятие и привлекательность Юрия. Не мало ли для любви? Вот почему так быстро угасло ВЛЕЧЕНИЕ, да, это было самое настоящее влечение. Какие интересы Юрий видит в журналистике?” — эти и многие другие вопросы одолевали молодую девушку. Жизнь постепенно их снимала. Ещё одним ярким подтверждением любви Николая стал выпускной вечер. Он танцевал с Наташей. Она не отходила от него. Оба не замечали других. На этот раз, против новогоднего бала, партнёрша хотя и сменилась, но была достойной. Теперь у Натальи все спрашивали, где она так научилась танцевать. А она, счастливая, смеялась в ответ и вновь вальсировала с прекрасным партнёром, исполняла легко и непринужденно сложные па на танго, в душе благодаря и Николаю, и Лену за то, что они посеяли и взрастили в ней доброе зерно любви к искусству танца. Сквозь волны вальса и трепетную руку Николая, которой он порой прижимал её к себе, она чувствовала его душевную тягу к ней, и ответно ей хотелось, чтобы он не отпускал её и ещё крепче прижимал к себе. О, как это было чудесно! Такой вечер запоминается на всю жизнь.

9.

Десятиклассники, уже бывшие, расставались кто навсегда, а кто надолго. Придётся ли встретиться в жизни? Из этого выпуска лишь трое или четверо собираются пойти работать в совхоз. Остальные — кто в ГПТУ, кто в техникум, и трое в высшие учебные заведения: Мухина — в университет, Шкрябин и с ним отличница Людмила Селезнёва — в институт.

Каждый выбрал свой жизненный путь. Прочитав в глазах друзей и подруг грусть, договорились писать друг другу пока до

новых адресов на деревню. До приёмных экзаменов все усиленно готовились. К своему удивлению Наталья не очень волновалась и перед предстоящими экзаменами: "Провалюсь так в родном совхозе найдётся работа, а с журналистикой я не расстанусь", — так успокаивала себя она, когда её тётя заводила грустные разговоры по поводу "всяких там институтов с их экзаменами". К тому же с посланными документами в приемную комиссию были и направления от совхоза, редакции газеты, характеристика и рекомендации от районных комитетов партии, комсомола и редакции.

Волнение сказалось лишь когда Наталья увидела толпу абитуриентов возле здания университета. Ни на одном лице не промелькнула улыбка, не слышно было и смеха, словно бы каждый здесь хоронил что-то своё сокровенное. В коридоре перешёптывались, коротко знакомились, кто откуда приехал. Напряжённость сквозила и в знакомствах. Причиной тому было объявление конкурса — на журфак четырнадцать человек на место. На другие факультеты, кроме юридического, отбор был менее жёстким, потому как и поступающих было не густо.

Секретарь приёмной комиссии достала документы Натальи Мухиной, покопалась в них, бегло просмотрела рекомендации, направления от различных инстанций, вырезки из газеты, одобрительно кивнула:

— Смелей сдавайте экзамены, вы почти уже наша студентка.

Ободрённая Наталья без трепета села за сочинение, удачно избрав тему: "Моё любимое дело". С большим одухотворением раскрыла она образ современного сельского молодого человека, не простого трудяги, а увлечённого своим делом, искусством — хореографией, поэзией. Образ со стороны получился собирательным. На самом же деле он имел прототип её земляка Николая Шкрябина. Уже выходя за дверь аудитории, её пронзила мысль: "А вдруг мой герой получился надуманным? Впрочем, труд, увлечение стихами — все реально, а вот хореография в деревне, где нет даже кружка? Да, тут поверить трудно".

Таких сочинений среди поступающих не было. Грамотно написанное, оно так и просилось как готовая зарисовка на газетную полосу. Вот почему первый труд будущей студентки от мечен пятью баллами.

Радость начала сдачи экзаменов омрачилась на втором —

Наталья чуть было не срезалась на истории. Ещё в школе у неё как-то не улеглись в памяти багратионовы флешки. А тут, как нарочно, вопрос о них. Долго билась, вспоминая, что это такое. Спросить не у кого — конкурс, рядом соперники, всем хочется поступить, но пройдёт один из четырнадцати. Вот так и сидела, пригорюнившись, в ожидании своей очереди на голгофу. И вдруг услышала от державшего ответ упоминание о реданах, флешках. Это упоминание было настолько яркое, что Наталья живо представила окопы, траншеи, зигзагообразные, углом направленные в сторону противника. Обо всём этом она рассказала живо и с интересом, словно сама участвовала в полевых сражениях Отечественной войны. Экзаменующий с удовольствием отметил её знания фортификации русской армии. История тоже позади, снова пять баллов!

Успешно сдан и иностранный язык. Оставались литература и русский язык устно. Эти предметы она не боялась. Более того, они были её любимыми. За школьные годы прочитала не мало книг как по программе, так и сверх программы. По русскому же языку с восьмого класса была наставницей. Любила писать сочинения особенно на вольную тему. Так ей легко давались заметки в школьную стенную газету, а потом и в районную. То, что устные предметы она сдаст не хуже остальных, Наталья не сомневалась. И чуть не поплакала в своей уверенности.

Ответив без сучка и задоринки по билету, она уже начинала в душе ликовать, как вдруг профессор, погладив свою бородку, лукаво усмехнулся:

— А ну-ка, красавица, попробуй разобрать по частям речи и по членам предложения фразу: "Злакавная облакавна челявкает палавду". "Что это?", — ошарашенная Наталья, не чувствуя себя и не соображая, что делает, чуть не смяла лист с какой-то гадостной фразой. Села, уткнувшись в неё, и тупо смотрела на размашистый почерк профессора. "Издательство какое-то! — взрывалось всё внутри у неё. — Я же на все вопросы билета ответила, а тут "злакавная облакавна..." — даже не запомнишь сразу эту абракадабру!". Возмущения воспаляли девушку: "Может быть эта фраза и означает что-нибудь на каком-то тарабарском языке, а на русском — чушь!"

Глянула на профессора — встретились взглядами: у неё, са-

ма увтвовала, злой, растерянный, а у него — добрый, слегка с усмешкой: "Что, не по зубам университетские задачи?!". И опять опустила голову, упёрлась, как в глухую стенку, в смысл фразы. Её раскрытие не подавалось. Тогда Наталья в отчаянии показала соседке листок. Та прочитала фразу, пожала плечом и тут же беззвучно хихикнула — мол, влипла, девочка, теперь дорога на одну будет чище. От такой мысли у Натальи выступил холодный липкий пот: "Неужели пропала?".

Посидела, потеряла виски — немного успокоилась. Вспомнился Николай: "А как он в таких случаях поступил бы? Тоже растерялся бы или нет? Скорее всего, он прочитал бы вновь условие задачи, ведь он сильный математик, подумал бы над ним, а потом уже взялся за решение. А я? Взялась за разгадку того, чего мне, хоть месяц здесь сиди, не разгадать. Требуется-то не перевод, а разборка по частям речи и членам предложения. Стоп! Предложения... Предложением называется — грамматически оформленная законченная, осмысленная фраза — вот-вот, как-то так. В предложенной же фразе нет никакого смысла, значит, это вовсе и не предложение. Так, уже лучше! Дальше — по форме все вырисовывается: облакавна — подлежащее, что она делает? Челвякает — сказуемое. Теперь всё понятно. Ничего сложного. Вот и ответ вам, товарищ профессор!

Наташа посмотрела на него: "Ну, борода, разгадала я вашу подначку!". Тот догадался о её мыслях, улыбнулся:

— Готовы? Идите сюда.

Едва Наталья начала отвечать, как профессор прервал её:

— Хватит. С вами будет интересно работать. У вас хорошее аналитическое мышление и грамматику вы знаете прилично. Что ж, будем углублять ваши знания. До встречи. А пока нет других мнений, он кивнул на рядом сидящих двух женщин, — "отлично".

Через неделю комиссия подбила итоги вступительных экзаменов. При собеседовании несколько человек отсеялось с газетно-журнального отделения. В списке поступивших Наталья с радостью прочитала свою фамилию. "Самый сложный пункт намеченной программы выполнен!", — подумала она.

Как иногородней Мухиной предоставили общежитие. Её поселили в комнату на четыре человека. Девчата ей понравились. Познакомились, быстро сдружились. Дружба ещё больше окрепла

на сельхозработках, куда их направили на месяц. Перед отъездом Наталья написала письмо домой и, как обещала, Николаю на деревенский адрес. Расставаясь, они договорились писать друг другу обо всем. Наталья уезжала первой, и Шкрябин провожал её до райцентра. Там посадил на поезд. Крепко пожав руку, заглянул в глаза:

— Пиши, Наташа, не забывай.

Это было сказано так тепло и мило, что у Наташи вмиг увлажнились глаза.

— Коль, и ты... — прошептала она,— желаю тебе успешно сдать экзамены.

И теперь, когда у неё самой всё обошлось благополучно, она волновалась за него, поступил ли, хотя и верила— ему всё под силу. К тому же он там не один, с Люсей. Ей, конечно, легче — отличница, будет сдавать один профилирующий предмет. Но всё равно — поддержка есть. Хорошо, когда рядом кто-то есть. Вдвоём легче. "Ой, да что ж это я всё — вдвоём, да вместе? Заело"— поймала себя на мысли Наталья. Становилось как-то не по себе: и завидно, и немного волнующе. Люська красивая девушка, влюбиться в неё ничего не стоит. К тому же по натуре она ласковая, добрая. "Ох, увидит всё это Колька! Да и она поймёт, какой на самом деле Николай, не просто школьный балагур, а целеустремленный, сильной природы человек, тогда пиши пропало". Слезы опять невольно защипали щёки.

Получив письмо от племянницы, Дарья радовалась, как давно уже не испытывала такого хорошего чувства. Она вспомнила: последнее письмо держала в руках в 1943 году от мужа из Белгорода, где он и погиб, освобождая город. С родными Дарья не зналась, да и они вряд ли знали, где живёт их дочь. Обрадовалась она и второму письму, предназначенному Наталье от Николая. Дарья этим же днём переложила письмо в другой конверт и туда же свой листочек, убористо исписанный о делах семейных и совхозных, и отправила по почте племяннице. Вечером они ещё обсуждали с дедом о Наташе с Николаем. Разом повздыхали, мол, что поделаешь, разлетелись птенцы из родного гнезда. Хорошо хотя, что весточки шлют. Вернутся ли когда-нибудь к родным углам?

Наталья получила письма через полмесяца, когда вернулась

из колхоза в общежитие. Обоим письмам она радовалась искренне, по-детски. По многу раз их перечитывала, носила с собой в сумочке. Эти прямоугольнички, как маленькие островки родной деревни, согревали её сердце, наполняли её уверенностью, что о ней думают, что рядом с ней её близкие люди. С ответом Наталья не задержалась. Первое письмо написала Шкрябину, а потом уже дедушке с тётей Дарьей. Николаю написала: "Счастлива и рада за тебя, что поступил в институт! — и пожурила: Обогнал меня, разбойник, успев записаться в хореографическую школу. Но и я буду ходить в кружок у нас в университете". Письмо Николаю пошло уже на институтский адрес.

Месяц, проведённый на сельхозработках, сказался на программе обучения. Преподаватели уплотнили лекции, семинары. Студентам помногу приходилось сидеть в научной библиотеке, а по вечерам читать зарубежную, русскую литературу. Свободного времени не оставалось. Не находилось его даже для кино, театра. Наталья смирилась с мыслью, что в первом семестре ей не придётся заниматься балльными танцам, надеясь наверстать упущенное во втором полугодии. Однако, несмотря на занятость, она сумела выкроить время, — за счёт сна — чтобы написать в свою районную газету опыт работы колхоза из другого района, где они трудились, по выращиванию сахарной и столовой красной свеклы. С публикацией не задержались. Вместе с гонораром пришло и кратенькое письмо. Илья Парамонович благодарил её за то, что не теряет связь с газетой и за хорошую, нужную информацию. Заодно просил написать ему, как идёт учёба, что нового в системе подготовки журналистов.

О себе Наталья написала скромно, а вот как ответить на второй вопрос? — Проблема. "А как раньше готовили? Надо же знать, чтобы не открывать Эйфелеву башню!", — рассуждала Мухина. Вопрос не косвенно, а прямо заинтересовал её, и она, чтобы не смущать преподавателей, пошла в городскую редакцию газеты. Там женщина спецкорр, учившаяся восемь лет назад в этом же университете, с удовольствием рассказала будущей коллеге о системе преподавания, изучаемых предметах на газетно-журнальном отделении до войны и после — в военные годы университет был закрыт, на его дверях так и было написано: "Все ушли на фронт".

Спецкорр посоветовала обратиться в областную газету, где трудилась её знакомая журналистка с пятнадцатилетним стажем. Наталью поразило лицо её новой знакомой. Ещё молодая женщина с необычайной синевой глаз и быстро меняющейся мимикой — от спокойного до хмурого, от тяжёлого взгляда до лучистой улыбки, от сложенных бантиком губ до их превращения в жесткое упрямство. Женщина живо поинтересовалась, зачем ей нужен этот материал, и что она собирается с ним делать. И когда Наталья, растерявшись, начала лепетать о просьбе её знакомого районного журналиста, и ей нужны факты для сравнения, журналистка резко бросила: "Не стоит трудов!". Потом крепко почесала лоб и схватила студентку за плечо так, что та почувствовала её костлявые сильные пальцы:

— Подожди, есть резон! Ты, говоришь, учишься на первом курсе? Птенчик, значит, в нашем деле, но ничего, можешь помочь нам. У моего друга давно горит зуб раздраконить старую систему обучения в университете, да, видать, времени не хватает. А надо, надо пошевелить старый курятник! Вот так, девонька, дашь на дашь: он введёт тебя в курс дела — это я обещаю — а ты можешь собрать ему факты. Потом вместе напишем критическую корреспонденцию — это будет твоя практика, оформим тебя штатным корреспондентом областной газеты. Не боишься пойти против своего руководства? — и, не давая девушке опомниться, утвердительно заявила: "Смелость города берёт! Воспитай в себе журналиста! Без смелости нет журналиста".

Статья получилась грандиозной. Над ней, вопреки предположениям, работало около десятка человек. Были задействованы журналисты городской, областной газет, преподаватели, уволенные по разным причинам из университета, городские комиссии. Началось с того, что в областной газете, как бы между прочим, появилась заметка студентки Н. Мухиной о том, что по мнению многих журналистов и студентов газетно-журнального отделения в университете давно пора ввести в программу обучения фоторепортаж и машинопись, а вместо комбайноведения — стенографию. В обкоме партии обратили внимание на заметку — последовало письмо в облоно, оттуда в сопроводительном циркуляре ректору университета настоятельно рекомендовалось обсудить данный вопрос и дать свои предложения. Что ж, рекомендации

сверху — это уже решение. Оставалось только выйти руководству ВУЗа, якобы, с инициативой по открытию дополнительных дисциплин на соответствующие инстанции и с просьбой утвердить статьи расходов.

Далее петля затягивалась туже. Стали раскрываться крутые факты: в приёмной комиссии брались взятки с родителей абитуриентов; сыновья и дочери руководящего состава университета и городских властей фактически зачислялись в студенты без экзаменовки; на высокооплачиваемые должностные места устраивались сотрудники по благу, предварительно с этих мест увольняли неугодных. Таким образом среди преподавателей оказывались бездари или малоопытные люди, которым после институтской скамьи следовало бы ещё понабраться опыта работы со школьниками в качестве учителей средних школ, а не возноситься на вершину Олимпа.

Раскрылись и амурные дела преподавателей обоих полов со студентами. Компетентная комиссия копнула защиту диссертаций за последнее время. Оказалось, что и здесь были нарушения законности, не говоря уже о морали. Выявились случаи, когда брались лучшие дипломы выпускников и после соответствующих маникюра и педикюра выдавались за готовые научные работы соискателей кандидатской степени. Всё это все знали и держали в секрете от посторонних глаз и ушей. Но не зря в народе говорят: "Когда знают двое — знает и свинья". Тайное стало явью. Статья появилась в конце учебного года под заголовком: "Всё все знают". Полетели шапки. Кое-кому больно досталось по пятой точке. Мухину как соавтора пригласили в обком партии вместе с другими корреспондентами, авторами нашумевшей публикации. Присутствовали на заседании и работники областного отдела народного образования, которых не коснулась репрессия, связанная с упущениями в руководстве ВУЗа. Обсуждались вопросы не только улучшения системы обучения журналистов, но и их дальнейшей работы. Было высказано немало добрых советов и пожеланий. В частности, второй секретарь обкома по идеологической работе заметил:

— Активнее привлекайте, товарищи журналисты, студентов к практической работе, вот как Мухину. Кстати, — поинтересовался он, — вы ещё не член партии, когда думаете вступить? Де-

вятнадцатый год, пора Наталья Петровна, подумать, а рекомендации дадим — и повернулся к журналистам: — Что, поддержим своего брата, то бишь сестрёнку, желающие есть поручиться?

Корреспонденты загомонили, заулыбались. Каждому приятен был такой поворот дела. Наталью уже хорошо знали и поражались её смелости и принципиальности. На мужчин сказывалась и её красота, и молодость.

— Свой человек! Честная, достойная,— высказались корреспонденты.

После заседания секретарь задержал Мухину ещё на полчаса. Расспросил её о родителях, совхозе. Узнав, что Наталья была штатным корреспондентом районной газеты и получила рекомендацию-направление от райкома партии в университет, задумался. Очнувшись, торопливо заговорил:

— Да, без колебаний, подавайте заявление в кандидаты. Я напишу письмо в партийную организацию университета.

Соберешь рекомендации и вперёд — без страха и упрёка! Такие люди в партии нужны. Год пролетит и не заметите. В качестве кандидатской нагрузки — партийное поручение: будете ходить к нам на специальные курсы по подготовке партийных работников. Есть задумка в дальнейшем задействовать вас на партийном поприще. Журналист с партийной подготовкой на идеологическом фронте — отличный вариант. Всё, до встречи, успехов вам! Вот мой телефон, по ходу дела звоните, не пропадайте.

10.

Несмотря на занятость — учёба, журналистская практика в газетах — Наталья не забывала и о своей программе совершенствования. Если некогда было бегать на занятия танцами, то, купив учебник по психологии, она самостоятельно прорабатывала тему за темой, обогащая свою память и развивая мышление о великом и малом в творении человека, причинности его поведения, взлетов и падений душевного состояния. Раскрывалось понимание психофизического состояния личности, её гармонии и дисгармоничных отклонений.

Это изучение органично вкрадывалось в общий поток осваиваемых наук в журналистике. Оно помогало и позволяло ей глуб-

же понять Николая и Юрия и придти к логическому выводу — кто есть кто.

Она находила время и на ответы — письма летели потоком от Шкрябина, подруг и тётки Даши. Николай писал еженедельно. Он строчил, не дожидаясь ответного письма, и послания его не были повторением, в них каждый раз звучало новое слово. Он был поэтом и в прозе. Наталья не решалась просить у него стихи, помня, как он резко смутился, когда она выхватила у него блокнот дома. Значит, это были очень сокровенные стихи, полные признания любви к ней. Ведь с тем, кого не любишь, разговор всегда проще. А они... даже не объяснились. "Интересно, ревнует ли он меня к Юрию, мы же рядом, в одном учебном заведении?", — подогривала себя мыслью Наталья.

Рядом-то рядом, но она не видела Рыжова вплоть до октябрьских праздников. Столкнулись они случайно на студенческом вечере. Рыжов растерялся. Она же сперва взволновалась, но быстро взяла себя в руки.

— Наташа! Какими судьбами здесь? К кому-то в гости приехала? — он протянул ей руку.

Наталья решила разыграть шутку.

— Да, так, хотела увидеть тебя, а то писать перестал. Думаю уговорить тебя уехать со мной в деревню.

— К какой стати? Перестань шутить! — сразу понял Юрий.
— Лучше скажи, как ты тут?

— Услышала, что у вас вечер, вот и пришла.

— А что же меня сразу не нашла?

— Не успела, как и ты не успеваешь писать мне письма. А потом, ты мог быть с подругой или женой на вечере, кем бы я тогда представилась?

Теперь Наталья уже совсем успокоилась и говорила уверенно, чуть с насмешкой. Юрий тоже пришёл в себя:

— Да, письма — это целая проблема, эпистолярный жанр, требующий фактов, их осмысления, времени, в конце концов. Одним словом, муки творчества!

— О, мы уже стали выражаться высоким стилем!

— А ты что, привыкла в деревне к низкому стилю, так сказать, к просторечию?

— Кто где живёт и учится, — подыграла ему Наталья, обра-

тив внимание, как сперва подобрело его лицо, а потом стало самодовольным.

— Да уж, да уж! Не в навозе копаемся!

— И философию, наверное, изучаете? — опять прикинулась Наталья.

— Бывает, — Юрий, чувствуя подвох, начал бояться продолжения спора, так как слабо владел внутренними закономерностями рассуждений, и вообще, он не любил логические увёртки, умозаключения. Ему хотелось жить просто, поглощать орехи, не раскалывая их твёрдой скорлупы, не тратя усилий на то, что ставило его в тупик. И, к счастью, шлагбаумы на его пути были редкими. Он видел, что Наталья, его бывшая... милая Наташка, увы, уже не та воспаленная девчонка, а строгая, уверенная в себе девушка. Она не давала ему спуску:

— Так почему же ты перестал писать письма, надоело или я надоела?

— Ну, что ты заладила одно и то же, говорю тебе, времени нет.

— Ну-ну! — повторила она его нуканье, и это было несогласие, а скорее насмешка. Сменила тему: "Как нога? Не болит?"

— Спасибо, нормально.

— Тогда, может быть, потанцуем?

Юрий критически посмотрел на её платье с оборками, не крашенные губы — не то, что у вузовских девчат — и чуть было не хмыкнул.

— Ну, пойдём, — с неохотой взял её под руку.

— "Ну" — это обязательное слово? — Наталья взглянула в его глаза.

— Паразит, слово-паразит.

— В университете и этому учат?

— А ты, оказывается, язва!

— Деревня, что поделаешь, Юра.

Играли танго. Наталья с первым же движением предложила свой темп и широкий шаг. Юрий не подстроился, начал сбиваться с ритма.

— У нас так не танцуют, — оправдывался он.

— А я не хочу дергаться и кривляться. Танго — не повод для обезьяньего цирка или сна. Этот танец должен выражать искусст-

во, красоту чело еческих движений, грацию и соответственно, экспрессию.

— Эге! Мы тоже могём высоким стилем! Где же так учат, в деревне?

— В деревне, в деревне, Юра. Вот поедешь туда и тоже научишься грациозным па.

— Чему-чему научусь? Навоз разгрести я там научусь!

— В жизни и это надо. Здесь, в городе, навоза тоже хватает, успевай только разгрести, — парировала Наталья.

— Ну, вот, опять ты в бутылку лезешь!

— Не в бутылку, а из бутылки... джина выпускаю, различать надо бы уже уметь.

— Ты когда уезжаешь? — сменил Юрий тему.

— Дорогие гости, не надоели ли вам хозяева? Так что ли?

— С тобой определённо стало трудно разговаривать, понижаю, — не выдержал Рыжов, — сельская этика.

— О! Даже такая бывает?

— Как видишь.

До чего бы дошла их перебранка, если бы Наталью не пригласил на танец её сокурсник. На этот раз по залу разливался вальс. Партнёр оказался на редкость мобильным, и Наталья отдалась танцу. В вальсе, как в медитации, она могла расслабиться, отдохнуть душой. Этот танец был для неё маленьким счастьем. Счастье, считала она, поистине то, в чём твоя душа.

Юрий без зависти и ревности смотрел, как вальсирует Наталья с другим, и даже удивлялся: "Во, деревня, рассекает!" А когда вечер закончился, он предложил проводить Наталью. Та отказалась, смеясь:

— Мне в дру...гую сто...рону, — протянула нараспев.

Юрий чертыхнулся:

— Ну-ну! — словно бы других слов не знал.

— Будь, Юра, здоров, повышай свой интеллектуальный уровень, успехов! — Наталья, подняв руку, пошевелила ему пальцами, мол, прощай.

Быстрым шагом она спустилась на первый этаж в раздевалку. И Юрий, бесполезно поискав глазами кого-то, пошёл одеваться. Там он увидел Симу, она кивнула: "Подойди!". Очередь стояла в три ряда. Юрий пробрался к своей подруге.

— Вот мой номерок, там пальто и сапоги, — взяла его в оборот Сима.

"Теперь придётся её провожать домой", — недовольно подумал Рыжов. Настроение у него было паршивое — тут не до провожаний с любезностями. Выбравшись из толпы с двумя пальто, он помог одеться подружке и уже рассчитывал ретироваться, как вдруг Сима задала сакраментальный, по женской натуре, вопрос:

— Юр, что за девушка с тобой стояла? Красивая, между прочим.

— Если бы я сам знал, что за девушка, загадка какая-то... Одним словом. Вчера она была такая, а нынче другая.

— Уточнять не будем! Благодарю за расширенную информацию.

— Что это сегодня мне все язвят, чем я провинился?

— Сегодня ты красив, как ангел, вот окружающие и не найдут к тебе подхода.

— Мерси за комплимент. Видать, мы с тобой поменялись очарованием!

— Хорошо, давай без театральности. Надеюсь, проводить-то меня соблаговолишь.

— С превеликим! — кривил душой Юрий.

— Фи! Достаточно и со средним, — сказав с намёком, лукаво улыбнулась Сима, довольная своей маленькой победой над давно уже побеждённым другом.

До Нового года Юрий больше не встречался с Натальей. Как-то в декабре он просматривал в библиотеке подшивку областной газеты и наткнулся на заметку об университете за авторской подписью нештатного корреспондента Н. Мухиной. "Наталья? — мелькнула мысль, — Откуда ей! Из колхоза об университетских делах знать... А верно подмечено: журналисту машинопись и фоторепортаж нужны позарез. Эх, как это я не думался до этой темы? Прямо из-под носа выхватывают живые темы, и кто? Какая-нибудь старушенция-пенсионерка, журналистка с чапаевских времён. Успех другого в журналистике невольное вызывал зависть у Рыжова.

Она с каждым годом точила его всё больше. "Вот уже третий год учусь, а пока ещё ничего не выдал на-гора, кроме заметок да

информаций, был репортаж, но скомканный, не выдержанный до конца по форме, а главное — скучный".

Мелкие неудачи и неудачки улетучивались из сознания Рыжова, как редкий утренний туман, и тогда ему снова светило солнце его меркантильных побед. В канун Нового года это были многочисленные приглашения в различные компании. Он шепетильно копался в выборе. Наконец согласился, подобрав тёплую "компашку": девочки незнакомые, экстракласс, как обещал дружок из мединститута, а он знал в этом толк. У него три комнаты — есть где разгуляться. Старики, к тому же, уехали в гости к родне.

Юрий уже видел себя, как блеснёт среди эскулаповой братвы своей начитанностью, заткнёт их за пояс по философии, подбросит таких анекдотиков, от которых девки будут визжать от восторга, и тогда бери любую голым руками, тем более, что они будут под кайфом.

Радужные мечты омрачились неожиданно — на горизонте появилась опять Наталья.

— О! Ты опять здесь? Давно приехала? — Вместо "Здравствуй" затараторил он, растерявшись.

— Давно, Юра, здравствуй, что ли!

— Здравствуй, Наташа! Я уже думал, что не увижу тебя больше после того вечера. Мы так расстались...

— А что, и правда "думал"?

— Да вот, Новый год на носу, приглашают в гости друзья, а пойти не с кем. Составишь компанию?

Юрия заносило. Не чувствуя удил, он как застоявшийся конь, рвался, и сам не зная, куда, лишь бы не терять куража, мол, мы не лыком шиты, не то, что вы там деревенские.

Наталья быстро прикинула: "Лишний повод познать человека, городских, их нравы", — и согласилась, смеясь:

— С тобой хоть на край света!

Договорились о времени и месте встречи. Едва отвернувшись, Рыжов уже клял себя за длинный язык: "Высочка! Ну и что, приведу эту куклу — кто она, что она, как представить?"

— Да, кстати, — пожимая на прощанье руку, спросил он, — ты что, в город приехала работать? Наверное, на камвольной фабрике устроилась? Там много... — чуть не сказал "таких" —

девчат, особенно деревенских.

— Да, устроилась, — поддакнула Наталья.

Она улавливала все нюансы его речи и тонко чувствовала его настроение. "Ничего, пусть помучается!", — решила она.

Компания, действительно, собралась "тёплая". Раскрашенные девицы, декольтированные чуть не до пупка. Их одеянье подходило больше для пляжа. Но парней, видимо, это нисколько не смущало. Наоборот, они глазели на девиц смачно и откровенно. Наталья сразу почувствовала себя неуютно. Все, судя по богатым нарядам, кольцам, браслетам, кулонам, серьгам, были из зажиточных семей. А по вольным манерам можно было предположить, что такие вечеринки для них не впервые, и они чувствуют себя здесь, как рыбки в воде.

Наталья же в скромном платье без какой-либо бижутерии, не говоря уже о драгметаллах или камнях, заметно проигрывала перед городскими. Но, несмотря на временную незначительную неловкость, это её не шокировало. Она быстро успокоилась, вспомнив, что пришла сюда с познавательной целью, как бы на практику по психологии.

Знакомясь с ней, девицы смерили её с головы до пят, вяло подавали кончики пальцев для пожатия и тут же, отвернувшись, щebetали о своём — обсуждалась, явно для форса, прошлая гулянка у кого-то на дому. При этом они пользовались в разговоре своим сленгом, среди которого иногда проскальзывали и не очень гладкие словечки, явно не из "Толкового словаря русского языка" под редакцией Д.Н. Ушакова.

Натальи ни для кого не было. Для Юрия тоже. Её он представил ребятам: "Из камвольной". Что ж, коротко и ясно. "Из камвольной, так из камвольной", — улыбнулась про себя Наталья.

Юрий старался понравиться всем, но больше крутился вокруг пышной красотки, декольтированной что снизу, что сверху до едва приличного состояния.

Наталью устраивало, что на неё никто не обращал внимания, разве что хозяйский сын не отставал с вопросами: "Чем занята на фабрике? Откуда приехала? Где живёшь?". Здесь не общались на "вы", и Наталье пришлось смирить внутри себя тайфун. Прыщавого "сынка", как его прозвала про себя Наталья, интересовали не

ответы на свои бесконечные вопросы, а груди и колени собеседницы, которые он поглощал взглядами. В отличие от Рыжова, этому было всё равно, откуда приехала и где работает его "овечка", которую он после приличного возлияния решил "зашашлычить".

Наталья никогда не пила вино фужерами. Лишь на день своего совершеннолетия пригубила рюмку. И здесь чуточку отпила из бокала тёмного вина. На все уговоры "сынка" выпить по поводу; которых у него было, как блох у шелудивого деревенского пса, она отказывалась, чтобы сохранить здравый ум. Когда компания порядком раздобрела, начались танцы при елочных свечах. Юрий за столом тайно пощипывал красотку. Та, выворачиваясь из без того урезанного платья, довольно хихикала. Наталья, не дожидаясь боя курантов, удалилась в университет, где в зале воюки ёлки искрилось настоящее веселье.

После новогоднего вечера Юрий больше и не думал о Наталье. Она просто перестала его интересовать, как бесперспективная, то же, что и бывшие подружки Вика, Элеонора... Теперь он встречался с новой знакомой и был не меньше в неё влюблён, чем полгода назад в Наталью. "Камвольщица-чесалка! — хмыкнул он, — С таким же успехом она могла оставаться в колхозе дояркой — рождённый ползать, летать не умеет". Но вот дружок-сокурсник подсунил ему как-то областную газету со статьёй: "Все всё знают".

— Читал? Про наш курятник. Вот это фурор! После такого разгрома полетят верх тормашками отдельные товарищи из университета и облоно. Смело! Настоящий журналистский подход. Нам до них далеко. Что интересно, я узнавал, среди тройки авторов та, что нештатная, Мухина Наталья, учится на первом курсе в нашем университете. Говорят, с неё всё и началось. Была где-то в октябре-ноябре заметка в областной газете о необходимости введения в программу обучения журналистов таких дисциплин как фоторепортаж, машинопись. Вот даёт девка, не чета нам!

Всё. Рыжов был убит. Он шкурой на спине почувствовал своё падение. "Безмозглый! — на чём свет ругал он себя. — Так тебе и надо! Не мог догадаться, что Н. Мухина и есть Наташка. — Вспомнилось наставление преподавателя по теории и практике партийной советской печати: "Факты без проверки — уже не

факты". — Ох, и деревня! Утёрла всем студентам факультета нос. А я-то, я... Хорош гусь, спрашивается, на кого её разменивал, боже мой!". Он готов был разрыдаться и так ослаб, что дружок забеспокоился:

— Что с тобой, Юрка? Живот, да? Тошнит?

— Тошнит, Федя, ой, как тошнит! Подлец я, понимаешь, подлец. Погнался за девками, а такого человека потерял!

— Да о ком это ты, уж не о Мухиной ли?

— О ней, Федя, о ней, о ком же ещё. Тут мне встречалась на днях статья второго секретаря обкома партии, где он говорил на заседании о журналистских кадрах, рекомендовал обращать побольше внимания на молодёжь, как это делает областная газета. Опять же я пропустил мимо ушей, что это говорилось о Наталье. Вот осёл, так осёл! Понимаешь, это та скромная девица, которую я привёл под Новый год на хазу.

— Красивая такая? Да-да, вспоминаю. К ней клеился тогда Хорь, вот она и не попала в поле зрения других. Мне кажется, она нас всех изучала, а не ловила, как остальные, кайф. И потом, что-то она быстро и незаметно слиняла.

— Слиняла, потому что мы ей противны. Что нам надо было в тот вечер? Федя хмыкнул — Вот то-то! А она девушка принципиальная, честная.

— Так начни сначала, если ты с ней не один день знаком, поухаживай, поллобезничай, что ты первый день замужем что ли? — Федя громко захихикал. — Ты у нас красавец, девки так и липнут к тебе.

— Этот вариант не пройдёт. Наташка — птичка, по всему, высокого полёта, и к ней нужен особый подход. Мы ещё о ней многое услышим, если она уже с первого курса начала выдавать перлы. Деревенские — они хваткие, а если и с умом, то... Одним словом, надо ею заинтересоваться вплотную.

Заинтересовался и выяснил — до конца семестра Наталья публиковалась не раз как в городской, так и в областной газетах. Она на каждом шагу находила живые темы. И по жанрам не стесняла себя. Особенно хорошо была зарисовка о хлебе. Наталья подала её с каким-то крестьянским пристрастием, ярко показав труд на полях в борьбе за урожай и проследив дальнейший путь хлеба вплоть до булочной. Метко заметила, как некоторые люди

беспечно бросают белые булки голубям, воробьям. Юрий понимал, чтобы выдать такой материал, надо было заинтересоваться и работой пекарни, и продавцов хлебных магазинов, булочных. Чувствовалось, она понимала людей физического труда, и поэтому в зарисовке они представились Юрию в другом свете. Он, как ни странно, стал по-новому смотреть на продавцов хлеба, на пекарей, комбайнёров.

А в мае на первой полосе в областной газете вышла её статья о Совнархозе, о его помощи сельчанам. В ней поражала сама по себе серьёзность выкладок, которые были под силу или опытному журналисту, или человеку, хорошо знающему проблемы сельского труда и взаимоотношения двух сфер Совнархоза и колхозно-совхозного хозяйства. Как могла Наталья осветить подобный материал, для Юрия оставалось загадкой.

11.

Закончив первый курс, Наталья с лёгким сердцем уезжала домой. Год прошёл плодотворно, и она была довольна. Вот только танцами не пришлось заниматься, но Наталья лелеяла надежду летом брать уроки у Лены, а может быть, и у Николая. "Как он будет относиться ко мне, всё также ревниво?", — вспоминала Наталья под стук колёс. От тягостных раздумий о Юрии она уже освободилась. Сейчас она представляла его, как он метался в последнее время, упорно добиваясь её расположения. Теперь Наталья смотрела на прежние взаимоотношения с Юрием как бы со стороны.

Перед сном она покопалась в сумке и, достав письмо от Шкрябина, вновь его прочитала. Он писал, что экзамены сдаёт на отлично, ходит в хореографическую школу, не прерывая занятий. Были здесь и такие строчки, которые грели сердце девушки. "Скорее бы лето, да встретиться с тобой, уединиться, поговорить о жизни, о нас с тобой. Интересно, как я буду чувствовать себя наедине с ним? А как он? — и тут Наталья вспомнила, — О, боже, как сильно он обнял меня тогда дома! Сердце захолонуло от счастья." Мерный стук колёс о стыки рельс гипнотически убаюкивал, сознание мягко обволакивалось, проваливаясь в никуда.

В райцентр поезд прибыл утром. Наталья узнала, что теперь

до их деревни ходят автобусы, правда, всего два рейса за день. Утренний уходил в шесть часов. На этот она опоздала, второй рейс только в двенадцать часов. Наталья решила проведать Илью Парамоновича. В редакции она не была с осени, когда приезжала за направлениями в университет, и хотелось узнать, что публиковали об их совхозе.

Илья Парамонович встретил её радостно, напоил чаем, расспросил об учёбе, похвалил за серьёзные статьи в областной газете. Только вот о материале по Совнархозу отозвался не то, чтобы нелестно, а как-то неодобрительно:

— Понимаешь, Наташа, по форме это отчёт, а по существу — отписка. Братся за дохлые материалы не подстать молодому журналисту. Рядом сотни живых тем, только пиши, не ленись. Пусть они сами, совнархозники, подписываются под такими материалами.

— Мне его организовал второй секретарь обкома партии по идеологической работе, — то ли оправдывалась, то ли похвалилась Наталья.

— А вот этого тоже делать нельзя. Это не их материал, тем более перепоручать журналисту. Если обком сделал проверку, то проверяющий, если считает нужным, и подаёт материал за своей подписью. А ты говоришь, что статью тебе подкинул второй секретарь? Блат заимела? Не обижайся, скажу прямо: это он дал тебе материал для поднятия твоего престижа, да и гонорар что-то значит.

— После статьи "Все про всё знают" он беседовал со мной, направляет учиться в партшколу.

— Ты что, член партии? — удивился Илья Парамонович.

— Кандидат.

— Скорая, скорая! Поздравляю! Что ж, если он кандидата направляет в партшколу — это большое доверие. Через два года выйдешь инструктором райкома партии.

Наталье стало неудобно, и она сменила тему разговора:

— А что о нашем совхозе печатали, Илья Парамонович?

— Да так, мелочь. Дорогу гравием замостили, автобус стал до вашей деревни ходить. Писали, теребили, добивались. И конечно, о делах совхоза не забывали.

— Спасибо всё-таки редакции, вам лично, что добились

транспорта. А то, если не попутка, и добраться до дома нечем.

— Тебе в двенадцать уезжать. Надо пораньше подойти на посадку, народа будет много, ваших и из соседней деревни. Со-скупилась по родным местам?

— Ещё бы! Даже во сне снятся.

Илья Парамонович проводил Наталью до автобуса, тепло попрощался.

— Отдых-то проводи с пользой дела. Может и для нас что-нибудь черкнёшь.

— Постараюсь, Илья Парамонович, я к вам ещё приеду, — пообещала Мухина.

Подходя к дому, у Натальи гулко забилося сердце. Вот он — родной, знакомый до самого последнего уголочка! И в то же время он показался ей каким-то новым, словно бы она не видела его лет десять: просторный двор, разросшиеся яблоня и груша, привезённые и посаженные саженцами дедом ещё после войны, летний курятник, сарай для дров и угля, ещё сараи. В одном была Цыганка, черная корова. Вот и крыльцо — "сплотничал отец", как говорила мама. Оно высокое, слегка поскрипывающее. "Это оно меня приветствует", — улыбнулась Наталья.

Дарья, увидев племянницу, всплеснула руками, ойкнула, тут же у неё полились слёзы, бросилась обнимать.

— Доченька наша приехала, радость-то какая! Дед, а дед, вставай, смотри, кто к нам приехал! Что же ты и телеграмму не дала? Мы бы встретили, подготовились... — лепетала на радостях Дарья, не зная куда посадить и чем угостить племянницу.

Дед Ефим сполз с печи, обнял внучку, трижды поцеловал по русскому обычаю.

— Деда, колючий ты какой-то, зарос, — пожурила Наталья.

— Эг я сейчас, мигом побегусь, внучка, — засуетился Ефим.

В честь такого праздника на столе появилась бутылка вина. Дружно поздравили Наталью с успешным окончанием первого курса, словно она закончила университет. Да и то — поступить в такое учебное заведение крестьянской девушке ... Что и говорить, гордости у всех было не занимать.

Наташа промолчала, что её приняли в кандидаты партии, не зная, какую реакцию произведёт её сообщение на родственников.

В их роду партийных ещё не было ни по линии отца, ни матери. У Дарьи вообще вся родня молокане, не признающие ничего, кроме своей общины. Зато она подробно рассказывала о студенческой жизни, о своих новых знакомых журналистах из областной газеты и о многом другом — ведь теперь её жизнь не ограничивалась узкими рамками, как прежде. Дарья и Ефим слушали свою Наташку, открыв рот. Тётя всё охала в восторге от неожиданных поворотов речи племянницы, а дед покряхтывал, теребя гладко выбритую бороду. Им обоим страшно было подумать, в какие верхи поднялась их Наталка. Они всё заглядывали ей в рот, ожидая новых и новых рассказов, а та беспрестанно поглядывала на окно, словно ожидая увидеть там кого-то. Дарья, перехватив её взгляд не раз и не два, догадалась:

— Да, не волнуйся, он ещё не приехал. Прислал родителям телеграмму, чтобы ожидали завтра.

— Ой, тётя Даша, я и не волнуюсь, просто смотрю, не пойдёт ли дождь, — засмушалась раскрытая Наталья.

Дед крикнул, а Дарья улыбнулась.

— Вот и умничка, что не волнуешься, не то, что мы, старые, чуть что — трясёмся.

Все дружно рассмеялись, понимая друг друга.

— Автобус-то теперь исправно ходит к двум часам, — успокоила Дарья. А ты приляг, отдохни с дороги, устала чай поди.

На другой день к половине второго Наталья уже была у почты, куда приходил рейсовый автобус. Здесь крутилось несколько встречающих. Из почты вышла Лена, увидев Наталью, бросилась к ней, обняла:

— Наталка, здравствуй! Когда приехала? А я вот брата Колюшку встречаю. А ты уезжаешь что ли? — засыпала Лена вопросами свою ученицу по танцам.

— Приехала я вчера, а сейчас на почту пришла за конвертом.

— Пойдём купим, а потом вместе встретим брата?

Наталье ничего не оставалось, как пойти с Леной за конвертом. Автобуса ещё не было. Наталья повернулась к Лене:

— Послушай, Лен, а удобно ли мне встречать его?

— Подумаешь, предрассудки какие-то. Он так будет тебе рад, я-то знаю. Почти в каждом письме о тебе писал, всё о тебе знаем. Ты у нас знаменитость — в деревне говорят. В школе даже

в стенгазете о тебе писали и вырезки из газет помещали.

Подошёл автобус, обдав всех пылью. Шкрябин помахал из окна рукой, увидев сестру. Обратил внимание на высокую девушку рядом с Ленкой и обомлел от восторга — Наталка! Едва он сошёл со ступенек, как сестра бросилась ему на шею. А тот, повзрослевший, раздавшийся в плечах, спрятал её в своих объятиях, расцеловал.

— Теперь дай поздороваться с Наташей.

Взяв тонкую ладошку Натальи в свои лапища, Николай игриво произнёс:

— Мадам, я рад приветствовать вас на земле нами обетованной! — И галантно поцеловал руку.

— Колька, балагур! Узнаю тебя прежнего, А повзрослел-то как! — смеялась и радовалась Наталья.

— Раз уж мы встретились на нейтральной полосе, то давайте поступим так: сперва — к нам, отдадим дань родителям, а потом пойдём к вам, Ната, проведем ваших предков, устраивает?

— Устраивает, устраивает! — зашебетала Лена и, взяв обоих под руки, потянула домой.

Родители уже ожидали сына. Мать всего понаготовила — жить-то стали в полном достатке, не то, что в военные и сразу послевоенные годы, когда едва сводили концы с концами. Наталья неудобно было заходить, так Николай чуть не за руку затащил её.

— Мой дом — твой дом! Договорились? — смеялся он.

— Договорились! — подхватила шутку Наталья, хотя мелькнула мысль: "Я рада бы, Коль!".

Мать с отцом расцеловали по очереди сына, потом и Наташу.

— Вот как хорошо, оба приехали на радость нам! — заговорила Ксения Васильевна, — Проходите, садитесь за стол, всё готово. Коля, освежись с дороги, Лена сольёт тебе на руки.

— Я, мам, колодезной водой на улице пофыркаю, соскучился по ней.

Наталья залюбовалась через окно высокой и статной фигурой — сразу видно: Колюша подкачивался, хотя и по природе крепкого телосложения. За столом поговорили о том, о сём. Мать всё подкладывала детям лакомые кусочки мяса. Отец доливал в

бокалы вина, несмотря на то что, они пили с достоинством — по глоточку-два. Он всё порывался что-то сказать, да не мог прорваться сквозь словесную очередь супруги. Наконец, не выдержав, осёк её:

— Дай слово сказать. Как закончил учёбу, сынок? Документы привёз какие-нибудь, показал бы.

— А какие у нас, папаня, документы! Зачётка вот, там и оценки. До основного документа — диплома — ещё как до неба.

Кузьма Ефимович полистал красную книжицу и объявил:

— Все — "отлично". Молодец, сынок, старался! Спасибо тебе за это — и тут же повернулся к Наталье, — А ты, невестушка, как? Не подкачала?

Наталья зарделась, как маковка, но ответила с достоинством:

— Нормально, Кузьма Ефимович, троек нет.

— Вот это хорошо, дочка, так и надо. Чем ещё нас, стариков порадуете как ни учёбой.

Посидели, поговорили. Наталья засобиралась домой.

— Я провожу, — спохватился Николай.

— Мать поддержала: — Сходи, сынок, сходи, проведуй деда Ефима и Дарью. Что-то дед стал сдавать, мотор, говорит, подводит, да и ноги не ходят. Крепко же его подвела ледяная банька.

Шли рядом. Шкрябину хотелось взять Наталью за руку, но стеснялся: как она среагирует, и — вокруг столько глаз. Теперь он замешкался перед входом в дом. Наталья взяла его за руку:

— Мой дом — твой дом! Договорились?

Оба расхохотались шутке. Так их и встретила Дарья, открывая дверь.

— Какой гость к нам! Ох, Наталка, не успел Николашка приехать домой, как она утащила его от родителей!

— Нет, тётя Даша, это я сам напросился к вам поведать вас, — вступился за подружку Николай.

— Спасибо на добром слове, мы с дедом всегда рады видеть тебя. Он у нас всё больше лежит, но сейчас подыдем. Дедуль, а дедуль, хватит там бока отлёживать. К нам гости!

Из-за занавески на лежанке показалась лохматая голова Ефима. С приездом внучки он стал как-то бодрее, и лицо после сбритой недельной щетины выглядело моложавее. Пошебуршав штанами и пряжкой за занавеской, Ефим вышел к ребятам.

— Здравствуй, здравствуй, зятёк! Поджидаем тебя. Хорош стал, ничего не скажешь.

— Деда! — укоризненно взмолилась Наталья.

— А что "деда", я правду говорю, ждала его ведь, к автобусу пташкой полетела. Да и то, нам Николка не чужой, мы его сызмальства любим, и он привечает. Вот и пусть сватает тебя. Сам он надёжный, видный, к тому же, хозяйственный, инженером скоро станет. И ты университетская — вот и пара. Нам в дом хозяина надо. Мне-то уж долго не протянуть, и сейчас я Дарье не помощник.

Дарья согласно кивала головой, молчала. Молодые тоже не знали, что сказать. Наконец хозяйка спохватилась:

— Да что ж эт я так встречаю гостей, давайте к столу!

— Тётя Даша, мы уже покушали у нас. Спасибо, — отходил Николай от шока.

— Нет, без чая не отпущу, что же я буду за тёща, хоть и не родная, если не угошу зятя?! — по всему, Дарья решила поддержать деда, сама же почти год назад прочила Николку в мужья племяннице. Упускать теперь такого случая она явно не хотела — уж так хотелось их соединить!

К чаю, как нечто обязательное в обряде русского гостеприимства, Появилась бутылочка вина.

— Вчера вино, у Шкрябиных вино, теперь опять у нас вино, так мы, пожалуй, и привыкнем к нему, — пришла в себя и Наталья.

— А твой муж станет алкоголиком, — весело поддержал шутку Николай.

— А мужа я выберу трезвенника, — Наталья не удержалась и показала ему кончик языка.

У Николая едва хватило сил сдержать себя, чтобы не обнять озорницу.

Дружно сели за стол. Выпили за здоровье родителей, родственников. Дарья расчувствовалась, видя, как молодые мило перелгдывались, источая взглядами любовь:

— У меня теперь только вы и родня, потеряла я своих родителей — вот так бывает на свете. Столько горя перетерпела я с ними, и не пересказать. Остаток жизни хочется провести в радости, и нет большего счастья для меня: видеть вас вместе счастли-

выми, дорогие мои дети.

Наталья обняла тётю Дашу, и у обоих повлажнели глаза. Дед Ефим по обыкновению, в сложных сердечных ситуациях, крикнул, потянулся снова к ополовиненной бутылке.

— Давай-ка мы с тобой, сынок, выпьем за женщин, надеюсь, самый раз — они-то вона как расчувствовались! — И дед обнял за плечи Николая, притянув его к себе, — Нам надо поговорить по-мужски. Ты как, не против?

Николай был рад разрядке и с готовностью ответил:

— Надо, значит, надо! Это обязывает нас.

— Прости меня, старика, может что и не так скажу, да как-то не научился за всю жизнь подбирать слова, а говорю, что на душе лежит. Мы же тебя признаём как родного, вот и хочу поделиться с тобой своими заботами.

— Я понимаю, дядя Ефим, если что надо, всегда рад помочь.

— Вот-вот, о помощи и сказ мой. Понимаешь, крышу нам бы подделать. Как ты на это смотришь?

— Положительно и с охотой. Завтра и возьмусь за починку, не откладывая в долгий ящик.

— Отдохнул бы сперва, да и родители что скажут, неловко получится.

— Предки у меня что надо, всё поймут.

— Тогда договорились. Вот это мужской разговор! А сейчас идите-ка погуляйте с Наташкой, хватит им кваситься. Пусть проветрятся. Да и вам после долгой разлуки есть о чем поговорить без нас.

Благодарные Наталья с Николаем не преминули воспользоваться предложением деда, выскочив на улицу, свободно вздохнули.

— Вот такие вот дела, кума! — пошутил Николай.

— Да, кум, здесь нужен ум! — подхватила Наталья.

— Ум или чувства?

— И то, и другое, — подумав, ответила уже серьёзно Мухина.

Не сговариваясь, они вышли к реке. Высветленная солнечными бликами, она тихо шуршала камышом у берега. Неподалёку брызгались малыши. Тянуло искупаться, но у обоих не было купальных принадлежностей. Наталья села на низкий бережок,

опустив ноги в воду, и та ласково защекотала её кожу.

— Тёплая... и такая приятная! — воскликнула Наталья, — снимай туфли, попробуй, — позвала она Николая.

Он сел рядом, побултыхал обнажёнными ногами в струях воды, а прикоснувшись к её ноге, уже не убирал свою ногу.

Наташа также не отводила ногу в сторону. Так они и сидели безмолвно, затаённо слушая перестуки сердец. Потом Николай взял её руку в свои и нежно погладил.

— Какие у тебя нежные пальцы!

Она промолчала и лишь слегка коснулась его плеча — ток пробежал по его телу. Николай вздрогнул и порывисто обнял её.

— Натуся, милая! — прошептали его губы.

Она не отстранилась, а положила голову на его грудь.

— Ой, какое у тебя огромное сердце, оно так барабанит внутри!

— Это оно рвётся наружу к тебе!

Они опять растеряли слова и так сидели молча ещё долго, слушая и частые ритмы сердца, и тихий плеск воды, и удаляющийся гомон ребятишек, спешащих встретить коров.

Домой возвращались поздно, так и не сказав друг другу самого сокровенного, хотя оно прозвучало в каждой клеточке души у обоих. Они договорились встретиться вечером в клубе — сегодня воскресенье, будет кино и после танцы.

В кино, как по сговору, пришли почти все выпускники бывшего десятого "А" класса. Радостные, восторженные встречи, объятья! — Это не город, чтобы сдерживать эмоции, чтобы не похлопать по плечу или спине в мужских объятьях, или стукнуть кулаком в грудь! Деревня, милая деревня, здесь всё проще, доступнее!

Николая затискали, замяли ребята, а девочки обнимали за шею, чмокали в щёки. Он и сам, попав в родную стихию, дал волю своим чувствам.

А Наталка не отпускала из объятий своих подруг Галю и Веру. К сожалению, рядом не было только Люси. Она нашла себе в городе жениха и осталась там после экзаменов на день его рождения. К Мухиной тоже то и дело подходили ребята, бывшие одноклассники, оставшиеся работать в совхозе или приехавшие на каникулы из техникумов, ПТУ. Всем им бросалась в глаза

более расцветшая красота Наташки и появившаяся строгость в движениях, мимике, жестах. Одним словом, решили они, Наташка — не Колян, её запросто не обнимешь. Таково мнение сложилось и у девчат. Даже они, видя разительную перемену в подруге, с некоторым стеснением обнимали её. Только неугомонная и острая на язык Галина оставалась собой, не признавая никакие авторитеты. Она тут же заметила Наталье:

— А ты почему не здороваешься со Шкрябиным?

— Мы уже виделись, случайно... Автобус пришёл, а я была на почте, — отрешённо, чтобы подруги ничего не подумали лишнего, ответила Наталья.

Места на билетах в деревне не указывают, и Наталья с Николаем, вроде бы опять случайно, сели рядом. Едва погасили свет, и начался журнал, как он взял её руку в свои и не отпускал всё кино. Фильм был про войну. Они его уже видели. И поэтому их мысли блуждали в других сферах, слабо улавливая коллизии, происходящие между героями. Они уже знали, как и во всех фильмах, что "наши" в конце победят, враг будет разбит, влюблённые вновь встретятся.

"Я тоже встретился с Наташей, а что дальше? — Терзался Николай. — Как объясниться с ней? "Люблю" — простое слово, а как его трудно сказать первый раз".

В момент встречи влюблённых в фильме Николай не выдержал и шепнул Наталье:

— Хотел бы я оказаться на его месте!

Она наклонилась к нему и щекоча губами ухо, от чего внутренний ток пронизал его до самого сердца, ответила:

— А ты и на своём хорош!

Ободрённый Николай крепче сжал её руку, притянув к себе так, что Наталья вся подалась к нему своим горячим телом.

— Тихо! — она снова щекотнула губами его ухо.

Конца фильма после этого он уже не видел — перед глазами всё плыло.

После кино все остались на танцы. Шкрябин вышел на улицу к друзьям. Те уже, как взрослые мужики, затягивались папиросами "Север". Предложили Николаю — отказало...

— Самостоятельно не научился, и, к счастью, в институте не преподают табакокурение, хотя и сельскохозяйственный. А вот

как его выращивать — дело другое.

Подошла Лена. До этого её не было видно.

— Коль, танцы начались, пойдём. Первый танец мой.

— Не хочется что-то, да ради сестры...

Повальсировали, не выделяясь из общей массы. Толкучка отбила интерес к танцам, и Николай остановил сестру:

— Тебя устраивают подобные танцы?

— Скажешь тоже! Хоть домой уходи. Пойду к подружкам.

— А я пойду...

— К Наташке, — прервала его Лена, — иди, иди, видишь, глаз с тебя не сводит, и ни с кем не танцует. Тебя ждёт.

— Ты у меня доиграешься!

— Отшлёпаешь по попе, да? А я Наташке пожалуюсь, ведь ты её боишься? Боишься-боишься! В кино даже не обнял.

— Ленка, не перегибай палку! Ты где сидела?

— За вами на два ряда. Вам было не до других. Ворковали.

На ушко. Ну, я пошла, братик. Не скучай!

Николай, не мешкая, направился к Наталье.

— Не ждала? — шутливо спросил он.

Она же ответила серьёзно:

— Заждалась.

И то, как ответила Наталья, и её ищущий взор, и взаимное внутреннее волнение и притяжение — всё это подтолкнуло Николая на решительный шаг:

— Извини, Ната, я не хочу танцевать. Хочу побыть с тобой на улице.

У неё взметнулись брови.

— Пойдём.

Солнце давно село, но по земле разливался мягкий серый свет, окутывая дома, деревья, улицы. В окнах отблескивали керо-синовые лампы. На одной из улиц — там, где контора, почта, школа — горело электричество. Недалеко от клуба росли раскидистые тополя, посаженные колхозом после войны. К ним и по-дошли Николай с Натальей.

— Побудем здесь, Ната? Тополя приятно так пахнут.

Наташа качнула головой в знак согласия. Он притянул её к себе, крепко обнял.

— Колька, какой ты сильный, раздавишь! — взмолилась На-

талья.

— Натуська, я так соскучился по тебе!

— И я ... — прошептала она.

— Любимая, ты даже представить не можешь, как это томительно ждать целый год встречи.

— Увы, сама... хотя год учебный.

— Да, Натусь?! Я люблю тебя, Наточка?

— Со школы?

— И в школе любил.

— Поэтому за косы дёргал, а потом почему-то перестал дергать.

— Стал стесняться.

— И до сих пор?

— Сейчас боюсь.

— Чего?

— Дашь от ворот поворот.

— Чудак! Я тебя тоже люблю! Вот такого, медведя, и люблю.

Николай притянул её голову к себе и сперва нежно, а потом всё страстнее начал целовать её губы, щёки, глаза.

— Колька, сумасшедший! — обмирала Наталья от счастья.

Они расстались поздно. А встретились рано. Николаю вообще показалось, что он только успел приложить голову к подушке, как какая-то внутренняя сила подняла его с постели: надо было идти к Мухиным ремонтировать крышу. Старики не любят, когда молодые спят подолгу. Как бы Николай не торопился, а дед Ефим поджидал его на высоком крыльце.

— Не выспался? Допоздна гуляешь, — встретил по-отечески ворчливо дед вместо приветствия.

— Это только сегодня, считай первый день.

— Наташка твоя ещё спит, не станем будить. Дарья поможет тебе, а с меня тебе не помощник.

Вышла Дарья, ласково поздоровалась со Шкрябиным. Предложила чаю, Николай отказался: дома пил. Он заспешил на крышу. Надо было успеть что-то сделать по прохладе, а к обеду будет такое пекло, что не усидишь на крыше. Прогнившие участки довоенной постройки разбирались быстро и легко. Топор горел в руках искусного плотника — ох и соскучился Николай по любви.

тому делу! Дарья только успевала сбрасывать хламьё с крыши. А когда появилась умытая в сарафане Наталья, они втроем начали крыть новую обрешетку. Дарья подавала снизу доски, Наталья принимала, а Николай тут же их прибывал. Дело шло споро. Шкрябину же хотелось немного затянуть процесс, хотя бы на денёчка два, чтобы подольше побыть с любимой. Но где там — дед поторапливал, не давал прохоложиваться, да и лодырничать перед ним и Дарьей не станешь — что тогда скажут о нем.

В самый разгар жары они прекратили работу, сходили на речку искупаться. Дарья плавала на зависть всем легко, не тонула, лежала на спине или животе. Ни у Натальи, ни у Николая, как они не старались, ничего не получалось — ноги тянули вниз. Зато Николай плавал ногами вперёд. Наталье нечем было похвастаться, и она весело обдавала их водой — "Вот вам за это, вот вам!", — приговаривала она, смеясь. Шкрябин подныривал и хватал её за ногу, от чего визгу было на речке, что даже коровы, пришедшие на водопой, уставились своими большими глазами на веселящихся человечков.

Охладившись, они вернулись в дом. Пообедали. Попили кваску. Николай к себе домой не пошёл: всё равно там никого не было. Родители работали в совхозе. Лена тоже на лето устроилась на ферму — не сидеть же дома, да и можно подработать на обнову — вот и помошь отцу с матерью. И Николай обещал через пару дней придти в совхоз поработать.

Жара спадала медленно, но работать уже можно было. Они трое опять дружно приступили к работе. К вечеру крыша была отремонтирована. По этому случаю Ефим зарубил курицу, и ужин удался на славу. Несмотря на усталость, Николай ещё посидел с Натальей на задворках, а как начало смеркаться, расстались. Не мешкая, на завтра он собирался уже в совхоз. Плотнику там дел невпроворот. Наталка тоже без дела не думала сидеть. "Буду собирать материал по совхозу, есть задумка", — поделилась она с Николаем.

12.

Теперь их встречи продолжались только по вечерам. Они уходили к реке. Отдыхая после знойных трудовых дней, подолгу

сидели обнявшись на одном и том же месте. Смотрели на плавное течение, и мысли их становились такими же плавными, не резкими. Им не о чем было спорить, а в обсуждениях, чаще по материалам для газеты, собранным Натальей, всегда находился общий язык. К согласию они легко приходили потому, что выросли в одинаковых условиях, оба хорошо знали колхозно-совхозную жизнь, одинаковый уровень образования имел также немалое значение. Это были два счастливых голубка, умеющих понять друг друга и пойти навстречу желанию другого.

Теперь об их встречах знали все. Даже досужие мальчишки, отыграв своё: "Тили-тили теста, жених и невеста!", оставили их в покое. Подружки и друзья уже не удивлялись, видя неразлучную пару, и ни о чем не спрашивали, как по началу: "Когда свадьба?" — В этот вопрос, конечно вкладывался больше не серьёзный смысл. В кино они приходили вместе и не отходили друг от друга, как раньше. Мать Николая ненароком при встрече с Дарьей улыбалась ей как родственнице, и разговор их о детях был приятен для обеих. Мухиным оставалось ждать сватов.

Вечером как-то Наталья объявила своим, что утром поедет в райцентр сдавать статью в редакцию. Хотелось ей также повидаться с Ильёй Парамоновичем, обсудить кое-что. Она доверяла этому седовласому человеку и чувствовала с его стороны такое же доверие, отеческую заботу. Времени для встречи и беседы до обратного рейса у неё хватало. Дарья, видя, что племянница освободилась от "писанины", подседа к ней:

— Что же, у вас с Николаем серьёзно вроде бы всё?

Прямой вопрос не смутил Наталью, и она также прямо ответила на него:

— Серьёзно, тётя, мы любим друг друга.

— А что намерены делать?

Этот вопрос был неожиданным для девушки, и она пожала плечами.

— Не знаю, тётя Даша, пока ничего. Учиться надо и ему, и мне. В разных городах... Не знаю. Мы с ним о будущем не говорили. По крайней мере, он не заговаривает, а мне как?

— Да, торопиться с замужеством не стоит, если хочешь учиться. Когда на руках будет маленький, он не даст заниматься.

— Я тоже так думаю. Надо укрепиться в университете. Есть

и другие задумки. Мы всё обсудим с Николаем. Приеду из райцентра и поговорим.

В редакции всех, как метлой, вымело. Редактор разогнал сотрудников по командировкам. Илью Парамоновича, как старшего в коллективе, жалели и не очень гоняли по командировкам. Он и сегодня принимал посетителей, вычитывал свежие гранки очередного номера. Наталью встретил, как обычно, радостно, усадил на скрипучий диван, угостил чаем. И пока Наталья пила, обжигаясь крепким напитком, заваренным на травах, он заканчивал вычитку полосы.

Позвонили из типографии — торопили с номером.

— Время ещё есть. Давайте завершаем только что прибывший материал. Я к вам приду и там вычитаю и гранки, и полосу. — Парамонович помолчал, слушая звонившего, и добавил: Стоящий, к субботнему выпуску — что надо!

Он тут же снял дежурные ТАССовские информации и какую-то залежалую заметку. Посчитал строки, абзац сократил — всё вписалось. Повернулся к Наталье.

— Материалец-то хорош! Перепиши-ка его в областную, черновик остался?

— Есть.

— Вот и ладушки. Молодцом, что не успокаиваешься на информашках, хотя без них газеты нет. А журналисту они помогают оттачивать язык: краткость, экспрессивность, ЛИД.

— Что такое "ЛИД"?

— Начало, лидирующие строчки, в которых должно быть заключена основная мысль, остальное — раскрытие. По нему судят о материале в целом, стоит ли читать дальше. Порой, правда,, это видно и по заголовку. Учти!

— Спасибо, Илья Парамонович. Хотелось ещё посоветоваться насчёт очерка. Есть парень, совхозный стипендиат, как я, учится в сельхозинституте, мой однокашник, бывший, помните, я вам говорила о нём?

— Так-так, что-то припоминаю, напomini-ка фамилию.

— Шкрябин Николай, и в колхозе трудился, и в совхозе плотником. Сейчас на каникулах и снова плотничает.

— Это хорошо, что от плана не отстаешь. Обрисуй-ка лучше, чем там достоин твой герой газетной полосы.

Наталья, торопясь, с жаром начала расписывать земляка, нисколько не преувеличивая его достоинства.

— Мда... Любишь героя, — по вдохновению рассказчицы понял корреспондент.

Наталья зарделась.

— Жених?

— Друг. Пока.

— Хороший, по всему, парень. Держись его. А очерк подпиши псевдонимом. Поняла почему?

— Догадалась.

— Вот и умничка! Твори! Только не теряй головы. Учиться надо. Замуж успеешь выйти. Такую красавицу...

"Как всё-таки приятно беседовать с умным и добродушным человеком! — Наталья ехала в автобусе домой и улыбалась воспоминаниям о только что состоявшейся встрече с Ильёй Парамоновичем. — Что же я теперь скажу Николаю? — Хочу о тебе написать! А если отмахнётся?". Да, задала себе задачу Мухина. Николай не тщеславный, выделяться не любит. "Стоп! Есть мысль. Буду писать о стипендиатах на примере Шкрябина. Не отвертится", — решила Наталья.

Этим же вечером при встрече со своим избранником, она попросилась:

— Коль, можно мне посмотреть, где ты работаешь, что вы там делаете?

Шкрябин даже не подумал, что это чисто журналистский интерес, а только обрадовался возможности побыть вместе лишние часы — тем более, желание исходило от Наталки.

— Работа не секретная, не возбраняется! — шутливо ответил он.

А Наталья пришла и на второй день. И.. На третий. Плотники, увидев её приближение, стали подкалывать Николая:

— Опять твоя идёт. Что-то зачастила. Смотри, Николай, пропишет она тебя в газетке — не зря о тебе интересуется. У нас спрашивала: "Как да что?".

— Понятно. Возьмём на заметку, как говорят журналисты.

С этого момента Шкрябин был сама любезность, но на любой сокровенный вопрос Наталья наталкивалась на шутку — Николай упорно повторял школьника Кольку-балагура. Наталья

приняла игру, а на свиданье вечером не выдержала:

— Шуточки? Игнорируешь!

— Собираешь компромат на будущего мужа? — Он обнял её.

— Вредный. Ты же знаешь, что не так. Ладно, слушай: у меня задание от редакции написать о стипендиатах. Не ехать же мне в другой колхоз!

— Что поделаешь, придется согласиться, пожертвовать собой. Только не в радужных красках всё представляй. Попроще и побольше о людях с кем я работаю. Они этого достойны. Иначе на меня начнут указывать пальцем.

— Соображаю. Благодарю за оценку моих способностей!

— Ух ты, кусачка! Люблю тебя такую!

— Какую?

— Не размазанную по тарелке.

— Ну и сравнил! Один ноль в твою пользу. Очередь за мной.

— Всё как в городе. Без очередей нельзя?

Наталья обернулась — вокруг никого не было.

— Сюда! — указала пальцем на щеку.

Николай нежно поцеловал в указанное место, а потом крепко обнял и страстно поцеловал в губы. Наталья чуть не задохнулась.

— Вот теперь... теперь берегись!

"Боже, какое это счастье любить и быть любимой!", — радовалась Наталья.

Очерк у Мухиной получился хороший. Он и трудов, конечно, стоил немалых. Пришлось проштудировать очерки по подшивкам газет в Красном Уголке совхоза, теорию по учебнику, не раз обратиться к Илье Парамоновичу. И когда прочитала в газете свою первую литературную пробу, то от счастья кружилась в вальсе по комнате, прижав газету к груди.

— Получилось, получилось, тётя Даша! — восклицала она, помахая перед её лицом листком.

Наталья заранее знала, что Николаю очерк тоже понравится, и не ошиблась. А директор совхоза так и сказал:

— Добру послужит очерк. Прочтут школьники и потянутся в совхоз, пусть знают, что мы заботимся о кадрах, даём возможность обучиться, материально обеспечиваем, предоставляем широкий фронт работы. В этом году начнем строить лабораторию.

Где в колхозах или совхозах есть научно-исследовательская лаборатория? То-то, нигде, а у нас будет. И будут свои учёные, которые станут выводить новые сорта и зерновых, и корнеплодных.

Ещё Наталья была довольна собой тем, что лето провела не зря. Скоро сентябрь. Опять придётся уезжать, расставаться — только это огорчало её. В город не тянуло, кроме того, что там был университет и партийная школа. Они-то и решили её дальнейшую судьбу, о которой Мухина и не подозревала. Тем летом Наталья так и не обсудила с Николаем о дальнейших взаимоотношениях, даже при расставании не пообещали, как в первый раз, писать друг другу письма. Это подразумевалось само собой. А теперь после двухлетнего перерыва она возвращалась домой, вернее в райцентр, на постоянную работу по назначению обкома партии, и предполагала, что с Николаем надо будет начинать всё с начала. А может быть он разлюбил её, и лишь в письмах, которые раз в неделю она получала от него, не угасала его любовь.

На прошлые каникулы ей не пришлось приехать домой в деревню и повстречаться с родными, Николаем. По заданию редакции областной газеты она была командирована на целину. объездила несколько районов, писала о жизни целинников, их работе, об урожае, его хранении. Удачными были публикации о партийной работе, коммунистах — ударниках труда, что не прошло мимо внимания обкома партии. Это и сыграло решающую роль в её карьере.

После окончания партшколы Мухину вызвали в обком на собеседование. Разговор состоялся серьёзный и долгий, без скидок на возраст — "У коммуниста нет возраста, а есть опыт", — сказал Первый Секретарь. Ей предложили поехать в свой район инструктором райкома партии с перспективой роста. "Там вы долго не задержитесь. Поактивнее набирайтесь опыта, а далее... Одним словом, вы у нас на учёте", — это заявление Первого было для Мухиной, как гром с ясного неба. Хотя она чувствовала, как её новые друзья из газеты и обкома готовят для неё мост для перехода на новую ступень жизни в их сферах. Предвидя, что девушка начнёт волноваться о своей учёбе в университете, Секретарь обкома опередил её:

— С учёбой мы всё уладим. Приедешь за последний курс у тебя экзамены примут. С дипломом тоже поможем, не волнуйся.

Вот так сразу всё и решилось. И радостно, и страшно было сознать Наталье такое назначение, тем более в свой район поближе к деду и тёте. Сюда же через год вернётся Шкрябин. Николай, её Колька! "Сума сойти — два года не виделись!", — боязно было даже подумать об этом.

За окном проплывали до боли знакомые места. Милые картины детства! Кого они не трогали, кому не бредили душу! Вот к дороге подбежала речка, прошелестела камышом, приветствуя землячку, и вновь удалилась, поблескивая на взгорках некрупных волн. Тальник у её берегов спрятался в зелёном буране. А тополя, одетые в новую листву, призывно склоняли ветви, приглашая под свою сень. Пошли огороды, первые дома, покрытые то ржаной соломой, то камышом. Редкая изба стояла под кровельным железом. А вот школа и контора совхоза крыты черепицей.

Фыркнув последний раз газом, автобус остановился у низкого, не очень старого здания почты. Наталью никто не встречал — сама не хотела беспокоить телеграммой. В райкоме партии уже знали, что к ним приедет назначенка и были рады, что это свой человек. Они же направляли Наталью на учёбу, они же радовались её успехам — настолько полюбили эту общительную и серьёзную девушку, когда она была ещё ученицей. В деревне никто не знал, что к ним едет не просто их землячка, студентка четвёртого курса университета, а серьёзный партийный работник, перед которым кому-то придётся отчитываться, кого-то он будет отчитывать, принимать меры за неисполнительность.

"Справлюсь ли? Может зря согласилась?", — застрашилась Наталья, но тут же, вспомнив отеческую беседу Первого Секретаря, его наставления, поручительство друзей, их готовность по первому зову придти на выручку, она вновь ободрилась и смело шагнула из автобуса. Шагнула в новую жизнь, полную забот и тревог, бесконечных разъездов по району и после этого подготовкой к совещаниям докладов для Секретарей райкома партии.

Ей предстояло пройти ещё многое: и лишения, и радости, удачи и огорчения, взлёты и падения. Главное — она не теряла чувство самообладания, смело смотрела правде в глаза, как учили её мать, дед, тётя, Илья Парамонович. Ей, когда-то ещё не верящей девчонке, а потом закалённому бойцу идеологического фронта, придётся поклониться светлой памяти деда Ефима, —

такой был, пожалуй, единственный человек в их деревне — утверждавшего виновность верховного руководителя нашего государства во многих тяжких людских бедствиях. Развенчают культ личности на XXII съезде партии, и Наталья Петровна Мухина, уже будучи сотрудником Обкома партии понесёт правду в массы как через газету, так и на партийных совещаниях.

Всё это будет. А сейчас она переступила порог родного дома. Долго не видели её старики. И встретили слезами радости. Наталья для них всегда была дорогим человеком. А к старости и тем дороже! Тётя Даша порой радовала племянницу письмом, а теперь, — как обо всём расспросили её, поохали и поахали оба с дедом, — сообщила самую драгоценную новость:

— Неделю назад старики Шкрябины получили от Николая письмо. Матушка приходила рассказывала. Пишет, что скоро приедет домой на каникулы. Экзамены сдаёт хорошо. И просит родителей сходить к нам, к деду и ко мне, вроде как бы посватать тебя. Вот так вот, дочка! Наталья бросилась на шею тёте и расцеловала её:

— Я так счастлива! Нет, я счастливее всех на свете!

— Тогда слушай дальше, раз так: мы обговорили обо всём, что того касается и решили обоих вас подождать, послушать, что вы сами-то скажете. А мы, старики, всегда рады за вас. И обвенчаем, если захотите, и свадьбу сыграем. У меня приданое уже готово, только не говорила тебе заранее, — время не поспело, теперь — вот настало.

— Спасибо, тётя. Вы для меня прямо как мама. Кто бы обо мне так побеспокоился! Может быть я разочарую вас, но о замужестве пока думать не приходится. Я получила назначение, ещё не устроилась, и как оно пойдёт, не знаю. У Николая ещё год учёбы. Думаю, стоит подождать. Как Коля скажет? Завтра он приедет, тогда и поговорим серьёзно обо всём.

На пути к завтрашнему дню стояла ночь. Беспокойная, волнующая ночь, когда в мыслях пересматривалась вся жизнь, и когда все чётче вызванивалась фраза, сказанная Дарьей: "Время пришло". А давно ли, кажется вот за порогом, была беззаботная жизнь. А теперь навалилось всё сразу: и учёба, и работа, и решение о совместной жизни. Десятки вопросов почти до утра не давали уснуть Наталье. Не спала и Дарья. Год за годом перебирала

она в памяти свою жизнь. И видела себя в ситцевом простом платье за самодельным столом, рядом двоюродная сестра с мужем да её любимый Ваня — и вся свадьба. Другая картина — похороны Полины и болезнь племянницы. И опять радостные страницы жизни — поступление в университет Наталки, назначение на ответственную должность. И вновь переживания за её судьбу, отношение к Рыжову Юрию и Шкрябину Николаю. Всю душу отдавала ей, как родной дочери. Так вот в горе и в радости и выпестовала дорогое своё счастье — Наталку.

Май, 1997 г.

С Е Р Ы Й

/Повесть/

1.

Зима налетела неожиданно. За ночь сковала отсыревшую после дождей чернобылую степь, затянула льдом речку. А к утру дымчато-сизая облачность заволокла сопки и вскоре опустилась на редкие мазанки села. Посыпал густой снег, покрывая крыши, дворы. Вьюжило, не переставая, всю неделю. И жизнь на селе замерла. Закрылась школа-семилетка, магазин, отрезанный от района, не поставлялся продуктами. Не пустовала только чайная, где постоянно собирались жаждущие выпить вина.

Среди закадычных друзей в эту неделю не было одного Исхакова Измаила, пастуха. Закрывшись дома от непогоды, он беспробудно пил брагу. Не вставая из-за стола, впадал в тяжёлый сон, а очнувшись, опять черпал из фляги мутную жидкость. И лишь когда она кончилась, засобирався в чайную.

— Куда это ты? — горестно спросила жена. — Опять к друзьям?

Измаил не ответил, только сгустил чёрные брови, почти сросшиеся на переносице, и, одев шубу, хлопнул дверью.

В чайной от самосада стоял дым коромыслом, и окна запотели от винных паров. Буфетчица оживлённо сновала между столами, за которыми сидело с десятков мужиков. Они почти разом прервали свой оживлённый разговор и приветствовали нового посетителя. Исхакова здесь уважали. Он не был скупым и часто угощал друзей вином. К нему тянулись люди за доброту характера, отзывчивость. Несмотря на суровый вид, его знали как человека миролюбивого. С годами его скуластое лицо всё реже покидала угрюмость, но достаточно ему было выпить, как он становился самим собой, открытее.

Друзья знали причину его замкнутости. В селе трудно что-либо скрыть. Здесь всё как на ладони.

Парнишка рано лишился своих родителей и воспитывался у

деда, жадного и не всег да справедливого татарина. С детства он познал нелёгкий крестьянский труд. Родич ещё обучал пацана шорному делу, к чему у того не было никакой склонности. И он частенько, забросив шило, убегал на колхозную конеферму. Перед любопытным взором мальчишки открывался иной мир, полный таинственности и желания проникнуть в него. И он часами любовался лошадьми.

Измаил знал каждую лошадь по кличке, приносил им по кусочку сахара. И они всегда встречали его тонким ржанием, приветствуя по-своему, вытягивали навстречу шелковистые губы. Конюхи видели пристрастие мальчишки и не отваживали его от животных, более того, научили крепко сидеть в седле. Кому-то бы и помешало такое увлечение, да только не Измаилу. В учёбе он был примерным, особенно преуспевал в русском языке. Однако деду не маялось унять внука и заставить его сидеть за подшивкой валенок. При этом он приговаривал:

— Рано ещё ему любить коней, пусть подрастёт, наберётся ума. Конюхом всегда можно стать — не хитрое дело, а вот шорником... Пусть учится, пока я жив. Конечно, по-своему он был прав. Да только мальчонке разве усидеть за скучным для него делом! Дед же стоял на своём и загонял мальчика домой, а порой за непослушание и драл его. Лишенный материнской ласки, Измаил нередко скрывался от тяжелой руки родственника в овраге, где, как волчонок, забивался в выкопанную нору и плакал от обиды. Там его находила соседская девчонка Варька. Она вытаскивала дружочка оттуда и успокаивала. Они вместе ходили в школу, сидели за одной партой и уроки учили вместе. Вот только на базу Измаил не брал Варьку, считал не девичье это дело возиться с лошадьми. Сам же мечтал стать укротителем полуодичавших коней, пригоняемых из степи после полутора-двухлетнего выгула. Их держали в саманном загоне и выводили оттуда на аркане для обучения под седло или упряжь.

Редкий смельчак отваживался сесть на такого зверя. Конь, храпя, взметался на дыбы, бил задними ногами, не подпуская никого к себе. А кто приближался, чтобы вспрыгнуть в седло, остерегался зубов степняка. Как правило, усмиряли коня силой. Запрягали летом в сани, загружали их чем-нибудь тяжёлым и гоняли, пока конь не взмылитса и перестанет беситься. Другое

дело под седлом. Здесь все зависело от седока, от его смелости, умения держаться в седле и силе рук. Не одному коню удилами раздирали губы.

Исмаил, подрастая, понимал, что конь чувствует седока, и поэтому вырабатывал в себе особую тактику подхода к обучению молодняка. Природа наделила его необычайной силой, так что к семнадцати годам по телосложению он не уступал двадцатилетним парням, и в единоборстве со старшими всегда выходил победителем. Мне приходилось не раз видеть, как Исхаков умирал и обьезжал коней. Однажды даже сам председатель колхоза, черкес, заядлый наездник, не осмелился подойти к буланому жеребцу. Его пригнали из степи неделю назад. Заарканили, но все отказывались садиться на него. Это был не конь, а какая-то неуправляемая дикость.

Коня держали шестеро мужчин. Исмаил шёл на него. Высокого роста, без рубахи, с налитыми мышцами, он неторопливо, но уверенно сокращал расстояние, неотрывно глядя в сверкающие скорее испугом, чем злобой, глаза буланого. И этот волевой шаг, гипнотизирующий взгляд человека, на удивление собравшихся, умирили животное. Подойдя вплотную, Исмаил почесал коню за ухом, потом что-то шепнул ему и стремительно, одним махом, вспрыгнул на спину. Конь только присел, спружиня на тонких и сильных ногах. Натянув осторожно поводья, наездник тихо приказал:

— Отпустите!

Почувствовав свободу, буланный крутанулся на месте и хотел было резко сбросить седока. Но железные удила рванули голову вверх, потом вниз так, что конь растерялся. И тут же ослабил поводья.

— Вперёд! — гаркнул человек.

В бок врезалась камча. Ноги буланого сами понесли в бешеном галопе. В такой скачке лошадь не сбрасывает наездника, уверенного в себе, своих силах, ловкости. А со стороны, у наблюдающих, леденит сердце, и не верится, что это наяву. Не верится, что взмыленный конь и всадник уже стоят рядом, оба целы и невредимы. Рослый парень нежно поглаживает шею и холку примирившего единоборца.

— Теперь он будет послушным, — говорит Исмаил конюху,

передавая поводья.

Его поздравляют с победой. А он грустно отвечает:

— И всё-таки, коня надо брать лаской. Неправильно мы делаем...

Видела, как объезжают степной молодняк, и Варя. У неё кружилась голова от страха, и она умоляла друга:

— Брось ты это дело, Измаильчик, до хорошего это "ковбойство" не доведёт.

— Вот женюсь на тебе и брошу! — в ответ смеялся Исаков.

Смеяться-то смеялся, да намеренья жениться на подружке детства были самые серьёзные. Ни для кого не было секретом, что татарчонок любит русскую девчонку и неразлучен с ней. Дед не противился их встречам. Но когда внук попрос и в радостную минуту — впервые поцеловал Варю — открылся деду, тот взбеленился:

— Татарок тебе не хватает? У нас в роду не было вероотступников и не будет!

— Не о вере идёт разговор, — настаивал на своём Измаил, — а о выборе невесты. Через год всё равно женюсь на ней!

— Запорю, щенок! — завопил дед, хватаясь за вожжи.

На этот раз парень не сробел и спокойно остановил руку со-родича.

— Хватит, дедушка, учить меня вожжами да тычками. Я и сам уже разбираюсь что к чему.

Ссора с дедом резанула по сердцу, он выбежал из дома, и ноги сами принесли его на базу. Оседлав буланого, Измаил гикнул — конь стрелой перелетел перекладину в воротах. Им обоим не хватало свободы, и они вырвались, — полностью отдаваясь головокружительному полёту. Как вдруг из-за угла последнего дома под ноги выскочила дворняжка. Буланный шарахнулся в сторону от неожиданности — Измаил вылетел из седла на дорожную твердь. Сгорая поднялся и тут же рухнул от раскалённых стрел, пронзивших позвоночник. Теряя сознание, увидел, как от него удалялось чёрное пятно хвоста на светло-жёлтом фоне окраса коня.

Он мечтал стать настоящим наездником, любил лошадей, но неотвратимость судьбы сломала заветную мечту, как и сломала дух человека. Об этом Измаил понял после выписки из больницы

и заключения врача: ходить будет, но на лошадь больше не сядет. Каждый человек переживает свою жизненную неудачу, сильные — вдвойне. Не находя выхода из сложившейся ситуации, Исаков пристрастился к вину.

Травма и переживания внука тяжело отразились и на деде. Старик, и так плохо себя чувствовавший за последнее время, вскоре умер. Потеряв последнего родственника, парень запил. Он так бы и спился, если бы не Варя. Она как-то пришла проведать друга да так и осталась с ним навсегда. Старательно ухаживала за больным, отпаивала разными травами по совету знахарок и подняла его на ноги. Миновали осень, зима, а весной Измаил нанялся пасти коров. Всё, казалось, восстанавливалось, но открылась другая сторона — Варя не беременела. Болезнь сказалась на мужском бесплодии. Узнав об этом, Исаков снова стал топить своё горе в хмельном, теперь уже основательно. На все уговоры Вари, с которой он жил так и не расписавшись, он как-то ответил:

— Такой... я никому не нужен.

2.

Рано вечерело. Несмотря на белизну снега, темень поглощала всё: и горы, и сопки, и степь, и прибрежное село. Люди уже укладывались спать, когда одинокий волчий вой прорезал тишину. Вскоре в его протяжную песнь вплелись другие голоса. И вот уже образовался разноголосый хор.

Прибылой волчонок слушал вой своих собратьев, в котором были и безысходная тоска, и плач по хорошей еде. У него самого подтянуло живот, а в желудке было пусто с тех пор, как спасся от облавы. С неделю назад охотники у реки убили его мать, а он, раненый в ногу, скрылся в густых камышах и лишь ночью добрался до своей норы в горах.

Тёплого логова не хотелось покидать. Поднял голод. Луна просвечивалась сквозь облака рваным куском мяса. Подранку ещё сильнее захотелось есть. Он лязгнул на луну зубами, загрёб яму валежником и, припадая на больную ногу, направился в сторону села, надеясь там чем-нибудь поживиться. Чуткое ухо улавливало отдалённые скрипы, лай собак. Вскоре его путь перерезала речка. В прорехах снежной скатерти отсвечивал рябоватый

лёд. На снегу ярко выделялись полосы от саней. Свежий запах недавно пробежавшей лошади звал за собой. Волчонок осторожно перешёл речку и свернул в обрывистый овраг, пересекающий село. У первого дома вылез на берег. Там три волка рвали собаку. Увидев пришельца, они на миг оторвались от жертвы. Один, матёрый, направился навстречу. Волчонок метнулся назад, но тот быстро догнал его и сбил с ног. От щенка полетели клочья шерсти со шкурой. Вдруг у дома грянул выстрел. Это Матвей, колхозный сторож, услышав вой своей собаки, вышел с ружьём. Матёрый, оставив жертву, скрылся за склоном оврага.

3.

Бледная луна высветила человека над оврагом. Бессильно покачавшись над крутым спуском, он рухнул вниз. Придя в себя, человек, шатаясь, поднялся и стал запахивать шубу. Это Измаил возвращался из чайной. Рядом на окровавленном снегу барахтался щенок. Измаил наклонился над ним.

— Ах, ты, собачонка, покусали, видать, тебя и крепко.

Он поднял пострадавшего на руки, завернул в шубу и, прихрамывая, пошёл с ним к дому. В сарае Исхаков положил найдёныша на солому. " Попрошу Илью, ветеринара, подлечит, и будет у меня помощник", — подумал пастух. Привязанная неподалёку корова поднялась и, мыкнув, дёрнулась.

— У, дура, хозяйина не признала, — заворчал он.

Утром Варя тревожно будила его:

— Проснись, Измаил! Ну, вставай же, волк в катух залез!

— Когда? Давай ружьё! — вскочил Измаил.

Он, сунув босые ноги в валенки, на ходу набросил на себя шубу и кинулся в сарай. А там, за перегородкой стоял общий гвалт: металась корова, круша рогами дощатую перегородку, носились куры, теряя перья, сбившись в кучу, блеяли овцы. Фонарь в руках женщины высветил лежащего волчонка. Исхаков направил на него ружьё — тот не шелохнулся.

— Стреляй, чего ждёшь! — толкнула под руку жена.

Измаил оцепенел. Но вот он опустил ружьё, у него дернулось одно, потом другое плечо, руки стали мелко подергиваться, и, наконец, он весь затрясся в неудержимом смехе:

— Вот так собачонка! Вот так породистый щенок!
— А!.. — догадалась Варя, — это ты его вчера принёс. Нам бы ещё лису — кур стеречь!
— Ладно тебе, иди лучше приготовь нам завтрак.
— Гляди-ка, уже и "нам", — сказала и осеклась, почувствовав, что задела мужа за самое живое.

Они постояли ещё немного в молчании, потом Варя передала фонарь Измаилу:

— Ну, я пойду.

Посветив жене, Измаил снова повернулся к волчонку, тронул стволем лапу — зверёнок не шевельнулся. "Не выдержал малыш", — горестно подумал Исаков. Он сел тут же на солому, достал махорку, сделал скрутку и задымил. После первой же затяжки ударило в голову, мягко закружило. Перед глазами поплыли картины прошлого, своего безрадостного детства. А юность?.. Судьба встала поперёк мечты. "Всё потеряно, ни детей, ни друзей — одни собутыльники. Даже щенка не дано.." — этот суровый на вид парень, а вернее, уже молодой мужчина, впервые расслабился так, что из глаз закапали слёзы. Он положил руку на волчонка и — чуть не подпрыгнул от радости: "Живой! Дышит!". Рука невольно погладила жёсткую шерсть прибылого. Несчастный вздрогнул и открыл глаза, посмотрел на фонарь и тут же закрыл их. До вечера он так и не просыпался. Рядом с ним оставались нетронутыми молоко и кусочек баранины.

Очнулся он лишь на другой день. Бледный рассвет вползал в маленький квадрат окна, встроенного почти под самой крышей. В голове шумело. За перегородкой куры долбили о таз, склёвывая утренний корм. Скрипнула дверь, и в проёме показался человек. Волчонок оскалился. Человек заговорил:

—У, какой ершистый! Не поправился, а уже задирается.

Напрасно в этот день пастух пытался приблизиться к нему с чашкой еды, — дикарь настороженно следил за каждым его движением, скалил зубы, тихонько рычал. В нём проснулся инстинкт самосохранения. А Измаилу хотелось снова погладить его, прикоснуться. "Укусит или нет?" — скорее проверить реакцию щенка — протянул руку, и — чирк!: острый клык молниеносно резанул ладонь. Из ранки засочилась алая кровь. Человек пристально посмотрел в глаза дикарю. У обоих во взглядах не было злости;

если у одного — испуг и недоверие, то у другого — сомнение: "Смогу ли я его перевоспитать, сделать своим помощником?".

Спустя несколько дней найдёныш ощутил острый голод. Мясо было рядом, и он решился на лёгкую добычу. Схватил кусочек и, почти не жуя, проглотил. Потом подобрал и остальное. Измаил, увидев пустую чашку, обрадовался:

— Ну, вот, так-то оно лучше, Серый.

Удивился, как ловко придумал кличку:

— Значит, Серым будешь.

Проходили недели, и малыш уже не скалился на человека, постоянно приносившего ему еду и что-то говорившего мягким и ровным голосом, от которого почему-то тянуло на сон. А ещё этот человек добивался, чтобы его подопечный принимал пищу из его рук, но тот не смирялся. Однажды он всё-таки погладил спящего — волчонок словно и не спал: глаза открылись, загревок вздыбился. Но пастух руку не убрал и продолжил легко поглаживать, приговаривая:

— "Серый, Серый, сиротинушка ты мой".

Такие ласки потом продолжались каждый день, и малышу они пришлись по душе. Он уже не вздрагивал от прикосновения руки человека и ждал, когда вновь придёт этот человек и начнёт почёсывать за ушами.

4.

Со стороны казалось, что у Исаковых образовалась настоящая, крепкая семья. Правда, некоторые из селян судачили и иное: подозрительно, когда муж запивает, значит, не всё ладно у них. Что ж, они были по-своему правы. Измаил чем крепче любил свою Варьку, тем сильнее переживал за своё состояние. Он мечтал о сыне, продолжателе рода. Мечта рухнула. И кто бы только слышал стоны этого сильного человека, когда он уходил в горы со стадом коров:

— За что, за что меня так наказала жизнь?!

А Варе хотелось девочку. Она почти наяву видела, как кормит грудью её, купает, пеленает, шьёт ей разные платьица. И рыдала, когда муж уходил в чайную. Но не винила, что он лишил её материнства, принимала это как рок. Она настолько сильно

любила мужа, что дала себе клятву, как бы ей трудно не было, ни за что не бросать его. Если бы знал об этом Измаил! А он всё больше и больше увлекался вином, добавляя яда душевным мучкам любимой женщины.

И всё же, с появлением волчонка у Измаила началась какая-то ломка. Если раньше он скрывался и дерзил жене, то теперь становился сдержаннее и внимательнее. Бывало, едва проснётся, как требует: "Жена, бражки!" А тут как-то, поднявшись, попросил: "Варюха, слей-ка мне на руки!" Она даже растерялась: "А... умывальник?". "Да я хочу на улице пофыркать водичкой", — просто ответил он. Варька плеснула ему тогда на спину — он вскрикнул от неожиданности, как прожгла его холодная вода, и оба хохотали до слёз. Давно так не смеялась Варя.

А за прибылым Исхаков ухаживал как за ребёнком, отдавая ему всю свою ласку. Но вот однажды, изрядно выпив с приятелями, он потянулся к зверёнку. Тот, почувя неприятный запах, ошетинился. И, когда пьяного резко качнуло на него, вцепился зубами в шубу. Вмиг отрезвев, Исхаков вырвался за перегородку. Потом рассказывал жене:

— Як нему с добром, а он...

— Я к тебе тоже с добром, а ты чем отвечаешь? Пьянками! Зверь и тот не выдержал, — еле сдерживая слёзы, высказалась Варя.

Вот тогда сердце Измаила сжалось с болью. Он не находил слов для оправдания. И только подошёл к ней и прижал к себе. У Вари прорвались слёзы.

На другой день, когда Исхаков зашёл в сарай, волчонок встретил его миролюбиво. Обрадованный, Измаил заговорил:

— Серый, ты мой хороший, не любишь пьяных? Я сам себя не люблю за это. Слабый стал и жену вон обижаю...

И он ещё долго говорил молчаливому животному о себе. Это были минуты, когда мужчина раскрывает свою душу другому. Выходя из сарая, Исхаков тихо, но твёрдо сказал:

— Всё, брошу пить!

Это было сказано как клятва. И он её сдержал. Мужики стали замечать, что их приятеля словно подменили. Они зазывали его в чайную — он отказывался. Жена поставит на стол бутылку — потянется к стакану, и остановится рука на полдороги. По-

смотрит виновато на жену, ничего не скажет и продолжит обед. Варя же не знает от волнения как расстаться с полотенцем, то мнёт его, прижимая к груди, то перекладывает с места на место; вздохнёт и отвернётся к печке, где прячет тихую слезу, низко опустив голову. Она даже просветлела лицом, когда стала замечать, что её муж перестал употреблять хмельное даже по праздникам. Первое время это удавалось ему с трудом. Срывался. Мучился. Боролся с неодолимым желанием выпить хотя бы бражки. Но становился крепче духом, когда вспоминал о своём питомце и когда видел грустные глаза любимой женщины. Воздержание рождало привычку, потом водка стала ненужной, мешающей жизни, другой, более полной — внутренней.

5.

Серый быстро поправлялся. Он уже твёрдо стоял на ногах. Теперь его нельзя было удержать в душном сарае, он рвался наружу. Исмаил начал готовить своего питомца к прогулке. Сделал ошейник, поводок из сыромятной кожи. Не с первого раза, но приучил к ошейнику лаской, уговорами, и ранним утром вывел за сарай. Морозный воздух покалывал щёки. После ночной стужи снег поскрипывал под ногами. Солнце ещё не взошло, но рассвет брал свои права, выхватывая из ночной тьмы соседние дома, скупые деревца возле мазанок. От свежего воздуха прибылого покачивало. Он нюхал снег, оглядывался вокруг. Рядом была свобода, однако убежать от доброго и заботливого человека ему не хотелось. Тёплый кров и пища сказывались не в меньшей мере на привязанность. И пастух, видя это, радовался, как ребёнок. В эту радость вплеталась уверенность в крепкую дружбу в будущем с животным.

Однако случилось так, что по селу пошёл слух, мол, пастух Исхаков держит волка, а тот по ночам рвёт собак и даже ворует кур. Немалую толику в молву внес сторож Матвей. Не большого роста, суетливый, он за день успевал поделиться своим мнением с десятками людей. Его не интересовало, прислушивались ли к нему или нет. Ему бы высказаться — эту болезнь знали все. В рассказах и пересказах он весь преобразался. Обычно сморщенный, как высушенная груша, с загнутыми кверху плечами и втя-

нугой в них головой, он как-то светлел, даже розовел, наливался всей живительной силой; доказывая, размахивал руками, насакивал.

— Петушился бы так перед своей женой, — однажды добродушно заметил ему Измаил.

Шутка задела за живое. Матвей действительно побаивался своей супруги. Старше и крепче голосом, она верховодила в доме и, бывало, пускала в ход кулаки или скалку. Она настраивала мужа против Исаакова:

— Измаилов волк загрыз нашего Трезора, а ты молчишь!

Матвей, когда выходил с ружьем на вой собаки, не видел волков. "Волчонок вряд бы справился с нашей сторожевой", — думал он, но соглашался с женой:

— А что, хошь и молодой, а всё зверюга. С цепи сбёг да задал пса.

— Собачку-то жаль, — подбадривала жена, — телёнка ведь за щенка отдали. Зайцев уже приносил, надьсь вон и лису словил.

Дни для Матвея превращались в кошмар: настырности жены, казалось, не было конца, она жужжала, пилила и вытягивала душу у бедного супруженька, пока тот не стал готовиться к отмщению Измаилу. В душе он не собирался покушаться на его дружка, но по ночам ему всё чаще стала сниться пальба по волкам, а едва рассеивался дым, как на него опять смотрели свирепые, волчьи глаза. Тонкая пасть волка превращалась в бульдожью. С невероятными клыками, она надвигалась на него, пытаясь схватить его за лицо. И вот уже лицо обдаёт пеной... Матвей вскрикивал и просыпался. Такие сны изнуляли психику. И однажды, после очередного наседания жены, он взял ружьё, обошёл вечером дом Исаакова, кашлянул несколько раз, надеясь зверь отзовется. Но тишина резала уши. А на утро Измаил как обычно прогуливался с Серым у дома, по селу, проходил и мимо матвеевского двора. Животные чуяли хищника и устраивали свалку за плетнём. Матвей коробило, но при пастухе он юлил:

— Хорошего пса, значица, заимел?

— Волчонка, — поправил Измаил.

— Вот и я говорю, хороший помощник будет.

— Приучить ещё к стаду надо.

— Наберёшься с ним хлопот, зверь ведь.

— Всяк живой ласку понимает, — спокойно отвечал пастух и медленно уходил от болтуна.

Матвея заедало спокойствие Исакова и своё бессилие. Лишившись сторожевого пса, необходимого, как руки, он не мог уже успокоиться и, как-то, подкараулив одного у дома, стрельнул, но от волнения промахнулся. Запаленный, прибежал домой и бросил ружьё в чулан. Его трясло, и он ещё долго не мог прийти в себя.

6.

Согретый теплом человеческих рук, Серый встречал вторую весну, раннюю и дружную. Едва потоки света разливались по степи, как Измаил выводил своего питомца на хрустящий наст. Тот сбивал ноздреватый снег, прислушивался, как он шурша падал. Оба они, человек и зверёнок, зачарованно смотрели на далёкие неслышимые ручьи, косичками расчесанные по сопкам и сплетающиеся в единую, тугую косу — овраг. А там, обмывая снег и взрывая ноздри проталин, чернеющая расхлябь уже ползла по укатанному лыжами и санками верху, наполняя чаши и, впитываясь, словно в губку, уходила под снег и вновь рождалась из-под тонких пластов. Как по живому мосту, под которым невидимо клокотал паводок, Исаков проводил Серого, а тот, останавливаясь, рычал на глухой шум под твёрдой коркой.

В воскресенье, к обеду, над оврагом собрались синеватомутные тучки. От берегов потянуло влагой, обдавая ветерком, и под птичий гомон, слившийся с радостным криком детворы, овраг тронулся. Взбухший и подмытый снег шлёпался, выплёскивая кипящий поток из берегов. Горная наплавь давила, сбивала на поворотах береговые глыбы земли. Низкие огороды в габидулинской стороне оказались затопленными. И оттуда коловерт несла по оврагу смытые плетни, всякое старьё-хламьё. Под неопиcуемый восторг детворы вдруг выныривала лыжа, сделанная из бочки, разбитые санки, колесо от телеги.

На переезде сорвало бречку, и кони, выпутавшись из постромок, с осатанелыми глазами, храпя, поплыли к противоположному берегу. Ездового накрыло снежным комом, но его голова тут же вынырнула посредине оврага.

— Спасите! — донеслось сквозь бешеный наплыв волн, и голова вновь скрылась под водой.

— Матвей тонет! — кричали с переезда.

Толпа бросилась к переезду. Измаил увидел, как среди потока вынырнул Матвей. Серый тоже увидел утопающего и потянул хозяина, державшего его на поводке, к воде. Он метался, рычал и в один момент резко рванулся — Измаил отпустил поводок. Хищник поплыл к утопающему — это была его добыча. Его подхватило потоком, прибывая к берегу, но он отчаянно сопротивлялся течению, а достигнув Матвея, вцепился зубами в телогрейку и потащил добычу к берегу. Там ему помогли люди вытянуть утопающего на сушу. Когда Матвей пришёл в себя и узнал, что его спас волк, руки его затряслись, и он весь ещё больше съёжился, вытирая слёзы.

С тех пор прошло много дней, но Матвей не мог забыть случившегося. Сознание собственной вины перед животным, спасшим ему жизнь, не давало покоя. И тем тягостнее было слушать жену, донимавшую его:

— Волка пожалел, а про Трезора позабыл.

Притворно прикрыв глаза рукой, она приговаривала:

— Да я, может, ночами не сплю, вижу своего пёсика, — и, метнув на мужа сухой взгляд, продолжала, — а ему, ироду, не жалко своего!

Терпенье Матвея лопнуло, и он, решительно взяв вожжи, с жалостью посмотрел на старуху:

— Лучше бы я утонул! Он же спас меня.

Бабу словно стукнуло обухом — поняла, что муж будет её сейчас бить. А он зачем-то одёрнул на себе латаный-перелатаный пиджачишко и прямой походкой направился в сарай. Там перекинул через балку вожжи. Старая, почувствовав истинное намерение мужа, заголосила ещё пуще:

— Прости меня, родненький, прости грешную, не оставляй одну. Что я без тебя буду делать! Да я теперь по гроб буду жалеть тебя! — не в шутку голосила она, вцепившись в мужа. Матвей сел тут же на солому и стиснул голову в мозолистых ладонях.

К майским дням овраг отбушевал, дно очистилось, засияло свежестью песка и камней. Парная земля покрылась зеленым ковром. Ожившая степь одевалась в разноцветные наряды, маня к себе ватаги ребят бархатистыми подснежниками, золотисто-жёлтыми одуванчиками и курослепом.

У домов, бодая безрогими лбами своих мамаш, взбрыкивали опьянённые весенним воздухом телята. Коровы мычали, просясь на свободный выпас. Исаковы готовились к приёму стада. Первый выгон собирался у оврага к восходу солнца. Сюда, на окраину села, стекался шумный разноголосый поток коров. Наряженные бабы провожали своих кормилец. Исмаил тоже пришёл в новой ситцевой рубаше, добротном пиджаке из вельвета, в брезентовом плаще нараспашку. Мальчишки с восторгом смотрели на его длинный кнут. Тут же суетился и Матвей, объясняя всем, что вскоре и ему придётся выходить на сторожевку колхозного сада. Встретившись глазами с пастухом, он поинтересовался:

— А что, же помощника не взял?

— Рановато ещё подводить его к стаду. Пусть коровы сперва пообвыкнут, вон, какие они тревожные после зимы.

Через несколько дней Исмаил взял Серого с собой. Завёл его специально с подветренной стороны, чтобы коровы меньше ощущали запах зверя. Варя подгоняла скотину, а Исмаил шёл чуть поодаль. Но коровы, в конце стада, увидев волка, тревожно оборачивались, мычали и забивались в середину. Так продолжалось до тех пор, пока из стада не выходил бугай. Он всегда появлялся там, куда пастух заводил хищника. Наклонив лобастую голову, бык яростно рыл передним копытом землю. Его небольшие глаза, налитые кровью, зорко следили за зверем, не подпуская к стаду. И, если бы не выстрелы кнута, защитник своих подруг бросился бы в атаку.

— Но-но! — зычно кричал Исаков на него, грозя кнутом. Тот угрожающе наклонял голову. Тогда Исмаил снова менял место с волчонком, кружа вокруг стада. Серый упирался, не шёл к коровам. Его не учила мать, как брать крупную скотину. Они выходили только на отару. Да и то в темноте, ночью, когда спят чабаны. А тут непонятно, как сам человек старался подвести его к

коровам. Инстинкт говорил ему, что в одиночку на стадо нападать нельзя, тем более на таких крупных животных с рогами. Но его хозяин упорно продолжал учить подходу к стаду. Так повторялось изо дня в день, пока коровы стали меньше обращать внимания на них. "Когда же будем нападать?", — томился зверёныш.

А пастух не догадывался о волчьих задумках, у него были свои планы по обучению дикаря. Он не отпускал его с поводка, лишь удлинял ремень и снова подтягивал. Учил подгонять отстающих коров, поворачивать их в стадо. Задержится бурёнка, выщипывая сочную траву, Измаил подождёт немного и ведёт Серого к ней. Волчонок, видя отбившуюся скотину, сам уже тянет пастуха к ней. Ему страшно набрасываться на неё, но можно и порычать, а тут ещё зычная команда: "Гони, Серый!", и щелчок кнута. Корова спешит к своим, Серый за ней. Получается хотя и маленький, но гон. Такая игра Серому нравится. Ко всему ещё человек погладит за ухом и скажет:

— Молодец, Серый! Хорошо гонишь.

Изо дня в день Исхаков всё настойчивее натаскивал своего будущего помощника, пока тот не усвоил, что возглас "Гони!" означает преследовать, и выполнял команду с удовольствием. Однако эти рогатые животные не очень-то боялись волчонка. Уже редкие коровы, убегая от него, забивались в середину стада. Большинство же, чувствуя за собой крепкие тылы, выставляли навстречу рога, а Серый, рыкнув не очень убедительно, отступал к хозяину — у него тоже был верный тыл.

Измаилу нелегко было тянуться за повзрослевшим Серым, к тому же давала о себе знать повреждённая нога. И он всё чаще стал отпускать своего подопечного с поводка. Прибылой постепенно входил в роль пастушечьей собаки. К середине лета он уже без команды возвращал отбившихся коров в стадо. Это было большим подспорьем пастуху, особенно в жару, когда скотину одолевают слепни. Тогда они, задрвав хвосты, ошалело носятся вокруг стада, врезаются в него или, вырвавшись, стараются ударить домой, чтобы в прохладных сараях найти покой от жалящих и сосущих кровь мух.

Исхаков теперь полагался на своего четвероногого помощника, в котором не чаял души. Тот никогда не трогал скотину и никого не подпускал к коровам в степи. А подходили то ребятиш-

ки, то старики, отыскивая в горах дикий лук, чеснок, а поближе к осени и красный, чёрный шиповник. Мальчишкам интересно посмотреть на волка, взрослым же закурить душистого самосада, который выращивал у себя Измаил. Подойдут к стаду — Серый навстречу к ним, встанет на их пути и буравит тяжёлым взглядом пришельца.

— Убери своего чёрта, слопает ведь и косточек не почувствует, вон у него какие зубища!

Улыбнется пастух и откликнется:

— Если с миром пришли, не тронет.

Измаил уж было свыкся с мыслью, что одомашнил волчонка, и что тот больше не тронет домашних животных, однако, Серый сорвался. Была та пора, когда трава уже поступалась зеленью, редел ковыль-волосатик, и степные цветы, иссушенные зноем, хрустели под ногами, больно укалывая лапы Серому. Спасаясь от пекла, он сам иногда убегал от стада к роднику, в кусты. И там отлёживался, забившись под корягу, пока хозяин не возвращал его. Тянуло его сюда и по другой причине, известной только ему. Ручеёк от родника давал жизнь растениям. Здесь пряно пахло полынью, тамариском и прочим разнотравьем. Место напоминало ему родную лощину, где было логово. Сделав такое открытие, он даже заметался поначалу вокруг кустарника, отыскивая нору, но нет, ошибся. И такая грусть взяла его, что он задрал морду к далёким сопкам и завыл, как заплакал.

А в другой раз мимо родника проходила отара. Резкий запах, блеянье овец подняли волка. Со стороны кустов, с края отары шёл старый козёл. В звере зыграла кровь охотника. Короткая тень метнулась к воночему козлу. Хрястнул хребет — козёл не успел даже вскрикнуть. Ветер отнёс запах волка в кусты шиповника. Ни чабан, ни собаки не всполошились. Отара, пройдя лощину, сплошь заросшую кустарником, скрылась за сопками. Серый не стал жрать мясо воночегго козла, это было бы сверх его сип. Он привык у человека есть только свежую вкусную пищу. На всякий случай он зарёб свою жертву сухими стеблями и травой. Вернулся к пастуху к вечеру. Измаил почувствовал недоброе.

— Ты что прячешь морду, Серый, а? Где-то набедокурил, да? А ну, пойдём-ка туда, откуда пришёл.

Взяв на поводок, Исаков потянул упирающегося виновника

к роднику. В бурьяне увидел плохо прикрытого зарезанного козла. Пастух не тронул волка, только сказал:

Да, правду говорят: сколько волка не корми...

На другой день в наказание Измаил оставил провинившегося в сарае. Но не успело пыльное облако улечься за селом, как вдогонку стада из сарая понёсся душераздирающий вой. Оставшаяся дома Варя не выдержала:

Иди, гуляй, а то все нервы вымотаешь!

Серый, прижав уши, рванулся по свежим следам стада. Коровы перевалили за сопки и разбрелись по ложине. Измаил хотел было присесть на камень и закурить, как глухой толчок крови заставил оглянуться — на ближней сопке стоял волк.

Серый! — обрадовался пастух.

Подрастающий волк распластался в лёгких волнах стремительного лёта. Не увернуться — лапы на грудь. Держись хозяин!

Упадёшь кататься обоим в высоком ковыле. Дружба восстановлена.

8.

Приближалась осень. Уже не было такого мучительного зноя, как летом. И хотя над степью нависали свинцовые тучи, ни шквального обвала, ни более или менее приличного дождя засыхающая растительность так и не дождалась. Выгоняя поутру скотину на пастбище, Измаил посматривал на небо, где собирались вздыбившиеся волны и спокойно рассуждал:

— Ветер разгонит.

Так оно и получилось. К обеду небо очищалось, исчезали невесть куда тучи, и солнце вновь начинало припекать. Лишь в сентябре начали задуть ветры, раздевая степной наряд и выбеливая пролысинами солонцы. А в его середине выпал первый снег, пушистый, лёгкий, так и зовущий поваляться в нём. И Серый резвился, взрывая лапами прохладный пух. Измаил улыбался, глядя на друга, но на душе было грустно.

Скоро, Серый, выпадет настоящий снег, закроет всю траву, распустим стадо и будем сидеть дома. Долгая зима, брат ждёт нас, ох, долгая!

Зима ещё не вступила в свои права. Растаяли первый, а по-

том и второй снег, остались только небольшие сероватые его клочки. Коровам ещё было достаточно травы, и они паслись в лощинах до самого темна. А вечерело рано. День заметно убывал. И едва солнце пряталось за сопки, как Исхаков поворачивал скот домой. Серый с неохотой следовал за ним. Дома ожидал его душный сарай, пропитанный овечьим запахом, а ему нужен был простор. Несмотря на привязанность к человеку, его тянуло в сопки, в горы, и он частенько посматривал на них. Скрывалась тут и другая причина.

За лето прибывлой окреп, подрос. Осень встретил новым окрасом шубы, из темно-серого вылился в светлый мрамор. Глядя на его мускулистую грудь, уже не скажешь, что это щенок. Все вырисовывало в нём матёрого хищника. Его боялись собаки, не подпускали к себе сучки. Хотя у него и не было злобного намерения против них, они, поджав хвосты, скрывались в подворотнях и из-под них заливались на непрошеного ухажера лаем. Подруги Серому как раз и не хватало. Волк тосковал. Вскоре его мечта сбылась.

К последним дням выгона стада жена Исхакова прихворала, и Исмаилу приходилось пасти одному. Помогал, правда, Серый, но и он набрав силы, становился не всегда послушным, особенно, если задерживались в степи допоздна. В сгущающейся темноте у Исхакова всегда возникало тревожное чувство. Вот и сегодня сопки настороженно провожали стадо. Подул холодный ветер. Серый стал излишне суетлив, останавливался и, наострив уши, вглядывался в даль, на сопки. Вот он начал нервничать, скрести лапами землю. Такого с ним ещё не было, и Исмаил забеспокоился: "Что-то увидел. А может быть это волки?" — захолонуло у него сердце. Он вынул поводок, скомандовал.

— Серый, ко мне!

Волк отпрыгнул, не дался. И тут пастух увидел, как стая волков заходя в тень ближней сопки, направлялась к коровам. Вой, леденящий душу, разорвал воздух. Это вожак стаи вызывал Серого на поединок. Шерсть на загривке Серого вздыбилась. На повторный зов он рванулся навстречу. С ним рядом был человек, и он не боялся пришельца. Волки стремительно сближались. Вдруг Серый свернул — вожак за ним. Серый уводил его от стада, в нем сработал инстинкт защиты своих владений. В гонке он вспомнил,

как делала мать при преследовании, и перевернулся на спину. Вожак не ожидал такого и, налетев на преследуемого, миг оказался с распоротым брюхом. Исход схватки был предreshён. Подбежала волчица. По праву победителя Серый стал её хозяином, властелином стаи. Знакомство было коротким: они притронулись носами, Серый обнюхал волчицу, словно бы убеждаясь, что это самка, и стая скрылась за сопками.

Напрасно пастух кричал в безответную даль — степь глуха, и крики таяли в темноте. С сопок лишь дохнуло холодом, остужая кровь и разрывая сердце человеку.

9.

Стадо, волной перевалив овраг, разбрелось по селу. Хозяйки встречали своих кормилиц, шумно подзывая. Измаил, едва преодолев берег, сел и закурил. Он сидел и курил, и курил, глядя на дальние сопки, пока они не скрылись в темноте. Тяжелые мысли не покидали его: "Ушёл друг — как расплата за неправильную жизнь. Да, разве я прав, что лишал свободы дикого животного? Разве меня не надо судить за то, что лишил Варю счастья материнства? Знал же, что обречён на бедность, и она знала, но пожертвовала своим счастьем ради меня, из-за любви ко мне. А как я её отблагодарил? Добавил к её душевным мукам физические: запил. Хорошо ещё, что не стал избивать. Спасибо волчонку. Если бы не пристрастился к нему, куда бы меня повело?.. О, Боже, дай мне сил, чтобы окончательно исправиться!".

Варя встретила корову с телёнком, а мужа всё не было. "Что с ним? — стала волноваться она. — Не может же он так долго с кем-то говорить, из него слово-то вытянуть... А если что с позвоночником? Ох, что же я сию!". И она побежала к соседке.

— Нурзия, ты сегодня встречала корову, не видела там моего мужа?

— Нет, я до оврага не доходила, — как бы подсказала та, где искать пастуха.

Варя бросилась туда. Кричала, звала, но муж не откликался. Наконец она увидела его сидящим на берегу оврага.

— Что случилось, Измаилушка, почему не идёшь домой?

Она стояла над ним, не зная что предпринять: то ли ругать,

то ли пожалеть его. Но сердцем почувствовала что-то неладное. Заметила, что нет Серого.

— А где волчонок?

Не сразу ответил Исаков, словно собирался с силами. И Варя молчаливо ждала, не торопила с ответом. Наконец он выдавил из себя:

— Нет больше Серого. Ушёл.

— Как "ушёл"? Куда ушёл?

— С волчицей ушёл.

Варя села рядом, обняла за плечи мужа.

— Не переживай, может быть, он вернётся.

— Хотел сделать из него помощника...

Но не об этом только что думал Измаил, не об этом. Он думал о новой жизни. Познав вкус трезвости, в нём ещё больше заговорили отцовские чувства. Забота о сиротке волчонке, частые обращения соседских ребятишек, которые видели в Измаиле настоящего джигита, невольно разбудили в нём страстное желание иметь своего сына, пацана, которому он смог бы передать своё мастерство наездника, свою любовь к коням, к этим умным и послушным животным.

Варя тоже думала в этот момент — и больше не о себе, а об этом неразговорчивом, суровом на вид человеке, но чувствительном по натуре — её любимом. Она как-то видела Измаила, склонённого над степным цветком акбасы — белая голова. Он не сорвал цветок, а любовался его белыми, нежными лепестками, осторожно проводя по ним пальцами. А в день её рождения принёс ей букетик полевых цветов и неловко протянул:

— Вот... тебе, в день рождения.

И слегка приблизил её к себе. Варя прослезилась тогда от радости, положила свою голову ему на грудь. В тот момент всколыхнулись у неё в памяти молодость, первые годы совместной жизни с любимым человеком, которого сейчас вот она обнимает. Варя не раз обращала внимание, что на волевом лице мужа уже появились морщинки, и руки его сильные и нежные, покрылись бороздами вен. А в сырую, холодную погоду она замечала, как Измаил страдал от боли в поломанной ноге, давал о себе знать и повреждённый позвоночник.

Память о прошлом стала вроде бы светлей, отчётливей. Всё

до мелочей вспомнилось, как она пришла к Измаилу, по вечерам они, обнявшись, ходили к реке и подолгу там сидели на берегу, наблюдая за игрой мелких волн-мурашек, слушали таинственный шелест камыша. А то уходили далеко от дома на тихую заводь, где в предвечерних сумерках едва всколыхнёт притаившуюся тишину одинокий вскрик речной чайки, да вынырнет рыбка из глубины и своим всплеском заставит вздрогнуть сердце и вернуть мысли от фантазии к реальности.

Было и хорошее, и плохое, на то она и жизнь. Только к тридцати годам они официально зарегистрировали свой брак. Измаил как-то сказал: "К чему ворошить прошлое...". Варя поняла тогда, что эти слова были упрёком к самому себе за неправильно прожитые годы. Она любила его и всё простила. И он раскрылся перед ней:

— Давай возьмём парнишку на воспитание?

А она, когда он ночью сказал ей об этом, отвернулась и, уткнувшись в подушку, стала вздрагивать — плакала беззвучно. Научилась плакать не в голос, а тихо, пока жила с Измаилом. Залила всю подушку слезами. Потом так и решили: осенью, после окончания выгона скотины на пастбища, поедут в город, в родильный дом или в приют просить мальчишку. Так и жили всё лето и часть осени с этой надеждой, не заговаривая больше о заветной мечте.

Варя взяла руку мужа и прислонила к своей щеке. Тёплой и доброй была рука Измаила. После долгих недомолвок ласково взглянула в его лицо:

— Пойдём домой, Измаилушка, пойдём, дорогой!

Он поднялся и, перехватив её ладонь, крепко сжал.

— Всё, завтра поедем в город...

Варя поняла зачем и тихо сказала:

— Не надо ехать...

— Почему?

— Давай подождём, может быть...

— Что? — Измаил резко вскинулся, посмотрел на лицо жены — оно сияло, наполненное внутренним счастьем. — Да? Варюша?

— Да, мой дорогой! — в ответ прошептала она

1983 г.

ДЕД ЖИРНОВ

/Рассказ — быль/

— А вот и наша речка! — воскликнула сестра и в волнении взяла меня за руку.

— Как же она обмелела... — сорвалось тут же у меня.

Я смотрел и не узнавал нашу красавицу Карагалу. Некогда глубоководная, с обрывистыми берегами, она собирала, как на праздник, и притягивала к себе детвору и взрослых. Стройный камыш заглядывал словно в девичьи глаза, в глубину вод. Ракитыгнулись к струям и шептались с ними, тревожа молодые сердца. Играла гармонь, выбивала дробь балалайка.

А сейчас — будто бульдозером сглаженные берега, узкие протоки, в которых полошата сероватые гуси, да барахтаются на мелководье мальчишки. Единственное, что сохранила природа, это тополя. Их пять близнецов, посаженных руками отца — пятеро членов нашей семьи. И нет уже родителей, но память о них живёт в нежном и тихом шелесте зелёной листвы, в сердцах детей, наших сердцах.

Я притрагиваюсь к их шершавым стволам, до боли родным и дорогим, вспоминаю своё далёкое детство, сверстников, наше село. То были тяжёлые послевоенные годы, когда многие семьи остались без отцов, когда крестьянское хозяйство, обременённое непосильными налогами, едва давало возможность выжить. Но какими бы они трудными не были, в душе всегда найдётся место для добрых воспоминаний, когда речь заходит о земляках.

Вот здесь, у речки, я присел в тени тополей и, едва закрыв глаза, услышал, как густая крона начала мне шептать...

Наше село — в большой земной чаше. Его дома веером разбегаются от речушки. У каждого дома для скотины отгороженный двор, по которому сельчане судят о хозяйстве. Вот у деда Жирнова в отличие от других помазан глиной, всегда подметен, для стока дождевой воды сделана канавка, и огорожен он плетнём. За ним тянутся аккуратные грядки картофеля, ровные ряды помидоров, моркови, огурцов, свеклы.

Порядок у деда во всём. И сам он одевается опрятно, хотя и скромно. Серый его пиджак старательно подшит, коричневые брюки выглажены, чистая рубаха. А на ней ярко выделяется огненная борода, в которой он прячет усмешку, когда встречает нас, заовраженских ребят. Идёт, бывало, с речки, на прямом, как погон, плече две удочки, вырезанные из ивы и такие длинные, что у нас дух захватывает. На удилищах покачивается оцинкованное ведёрко, сделанное им самим.

— Куда путь-дорожку держите, огольцы? — спрашивает нас.

Мы молча сторонимся. Но Васька не выдерживает:

— На речку.

— Купаться? — усмехается дед, будто не замечая наших удочек-коротышек.

— Не... рыбачить, — опять срывается у Васьки.

Мы уже хотим обойти деда, но он подзывает:

— Посмотрите, какая щучка мне попалась!

Защемит сердечко, хочется посмотреть на улов, а подойдешь — гореть уху. Доставалось нам на орехи от деда. И всё из-за кубарей, как у нас называют плетёные из ивовых прутьев верши. Из них мы выпускали дедову рыбу. Что нас толкало к этому, и сами не знаем. Скорее всего, зависть. В его кубаря попадалось рыбы больше, чем в наши.

— Зачем ему столько рыбы, ведь живут вдвоём с бабкой? — возмутился как-то Назым.

С этого дня и началось. Мы выслеживали, в каких местах дед выставляет кубаря. А выходил он поздним вечером, когда всё утомится на селе. Сперва забрасывал кубарь на бездонке, где в

холодных ключах водились ерши, потом на давидовской плотине, откуда брал щук.

Мы с трепетом следили, как Жирнов справляется со своей оснасткой. По всему было видно, что ему приятно не только заниматься рыбной ловлей, но и проводить вечера на реке. Засиживался он на берегу до самых звёзд. Река в это время ярко поблескивает от лунного света и россыпи звёзд. Переливаясь и ропща полусонной волной, она то надвигается на берег, подкатываясь к ногам деда, то вновь прячет свою волну в тёмной толще. Дед что-то бормочет, отвечая волне.

Осторожно, стараясь не шуршать галькой или камышом, мы подползаем к нему. Жирнов, и без того высокий, кажется ещё выше и сутулее при свете луны. Густая борода удлиняет лицо, делает старого таинственным, сродни водяному. Нам страшно у ночной воды, а ему хоть бы что. Он даже говорит с ней, как с живой:

— Ну, ну, шали мне, — журит набегающую волну.

Закрепив тонкую проволоку от кубаря к берегу, рыбак бросает его в реку. Та на минуту проснётся, ворчливо покатится на волнителя, но и вскоре угомонится, пока рыбак не разбудит её в другом месте.

Уходит Жирнов с реки не сразу. Смотрит, как утихают круги, выпрыгивают и лопаются пузыри серебристой россыпью. Потом прощается с рекой, говорит ей ласковые слова и медленно поворачивается к селу. Теперь за дело принимаемся мы, Васька-заходила, Назым, Борис и я. Наощупь отыскиваем проволоку в воде, вытаскиваем кубарь и, открыв днище, снова забрасываем его на прежнее место.

— Нечего зря рыбу портить, — приговаривает Борис. Он у нас вообще самый умный. Говорит, когда закончит школу, пойдёт учиться на агронома.

Васька же старался больше всех. Жирнов словно чуял его руку и подманивал к себе только его. О выпущенной рыбе дед не говорил ни слова. Нас удивляло его терпение. Молчали и мы. Эта игра в молчанку продолжалась всё лето. По вечерам мы старались не пропустить выхода деда. А он ухитрялся проводить нас за нос и ловить рыбу в известных только ему местах. Из-за выпущенной рыбы дед, видать, не очень расстраивался, а лишь учил нас по-

рядку, что нам больше всего не нравилось.

В солнечную погоду во дворе Жирновых всегда сушилась рыба. Верёвка увешивалась краснопёркой, плотвой, окунями... Проходя мимо, люди замечали:

— О зиме летом думает.

В такие моменты глаза у деда — капельки нашей речушки — поблескивают радужной синевой.

— Красно лето солнышком, а зима краснопёркой, — кланяясь, отвечал Жирнов землякам. И они с почтением смотрели ему в глаза, говорили о нём уважительно. Нас это только удивляло. Одна его борода не давала нам покоя — рыжая, как заходящее солнце, в неё так и хотелось бросить колючие слова.

Летняя рыбалка проходила быстро. Наступала долгая казахстанская зима. Учёба в школе, коньки, лыжи — и мы забывали про деда Жирнова. Зимы у нас богатые снегом, а эта, послевоенная, была особенно снежной и суровой. От недоедания в селе некоторые болели. Слегла и моя мать. Сухой кашель давил её, приковывая к постели.

На меня навалилось всё хозяйство. Вставать приходилось чуть свет. До школы надо было успеть растопить печь, сварить кашу или картошку, согреть для матери молока. А в сарае уже мычала корова, беспокойно вхохтали куры, боясь остаться без корма. Корову доить приходила соседка. Остальное лежало на моих плечах.

После школы хлопот по дому увеличивалось вдвое. Бросив фанерный ранец с тетрадками, готовил по маминой подсказке обед, носил из проруби воду, поил-корову, из сеновала надёргивал ей сена и не замечал, как зимний короткий день сменялся густой тьмой. На уроки оставался поздний вечер.

Уставал я за день нещадно. Зато чувствовал себя хозяином и не любил, если соседи, приходившие навестить мать, жалели меня. Они вздыхали, хвалили меня, когда я мыл посуду или подметал пол, мол, какой молодец, всё делает сам — и тем расстраивали мать. Она плакала, просила меня посидеть с ней. Я присаживался на край постели, но тут же вспоминал, что надо почистить в сарае, наколоть к утру дров, принести кизяку.

Пришёл как-то дед Жирнов. Принёс увесистую связку вяленой рыбы. Мать не знала, как его благодарить, а он только отпы-

хивался в огненную бороду.

— Незамай-вон огольцы чаще кубаря открывают, — кивнул он на меня.

— Да что ты, Василий Григорьевич, мой не станет бедокурить, другие нешто подобиют.

— Знаю, Васька-грек наущает их, — и поворачивая ко мне бороду, продолжал, — али я не прав?

Я терялся, не зная, что ответить, но выдавать друга не хотелось.

Поговорив о житейских делах, о войне, налогах, от которых страдал каждый двор, Жирнов прошался:

— Выздоровливай, кума, / кум да кума у него за поговорку/, вставай. А мальчика-то не очень голубь, не красной девицей пусть растёт, а нашим крестьянским мужиком, — и спрашивал, — по хозяйству-то справляется?

— Как слегла, всё на нём держится, — и с грустью добавляла, — мал ещё, тяжело нам без отца. Кабы вернулся свой с войны... Мужская сила— она в каждом дворе нужна.

— Ничего, кума, всем миром будем дружнее жить — выдюжим. А у тебя вон какой помощник растёт, на второй десяток потянуло, — и посмотрев на меня, спрашивал, — мать-то слушаешься?

Неловко повернувшись в дверях, он выходил. В сенцах, подтолкнув меня в спину, попросил:

— Своди-ка меня в катух.

У коровы не было убрано. Покряхтев и не сказав ни слова, дед взялся за вилы. Аккуратно собрал навоз, поскрёб лопатой половицы, а мне мягко приказал:

— Завтра вычерпай яму, ишь полна, не запускай!

Уходя шепнул:

— Ты матери-то не сказывай, что я тут тебе помог, а то подумает, что сам не справляешься.

— Ладно, — шмыгнул я носом, не зная, радоваться или сердиться на него, а про себя подумал: "Хитрый какой-то: делает добро, а говорит "не сказывай". Но на душе теплело, и дед "исправлялся" в моих глазах.

Зима лютовала. Наши саманные дома заносило по самые трубы. Бураны утихали, и всё заовражье казалось вырубленным

лесом с торчащими пнями в белых сугробах. А пока завывали бури, всё живое пряталось по тёплым домам. Мы зажигали керосиновую лампу-десятилинейку, подвешивали её на стену и подолгу смотрели на бурю, как она белёсыми космами зализывала окна, глазасто заглядывая в комнату на ночной свет. Потом тушили лампу. И тут буря в темноте начинала капризничать, недовольная тем, что её лишили возможности заглядывать в комнату. Она то посвистывала, то повизгивала, или начинала завывать, словно стая голодных волков. А порой казалось, будто кто-то бродит у окна, скрипит по снегу подшитыми валенками, глухо стучится в стенку, окна, пробегает по крыше.

Я представлял бурю живым существом и боялся её, но стараясь перед матерью не показывать виду, что боюсь. К утру всё стихало, и люди начинали выбираться наружу, пробивая толщи сугробов, наметенных у дверей. Наружная дверь у нас открывалась в предсенник, сделанный ещё до войны отцом из речного ивняка. Сперва я пробивал отверстие в снежной стене, вылезая на улицу, а потом расчищал выход, откидывая снег от окна.

Ещё в предсеннике, когда вырезал пласты спрессованного снега и оттаскивал их в сторону, я слышал скрип лопаты наверху. "Наверное, Назым копает", — подумал я. Наши дома рядом, и мы после буранов помогаем друг другу откапываться. Я не стал его окликать, а когда высунулся через отдушину, то увидел деда Жирнова. Тот спокойно смотрел на меня, облокотясь на лопату, а у меня словно отнялся язык. Придя в чувство, спросил:

— Ты что здесь копаешься?

Лёгкая улыбка пробежала по лицу деда и спряталась в боро-
ду.

— У себя перекидал, к тебе вот пришёл, — и, пригладив пушистую бороду сухой рукой, кольнул, — али снега стало жаль?

— Не... — буркнул я в ответ.

Больше мы не перемолвились ни словом. Жирнов, как у себя во дворе, сноровисто вырезал квадратные и прямоугольные пласты, ловко подхватывая их лопатой и размашисто отбрасывая от выхода. Рядом с ним я чувствовал себя лишним. Старался тоже покрупнее вырезать пласты, но они были не под силу мне, и лопата вываливалась из рук. Я нервничал, придумывал, как бы отправить деда восвояси. Когда вдруг появился Назым.

— Кольк, я помочь... — и осёкся, увидев непрошенного гостя.

А дед, повернувшись к моему другу, рассмеялся. Толстощёкий Назым в отцовском бушлате до пят, с захавшей на глаза ушанке, так смешно выглядел, что и я не выдержал и захохотал вместе с Жирновым. Глядя на нас, залился и Назым.

Дед смеялся заразительно и просто. Глаза его закрывались, плечи тряслись, борода дергалась, а руки взлетали, как крылья ветряной мельницы. Мы никогда не видели его смеющимся, наверное, оттого, что он всегда был строг с нами, пацанами, а может быть, и по другой, неизвестной нам причине. Что мы знали о Жирнове? Взрослые звали-величали его Василием Григорьевичем. У него вернулся один сын с войны, а другой, младший, остался лежать где-то под Берлином. А сам он воевал ли? Вроде мы не помнили, чтобы его встречали с войны, как других. Мы сетовать Жирнова не призывали вообще служить в армию? Нет, нас никогда не волновали подобные вопросы. Дед — есть дед — и всё тут. Мы неловко чувствовали себя при нём. А вот сейчас хохотали вместе с ним, и нам было просто.

— Эк, пострел, обрядился-то как! — любовно заговорил дед, перестав смеяться. — Выручать друга, значит, пришёл. Молодец! Друг другу всегда надо помогать.

— Мы и так, — ответил Назым.

— А взрослые не помогают маленьким, они сами за них всё делают, — вырвалось у меня.

— Эк, егоза! — опять воскликнул Жирнов, — Тебе вот учителька помогает в школе стать на ноги, а задачи за тебя не решает. Так и во всей жизни: старшие учат младших, а принимать решения в жизни приходится самому.

Мне стало стыдно за свою несдержанность, а Жирнов хлопал меня по плечу и совсем ласково добавил:

— И ещё запомни: всяк хозяин в своём доме велик. Вон немец какой сильный был, без удержу давил на нас, ан нет, обломали крылья — не туда, брат, залетел. А потому, что мы у себя дома.

Жирнов говорил между бросками, словно рассуждая сам с собой:

— Вот живём на земле, тащим всё в свою конуру, и всего

нам мало. А умрём — ничего не надо будет. Выходит, жил среди людей и не был с ними, ничего не сделал для людей. Это не жизнь, ребята. Надо стараться делать добро друг для друга. Вам, конечно, нелегко приходится. Война загубила ваших отцов, поистерла в окопах старших братьев. А вы живите дружнее.

Я смотрел не отрываясь на лицо деда. Оно было печальным, а синие глаза — глубокими и грустными. Наверное, тогда он подумал о своём младшом. С таким же взглядом он сопровождал нас из школы во время сильных буранов. Так бывало, когда разгравшаяся метель заставляла нас в школе. Тогда учителя собирали младшеклассников в группы, кто где живёт, и провожали домой с родителями. За нами же, завраженскими, всегда приходил Жирнов. Он никогда не опаздывал, и как только начинался буран, был уже в школе.

Мы радовались такой непогодице, а дед задумчиво стоял около классной двери и терпеливо ожидал, когда учительница закончит нас укутывать. И вот у каждого малыша оставались неповязанными одни лишь глаза.

— Можно теперь вести, — облегчённо вздыхала Валентина Семёновна, словно бы уже и довела нас до дома.

Теперь наступала очередь "попечителя" — он выводил на улицу своих цыплятушек, прикрывал их полами тулупа, куда, уму непостижимо, пряталось до шести ребят, и медленно, с осторожностью продвигался, боясь наступить кому-нибудь на ногу. А кто и был обделён такой надёжной защитой, то следовал за дедом, укрываясь от хлёстких пощёчин выюги.

Наша четвёрка никогда не пряталась за спиной спасителя. Мы с вызовом, гордо шагали впереди него. А тот смотрел на нас и мурлыкал в свою огненную бороду, залепленную снегом. Такое что-то мы слышали от него на речке. Это была какая-то добрая мелодия, от которой становилось тепло на душе. Интересно, бывают ли у таких мелодий слова?..

Начинались зимние каникулы. Мы торжествовали: теперь вдоволь накатаемся на коньках и лыжах и не надо учить уроки. К тому же, мать стала поправляться, уже ходила по комнате, повязав грудь шерстяным платком, готовила еду. Мне только и оставалось ухаживать за коровой да курами.

Валентина Семёновна предложила нашему классу подгото-

вить пьесу об Александре Матросове ко Дню Советской Армии, и мы с радостью согласились. Все с волнением ожидали праздничного дня, тем более, что учительница объявила о встрече с ветераном Гражданской войны. Кто он — держала в секрете.

— Ну, кто же этот герой — лётчик, моряк, танкист? — казначили мы.

— Увидите, узнаете, — коротко отвечала Валентина Семёновна.

Мне представлялся он высоким, молодым и красивым, в длинной шинели, в будённовке и обязательно с шашкой на боку.

К праздничному дню все добросовестно заучили свои роли, отрепетировали. Теперь не могли дождаться, когда состоится встреча с героем.

И вот тот день настал. Тётя Паша позвонила в колокольчик, мы, шикая друг на друга, затаив дыхание, ждали — вот-вот откроется дверь, и появится он. Всё произошло неожиданно: в класс вошла Валентина Семёновна, а за ней показалась огненная борода, и, сутулясь, бочком появился сам дед Жирнов. Многие тут же посмотрели в окно: не начался ли буран: Нет, сияло солнце. Тогда все опять посмотрели на дверь, но больше никто не появлялся. Дед тоже повернулся к двери и даже шагнул к ней. Но не вышел. Здесь в углу стоял поломанный стул, и дед, спокойно сняв длинный бушлат, положил его на стул. Медленно повернулся к нам — класс ахнул: грудь деда блистала в орденах и медалях.

И пока все, не в силах оторвать взгляда, рассматривали награды, Жирнов мягко откашлялся, пригладил пушистую бороду и глухо заговорил. Его голос доносился до меня откуда-то издалека, хотя он сидел тут же рядом, за учительским столом. В то время, когда ребята сидели с открытыми ртами, жадно ловя каждое слово героя, я плавал где-то в потоке грёз и не мог оторваться от непослушного клочочка седых волос, торчащего у левого уха деда, как раз с той стороны, где я сидел. Чем он привлек моё внимание — я не понимал, только в один момент почувствовал, как в груди что-то словно расколослось и до этого давившее меня чувство недоверия к деду вдруг вырвалось наружу и расств орилось бесследно в поражённой тишине класса.

Жирнов, видимо, уже успел о многом рассказать, когда я пришёл в себя и стал различать его слова. Они текли плавно и

душевно журча, как наша речка Карагала. И в этой речке не было порогов, камней, крутых поворотов. Она уводила куда-то далеко, вверх к своему истоку. И я вновь видел там, в той дали молодого и сильного Жирнова на лихом коне с шашкой в руке. Он бился вместе с другими богатырями за нашу казахстанскую землю, за любимую страну. И представлял, как генерал вручал ему боевые ордена.

Сейчас я по-новому увидел деда. Да и какой он дед, просто борода его старит. А так он высок, плечист, правда, немного сутуловат, а глаза — это зеркало души — полны синевы, и лоб не так изборожден морщинами, как у назымова деда. Я вспомнил, как Жирнов откидывал снег и только в эту минуту позавидовал его силе и ловкости.

И снова я уловил, но уже концовку рассказа о том, как братались в Германскую войну с немецкими солдатами. Простые люди не хотели стрелять друг в друга. Немецкие солдаты так же, как и русские, думали об оставленных дома жёнах, детях. Кровь не возбуждала их, а вызывала жалость, слёзы — гибли друзья, товарищи. Кому нужна эта война — ворчали в окопах рядовые, а офицеры гнали их под пули. "Ночью же, когда стихали перестрелки, — рассказывал Жирнов, — мы тайком переползали поле, разделяющее нас с немцами, и там, в окопах, делились табачком, едой. У немцев, надо сказать, пахучий был табак, с ментолом, — и видя на наших лицах замешательство, пояснял, — ну, как конфетки, такие вот были у них сигареты, их куришь, а во рту появляется холодок".

Жирнов вспоминал, как они утром подшучивали друг над другом, задел и себя:

— А Василий-то наш всё пузо стёр, переползая к немчуре, вон и штаны того и гляди спадут, — так балагурил над Жирновым ротный заводила.

Мы представляли, как наш дед братается с немцами ночью, а днём никто не стреляет друг в друга, и все пули летят мимо. Была, правда, у него от Германской одна небольшая ранка на руке, так себе, с копеечку.

— Расскажите, Василий Григорьевич, как вас ранило, — попросили девчонки.

Ох, эти девчонки, вечно что-нибудь у них...

- Так это случайно, просто пуля пролетала, а я хотел её поймать, вот она и зацепила, — улынулся дед.

Хохот впервые разорвал тишину. Все смеялись над шуткой деда и больше над любопытными девчонками, что, мол, съели. А мне почему-то захотелось подойти к нему, взять за руку, с той копеечной царапиной, и сказать: "Дедуль, я уж..., мы уж больше так не будем. Ты нам поверь. Даже будем сторожить твои кубаря". И не только за кубаря мне стало стыдно, но и за то, что всё время дулся на него. А он вот ни разу не сорвался, не обругал нас, никому всерьёз не пожаловался на наше бедокурство.

Да, опять я "уплыл". О чём это он? Уже о Великой Отечественной войне. Оказывается, и на этой он побывал. Получил серьёзное ранение. Демобилизован. А командовал Жирнов взводом. Пришлось ему защищать Ленинград. Учительница нам рассказывала о блокаде города. А тут рядом с нами был живой свидетель, защитник.

Спокойный рокот деда сменился, когда он водил нас по руинам города, рисовал картину голодовки, смерти, и стал вдруг жёстким, стальным...

— Солдаты, как и жители города, страдали от нехватки продуктов. Но тяжелее всего было смотреть на голодных и умирающих детей. Они подходили к расположению наших частей, и мы отдавали им свои пайки хлеба.

А однажды разбомбили продовольственные склады. Чёрный дым удушливо заполнял улицы. Нас бросили на тушение пожара. Под обломками уцелели горки спёкшегося сахара. Огонь, вода, гарь, грязь — чего только в нём не было, но это всё же был сахар. Мы грызли эту сладкую мешанину, наскрёбывали в котелки и выносили за охрану детям. Душа болела за них, ведь каждый представлял своего сына, дочку, оставленных в других городах, сёлах под захватчиком...

Уроки в тот день закончились раньше обычного. День был особенно ярким, солнечным. Но мы, как в буран, облепили нашего дорогого деда Жирнова. И даже Васька с Назымом не вырывались вперёд, а, почти цепляясь за деда, шагали рядом с ним, словно бы он был нашим родным дедом.

Март, 1997 г.

СОДЕРЖАНИЕ

И в горе, и в радости. (Повесть).....	3
Серый. (Повесть).....	96
Дед Жирнов. (Рассказ — быль).....	117

ББК 84Р7

Н 62

Никитин Н.Е.

Н 62 Ив горе, и в радости. Повести и рассказ.

Издательский дом "Шаповалов". Белгород 1998г., 128 с.

ISBN 5-88092 — 045-3

470201020-18

Е 59 /03/ -98

© Издательский дом "Шаповалов" 1998.

©Никитин Н.Е. 1998.

Литературно-художественное издание

Никитин Николай Егорович

И В ГОРЕ, И В РАДОСТИ

Повести и рассказ

Книгу к изданию подготовил автор

Компьютерный набор и верстка В.В. Шаповалова

Формат 84X108/32. Печать офсетная. Усл.,изд.,л,8

Тираж 1000-98 г.

Издательский дом "Шаповалов"

Лицензия ЛР № 060491

308033.Белгород,ул. Губкина, д.20, к. 13, тел. (0722)25-86-06

Типография Липецкою издательства. 39805 5.Липецк, ул. Московская, 83.

Заказ № 512.

